This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HD
6477
S8

...ніе Петровской Библіотеки въ Москвѣ.

UC-NRLF
$B 94 550

П. Стрѣльскій.

Новая секта
въ рядахъ соціалистовъ.

Москва—1908.

·FROM·THE·LIBRARY·OF·
·PAUL N·MILIUKOV·

SIGILLVM·VNIVERSITATIS·CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII

EX LIBRIS

Изданіе Петровской Библіотеки въ Москвѣ.

П. Стрѣльскій.

Новая секта

въ рядахъ соціалистовъ.

Москва—1907.

МОСКВА.
Тип. „Печатное Дѣло“, бывш. Ф. Я. Бурче. Тверск. бул., д. Яголковскаго.

HD 6477
S8

Предисловіе.

1906 годъ отмѣченъ въ исторіи рабочаго движенія тремя соціалистическими съѣздами, которые заслуживаютъ особеннаго вниманія. Мы имѣемъ въ виду партейтагъ германскихъ соціалдемократовъ, бывшій въ сентябрѣ этого года въ Мангеймѣ; — съѣздъ итальянскихъ соціалистовъ въ Римѣ, состоявшійся двумя недѣлями позже, и Лиможскій съѣздъ французскихъ соціалистовъ въ октябрѣ того же года. Наконецъ, незадолго до Лиможскаго съѣзда въ г. Амьенѣ состоялся съѣздъ французской „Всеобщей Конфедераціи Труда", и работа этого съѣзда представителей синдикатовъ и биржъ труда служитъ прекраснымъ объясненіемъ смысла нѣкоторыхъ рѣшеній, принятыхъ на лиможскомъ съѣздѣ.

Всѣ три упомянутыхъ соціалистическихъ конгресса заслуживаютъ особеннаго вниманія потому, что поднимаютъ вопросъ не болѣе не менѣе какъ объ основномъ методѣ пролетарской классовой борьбы. Поэтому они возбудили громадный интересъ даже въ буржуазной прессѣ. Конечно, по формѣ своей постановка и дебатированіе вопросовъ на этихъ конгрессахъ далеко еще не раскрывали глубины и жгучести этой чрезвычайной темы. И прежде всего тутъ сказывались различія въ развитіи рабочаго движенія различныхъ странъ. Наиболѣе близко къ основной темѣ вопросы ставились во Франціи, наиболѣе частными и поверхностными были дебаты въ Германіи.

Въ сущности вездѣ на очередь выступалъ вопросъ о столкновеніи революціоннаго соціализма марксистской школы съ тѣми теченіями въ рабочемъ движеніи, которыя питаются литературнымъ наслѣдствомъ Прудона, находятся подъ вліяніемъ теоретиковъ анархизма и въ послѣднее время громче прежняго говорятъ о себѣ, называя себя именемъ „революціоннаго синдикализма" во Франціи и Италіи, и анархо-соціализма въ Германіи. Но не вездѣ еще это столкновеніе приняло рѣзкую форму. Мѣстами представители „синдикализма", находясь въ меньшинствѣ, предпочитаютъ въ тиши укрѣплять свои кадры вербовкой новыхъ единомышленниковъ, мѣ-

S
M278210

стами они только начинаютъ фракціонную оппозицію соціалистическимъ вождямъ, слѣдуя печальному примѣру бакунистовъ въ старомъ Интернаціоналѣ. Естественно, что то и другое положеніе дѣлъ мало располагаетъ соціалистическихъ писателей полемизировать и бороться съ ними. Но зато объективныя условія, породившія этотъ новый расцвѣтъ старыхъ тенденцій рабочаго движенія, а именно—ростъ и укрѣпленіе профессіональнаго движенія массъ, повсюду привлекаютъ къ себѣ самое живое вниманіе вожаковъ классовой борьбы и вообще рабочихъ. Далѣе, чѣмъ интенсивнѣе идетъ въ данной странѣ рабочее движеніе, тѣмъ больше вопросъ о вовлеченіи въ борьбу и организацію *широкихъ массъ* становится предметомъ споровъ между вожаками и борьбы за вліяніе на эти массы. Въ результатѣ мы видимъ три постановки вопросовъ очередной партійной тактики на трехъ различныхъ конгрессахъ: въ Мангеймѣ говорятъ о взаимоотношеніи профессіональныхъ союзовъ и партіи, и въ частности о „всеобщей стачкѣ". Въ Римѣ Артуро Лабріола защищаетъ резолюцію о предоставленіи профессіональнымъ союзамъ и ихъ методамъ преобладающаго значенія въ дѣятельности соціалистической партіи и объ отстраненіи политической борьбы на второй планъ. Наконецъ, во Франціи, въ Амьенѣ и Лиможѣ, вопросъ идетъ о рѣшительномъ отдѣленіи синдикалистской фракціи отъ соціалистической партіи.

Впрочемъ, во всѣхъ трехъ случаяхъ формальная сторона борьбы мнѣній, направленіе дебатовъ и характеръ резолюцій такъ осложнены соображеніями тактически-фракціоннаго свойства, что надобно ближе вдуматься въ объективный смыслъ происходящаго, сопоставить и сравнить эти различныя постановки одного и того же по существу вопроса для того, чтобы ясно представить себѣ его историческое содержаніе. Для этого мы прежде всего освободимъ себя при обсужденіи нашей темы отъ той обязанности „миролюбія во что бы то ни стало", которая по разнымъ причинамъ связывала на съѣздахъ обѣ дискутирующія стороны. Тогда работа теоретической мысли отчетливо выдвинетъ то, что практическая работа, слѣдуя требованіямъ момента, затѣняла. Одно другому, по нашему мнѣнію, не должно мѣшать.

Читатель, по всей вѣроятности, уже знакомъ съ формальной, такъ сказать, *протокольной* стороной упомянутыхъ съѣздовъ [1]). По-

[1]) Достаточно обстоятельныя свѣдѣнія по этому вопросу можно найти въ журналѣ „Современная Жизнь" за октябрь, ноябрь 1906 г. и въ нѣсколькихъ брошюрахъ о Мангеймскомъ съѣздѣ.

этому мы не будемъ ея касаться, а прямо перейдемъ къ внутреннему содержанію соотвѣтственныхъ преній. Тогда всѣ три группы дебатовъ легко представятся намъ, какъ три фазы развитія одного и того же явленія въ исторіи классовой борьбы.

Первую фазу представляетъ собой положеніе дѣлъ въ Германіи. Мѣстная соціалдемократическая партія быстро растетъ за счетъ сознательныхъ элементовъ пролетаріата, но еще быстрѣе растутъ профессіональные союзы, питающіеся тѣми элементами массы, которые вовлекаются въ повседневную борьбу съ капиталомъ за лучшее распредѣленіе главнымъ образомъ изъ соображеній непосредственной матеріальной выгоды. Партія питается лучшими силами союзовъ, лучшія силы партіи находятъ себѣ примѣненіе въ дѣлѣ организаціи и руководства союзами. Естественный отборъ ставитъ партію во главѣ руководства ею же вскормленнымъ профессіональнымъ движеніемъ, и со стороны партіи не замѣчается никакихъ попытокъ насильственнаго обращенія въ соціалистическую вѣру по отношенію къ тѣмъ рабочимъ, которые еще не доросли до яснаго классоваго самосознанія. Въ свободномъ ростѣ союзовъ гарантіи успѣховъ партіи. Но слишкомъ быстрый ростъ профессіональнаго движенія, порождая въ средѣ вожаковъ раздѣленіе *политическаго* и *экономическаго* труда, вызываетъ и усиливаетъ между ними нѣкоторое взаимное отчужденіе. Одни отдаются сильнѣе профессіональному дѣлу, другіе политическому. Появляется третья категорія вожаковъ профессіоналистовъ,—въ Германіи пока еще немногочисленная,—которая стремится къ освобожденію отъ опеки партіи. Во главѣ съ докт. Фридбергомъ, она заимствуетъ у французскихъ синдикалистовъ ихъ доктрину, и, опираясь на нее, идетъ къ массамъ съ агитаціей противъ партіи, парламентаризма и т. д.

И вотъ на очередномъ съѣздѣ при обсужденіи общихъ тактическихъ задачъ нѣмецкимъ соціалдемократамъ приходится сговариваться съ товарищами профессіоналистами только по вопросу о согласованіи двухъ отраслей одного общаго труда: соціалистической и профессіональной организаціи. При этомъ, какъ болѣе дальнозоркіе и рѣшительные, они идутъ впереди профессіоналистовъ въ постановкѣ и разрѣшеніи вопросовъ о новыхъ путяхъ массовой борьбы. Поэтому тутъ „политики“ болѣе или менѣе защищаютъ *„всеобщую стачку“* и *революціонное дѣйствіе*, тогда какъ профессіоналисты остаются косными.

Но постановка этихъ вопросовъ сразу осложняется тѣмъ обсто-

ятельствомъ, что въ воздухѣ носятся *французскія идеи*, а за плечами соціалистовъ стоитъ группа анархо-соціалистовъ. И соціалдемократы вынуждены, помимо ихъ желанія и воли, переходить отъ вопроса о руководствѣ новыми формами борьбы къ вопросу о теоретико-политической перепровѣркѣ способовъ этой борьбы.

Таково положеніе дѣлъ Въ Германіи. Въ ней нѣтъ еще борьбы между марксизмомъ и синдикализмомъ, какъ между доктринами. Но дебаты между болѣе или менѣе послѣдовательными марксистами о согласованіи двухъ явленій пролетарскаго движенія уже углубляются подъ идейнымъ давленіемъ извнѣ.

Иначе обстоитъ дѣло въ Италіи. Здѣсь рабочія массы болѣе быстро прошли путь увлеченій и разочарованій стачечной борьбы, и самая эта борьба носила болѣе рѣшительный, менѣе разсудительный характеръ. Ихъ раньше, нежели нѣмецкихъ собратьевъ, подняло на высоту всеобщей стачки, и эта стачка не принесла массамъ особыхъ разочарованій, а въ головахъ сторонниковъ французскаго „синдикализма“ она зародила надежды на возможность стать во главѣ массъ. Этому способствуютъ и бакунистскія традиціи, оставленныя здѣсь эпохой стараго Интернаціонала. И вотъ итальянскіе „синдикалисты“ вступаютъ на путь политической конкурренціи съ марксистами. Они, конечно, защитники всеобщей стачки, и соціалистамъ уже не приходится разжигать въ массахъ стачечный инстинктъ. Поэтому положеніе получается здѣсь обратное тому, которое мы видѣли въ Германіи. Во главѣ профессіональнаго движенія стоятъ „синдикалисты“ и принципіально защищаютъ всеобщую стачку. Соціалисты же принуждены считаться съ этимъ фактомъ и быть чрезвычайно осторожными въ формулировкѣ своихъ рѣчей и резолюцій.

Въ итогѣ столкновенія мнѣній, мы не видимъ ни у одной изъ сторонъ желанія отмежеваться отъ ядра соціалистической партіи. „Синдикалисты“, пожалуй, были бы не прочь порвать съ реформистами, но они еще не въ силахъ выступить самостоятельно, не эксплоатируя для своихъ субъективныхъ цѣлей авторитета Маркса и союза съ революціонными соціалдемократами. Поэтому итальянскій „синдикализмъ“ отожествляетъ себя съ нейтральнымъ профессіонализмомъ и не противопоставляетъ себя партіи. Онъ гнется къ землѣ, „убѣждаетъ“ партію перестать быть соціалдемократической, кладетъ поклоны передъ всѣми авторитетами въ разговорахъ съ соціалистами и отрицаетъ всѣ авторитеты, находясь въ обществѣ анархистовъ.

Такое поведеніе завѣдомыхъ „синдикалистовъ“ должно бы, казалось, скомпрометировать ихъ въ глазахъ марксистовъ. Но и со стороны тѣхъ мы видимъ желаніе *не ссориться*. Объединительныя тенденціи среди итальянскихъ соціалистовъ оказываются также сильны, какъ и вездѣ. Здѣсь онѣ носятъ названіе *интегрализма*. И это теченіе до сихъ поръ побѣждаетъ. Побѣдило оно и на знаменательномъ римскомъ съѣздѣ, гдѣ апостолъ „синдикализма“, Артуро Лабріола, при всемъ желаніи не умѣлъ заставить позабыть о своемъ родствѣ съ французскимъ антипарламентаризмомъ и вообще съ такъ называемымъ „революціоннымъ синдикализмомъ“.

Благодаря этому миролюбивому настроенію делегатовъ и теоретиковъ двухъ разныхъ лагерей, здѣсь еще до сихъ легко смѣшать теоритическій „синдикализмъ“ Э. Леоне и Арт. Лабріолы съ *профессіонализмомъ* вообще.

А между тѣмъ предложенная Ар. Лабріолой резолюція содержитъ такіе пункты: „процессъ развитія рабочаго класса подразумѣваетъ постепенное превращеніе профессіональныхъ организмовъ въ органы, воплощающіе въ себѣ *всю совокупность* интересовъ и движенія рабочаго класса“. „...Революціонная дѣятельность партіи проявляется ...во всеобщей стачкѣ и стремится отнять у капиталистическихъ классовъ матеріальныя государственныя средства обороны, чтобы *переложить ихъ функціи на профессіональныя организаціи или на личность*“ [1]). Словомъ, здѣсь дѣло пролетарской эмансипаціи оставляется всецѣло въ рукахъ профессіоналистовъ, только *экономически* дифференцированныхъ отъ неорганизованной малосознательной массы; а государственной власти противополагается не организованныя силы общества, а произволъ *группы* и *личности*. Но не слѣдуетъ ли призадуматься надъ тѣмъ, что есть общаго у этихъ тенденцій теоретика „синдикализма“ съ дѣйствительными тенденціями современнаго профессіональнаго движенія?

Французскіе конгрессы 1906 года наводятъ еще больше на подобныя размышленія.

Классовая борьба во Франціи зашла несравненно дальше, и французскій пролетаріатъ гораздо богаче нѣмецкаго и итальянскаго какъ слишкомъ субъективными разочарованіями, такъ и чрезвычайно радужными иллюзіями. Здѣсь масса, злоупотреблявшая неосмотрительными стачками, мало склонна вѣрить въ

---

[1]) Курсивъ нашъ.—П. С.

систематическую, разсудительную стачечную борьбу. Но зато она способна пылко мечтать о „всеобщей стачкѣ“, которой еще не испробовала. Эта масса, знавшая столько гордыхъ порывовъ къ узурпаціи суверенной народной власти и столько разъ обманутая историческими наслѣдниками ея революціонныхъ завоеваній, очень впечатлительна ко всякой страстной критикѣ государства и парламентаризма. Она состоитъ изъ людей, пылкій темпераментъ которыхъ, опережая ростъ сознанія, толкаетъ ихъ во всякій моментъ реализовать свои субъективныя стремленія. А потому здѣсь синдикированная масса, которая испытала свои силы только въ экономической, не широкой по кругозору борьбѣ, масса, которая склонна переоцѣнивать субъективную силу личности и группы, и вообще еще не доросла до того сознанія, что могущество ея заключается только въ сліяніи воли индивидовъ въ проявленіяхъ суверенной власти,—эта масса тратитъ свои малыя индивидуальныя и групповыя средства на большія соціальныя желанія. И эти физическія и моральныя средства сгораютъ,—если употребить выраженіе Ж. Ж. Руссо,—какъ разсыпанный по землѣ порохъ.

Такія національныя черты въ современный моментъ обостренія соціальныхъ противорѣчій должны были породить особыя, нетерпѣливыя проявленія индивидуальной и групповой революціонности. И онѣ дѣйствительно породили такъ называемое „прямое дѣйствіе“ или „action directe“. Онѣ толкнули массу на попытки „прямыхъ захватовъ“ капиталистической прибыли въ формѣ „явочнаго“ сокращенія рабочаго дня и т. п. Эти явленія отличаютъ современное рабочее движеніе Франціи отъ пролетарской борьбы другихъ странъ. А такъ какъ переоцѣнка личныхъ и групповыхъ силъ особенно свойственна пролетарію на первомъ этапѣ его соціальнаго пути, т. е. въ профессіональной борьбѣ за ближайшія выгоды, то „action directe“ стало увлеченіемъ именно *синдикатовъ*.

Таковы объективныя предпосылки той борьбы, которую мы видимъ на Амьенскомъ и Лиможскомъ конгрессахъ между соціалистами и „синдикалистами“. Имѣя въ виду эти данныя и зная непримиримо отрицательное отношеніе марксистовъ ко всякому соціальному индивидуализму и субъективизму, слѣдовало бы ожидать, что конгрессъ, на которомъ споры представителей этихъ двухъ міровоззрѣній—синдикалистскаго и марксистскаго—принимали подчасъ бурную форму, окончится серьезнымъ разрывомъ. Но этого не случилось, къ большой радости всѣхъ проникнутыхъ сознані-

емъ необходимости объединенія пролетарскихъ массъ. Друзья и дѣятели рабочаго дѣла были особенно подкуплены тѣмъ обстоятельствомъ, что резолюція, приготовленная Амьенскимъ синдикалистскимъ съѣздомъ для Лиможскаго соціалистическаго конгресса толковала о строгой „нейтральности“ синдикатовъ; хотѣлось вѣрить —и это было высказано на съѣздѣ неоднократно соціалистическими делегатами,—что объединенные „Всеобщей Конфедераціей Труда“ синдикаты останутся нейтральными и по отношенію къ антипарламентаристамъ, т. е. къ теоретикамъ „революціоннаго синдикализма“.

Но мы, признавая здѣсь только обязательство теоретической добросовѣстности и посильнаго объективизма, вовсе не считаемъ себя связанными ни особыми тактическими соображеніями тѣхъ или другихъ практиковъ французскаго рабочаго движенія, ни какимъ бы то ни было преклоненіемъ передъ хорошими чувствами, такъ какъ эти послѣднія могутъ быть заподозрѣны въ иллюзорности, а потому мы въ предлагаемой читателю книгѣ беремъ на себя неблагодарную задачу указать ему на все то, что говоритъ противъ объединенія марксистовъ съ „синдикалистами“. И, опережая ходъ изложенія, говоримъ: *наша задача показать затушевываемый итальянскими, а отчасти и французскими синдикалистами сектантскій, сепаратистскій характеръ такъ называемаго „революціоннаго синдикализма“ и его чисто паразитическую роль въ жизни и развитіи рабочаго профессіонализма.*

Эта наша задача усложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что во французскомъ рабочемъ движеніи, наиболѣе характерномъ съ интересующей насъ стороны, доктрина „революціоннаго синдикализма“ нашла всѣ данныя для нѣкотораго успѣха въ жизни синдикатовъ. Этому способствовали указанныя выше историческія черты французскаго пролетарія, но въ еще большей мѣрѣ—степень развитія соціальныхъ противорѣчій. Зато это явленіе относительной воспріимчивости революціонно-настроенныхъ массъ къ ученію „революціоннаго синдикализма“ придаетъ особенную неотложность темѣ нашей книги. Между прочимъ, и въ Россіи мы переживаемъ полосу революціоннаго подъема массъ, и намъ тоже приходилось и приходится считаться со многими проявленіями революціоннаго субъективизма, начиная съ синдикалистскихъ тенденцій и кончая проявленіями чистаго анархизма „коммунистическаго“ и индивидуалистическаго.

Съ перваго взгляда—и прежде всего на примѣрѣ Амьенскаго конгресса—можетъ показаться, будто бы синдикалистыизъ „Все-

общей Конфедераціи Труда“ сами дѣлаютъ первый шагъ къ смягченію на практикѣ многолѣтней розни между профессіоналистами и политиками французскаго рабочаго движенія. Такъ именно отнеслись къ Амьенской резолюціи многіе изъ участниковъ Лиможскаго конгресса, усматривая этотъ шагъ въ провозглашеніи Конфедераціей нейтральности. Къ сожалѣнію, едва ли можно раздѣлить этотъ оптимизмъ. Мы сейчасъ укажемъ нѣсколько обстоятельствъ, не позволяющихъ такъ толковать резолюцію Амьенскаго конгресса. А затѣмъ возникаетъ вопросъ: не ведетъ ли методъ „синдикализма“, несмотря на защищаемую „синдикалистами“ логическую формулу нейтрализаціи синдикатовъ, къ прямо противуположнымъ результатамъ, т. е. къ фактическому дробленію классовой силы пролетаріата? Если же это такъ, то какую, спрашивается, имѣютъ цѣну субъективныя, хотя бы и самыя искреннія, намѣренія Амьенскихъ рабочихъ делегатовъ? Цѣль нашей книги помочь читателю рѣшить вопросъ объ объективномъ значеніи „революціоннаго синдикализма“.

Въ Амьенскомъ конгрессѣ есть своя обратная сторона, достаточно явная. Резолюція его гласитъ[1]): „Конфедерація объединяетъ внѣ всякихъ *политическихъ* школъ[2]), всѣхъ рабочихъ, сознательно участвующихъ въ борьбѣ противъ наемной платы“. Но развѣ это заявленіе мѣшаетъ ей объединять рабочихъ подъ сѣнью *аполитической*, соціальной „синдикалистской школы“? — Конечно, не мѣшаетъ. Затѣмъ, спрашивается: гдѣ собственно можно усмотрѣть въ этой резолюціи принципъ строгаго нейтрализма? Ужъ не въ томъ ли, что конгрессъ требуетъ, чтобы члены синдикатовъ „не вводили въ синдикаты мнѣнія, исповѣдуемыя ими *внѣ синдикатовъ*“? Но позвольте! Почему это не можетъ быть требованіемъ любой замкнутой, самодовлѣющей и даже особенно фанатической секты, если слагаясь изъ синдикатовъ, создавая изъ нихъ *аполитическую* школу, она ни за что не допускаетъ въ своихъ организаціяхъ никакого проявленія *чуждыхъ* ея школѣ мнѣній? Скинувъ розовые очки оптимизма, каждый съ легкостью можетъ увидѣть фактическія подтвержденія этого сектантскаго фанатизма тѣхъ самыхъ синдикалистовъ, которые покорили сердца лиможскихъ делегатовъ. Приведемъ нѣкоторые примѣры. Секретарь всеобщаго союза труда,

---

[1]) Цит. по статьѣ „За границей“ К. Егорова въ „Современной жизни“, ноябрь 1906 года, стр. 160.

[2]) „En dehors de toute école politique,“ отч. въ „La petite République“ 14 oct. 1906.

Грюфелюэсъ и Пуже помѣстили въ соціалистической газетѣ „L'Humanité“ статьи въ защиту основъ „синдикализма“. И вотъ органъ „синдикалистовъ“ „Voix du Poeuple“ предлагаетъ конгрессу выразить сожалѣніе по поводу ихъ сотрудничества въ „L'Humanité“, усматривая въ этомъ особую „двойственность“ на томъ основаніи, что „синдикализмъ и соціализмъ происходятъ въ различныхъ, одна другой противуположныхъ областяхъ“. На встрѣчу этой выходкѣ было на конгрессѣ сдѣлано предложеніе вынести „Voix du Poeuple“ порицаніе за сектантскую нетерпимость. Но увы, конгрессъ *отклонилъ* это порицаніе! Неменьшую нетерпимость конгрессъ проявилъ и въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ. Онъ призналъ недѣйствительнымъ мандатъ одной изъ ліонскихъ группъ профессіональныхъ организацій на томъ основаніи, что въ ней *не занимались антипарламентарной политикой!!*

За нѣсколько времени до Амьенскаго конгресса на синдикалистскомъ конгрессѣ въ Туркоэнѣ (Tourcoing) было принято предложеніе Амьенскому конгрессу координировать дѣйствія Конфедеральнаго Комитета съ Совѣтомъ соціалистической партіи. „Voix du Poeuple“ повела ожесточенную агитацію противъ этого предложенія. На конгрессѣ противъ нея боролся „соціалистъ“ Ньель (Niel), и конгрессъ съ легкимъ сердцемъ провалилъ ее 795 голосами противъ 34 [1]).

Поучительно было также послушать рѣчь одного изъ „миролюбцевъ“ Амьенскаго конгресса, М. Лятапи, который говорилъ: „синдикализмъ долженъ стать *новой, самодовлѣющей доктриной*“.

Въ виду этого нужно пожелать, чтобы была замѣчена не только резолюція Жореса, принятая Лиможскимъ конгрессомъ, но и проектъ резолюціи, внесенной Гедомъ и отвергнутой съѣздомъ. Въ то время, какъ первая изъ нихъ всецѣло одобряетъ Амьенскую резолюцію, вторая, признавая необходимость раздѣленія экономическаго и политическаго дѣйствія, горячо возстаетъ противъ *противопоставленія* синдикатовъ партіи, такъ какъ видитъ въ немъ смертоносное раздробленіе пролетаріата и кастрированіе его въ освободительной борьбѣ.

Плехановъ въ „Современной жизни“ одобряетъ снисходительное отношеніе делегатовъ Мангеймскаго партейтага къ „оппортунизму рабочихъ“. Замѣтимъ, что это мудрое замѣчаніе можетъ быть въ данномъ случаѣ отнесено только къ „профессіоналистамъ

---

[1]) „La petite République“ 14 oct. 1906.

вообще". Но послушайте, о чемъ проповѣдуютъ теоретики „революціоннаго синдикализма", и тогда судите, можно ли марксистамъ не бороться съ ними, можно ли отожествлять ихъ съ нейтралистами, маску которыхъ носятъ „синдикалисты"-практики. И мы хотимъ здѣсь сказать о нихъ читателю то, что намъ говоритъ ихъ доктрина, а равно и то, что можно извлечь изъ перепровѣрки ученія этой „новой школы" на фактахъ рабочаго движенія".

Сдѣлаемъ это въ такой послѣдовательности: познакомимъ читателя съ теоріей „революціоннаго синдикализма" на образцахъ отдѣльныхъ произведеній писателей этой школы; затѣмъ постараемся опредѣлить роль синдикатовъ въ современномъ государствѣ и ихъ историческую природу; и наконецъ, прослѣдимъ объективное содержаніе современныхъ формъ массового рабочаго движенія. Это, надѣемся, дастъ читателю матеріалъ для критическаго отношенія къ „революціонному синдикализму". А въ этомъ—наша цѣль.

ЧАСТЬ I. ТЕОРЕТИКИ СИНДИКАЛИЗМА.

ГЛАВА I.

Ж. Сорель. (George Sorel).

Ж. Сорель—отецъ теоретическаго „синдикализма". Его съ благоговѣніемъ цитируютъ другіе писатели этой школы. Убѣдимся прежде всего въ томъ, что онъ при этомъ явный врагъ революціоннаго соціализма.

Онъ причисляетъ себя къ „нео-марксистской школѣ" и призываетъ ее очистить марксизмъ отъ утопій и выдѣлить изъ него „тѣ идеи, которымъ суждено обезсмертить учителя". Онъ приглашаетъ слѣдовать за собой „*чистыхъ синдикалистовъ*". Его „марксистско-синдикалистская, революціонная" фракція отмежевывается отъ „старыхъ, оффиціальныхъ, утопическихъ и политическихъ школъ". И вся критическая часть его статей направлена противъ этихъ послѣднихъ.

Такимъ образомъ, мы сразу видимъ въ Сорелѣ выразителя тенденцій „синдикалистской" фракціи. Но онъ, кромѣ того, еще и теоретикъ, давшій стройное обоснованіе такъ называемому „революціонному синдикализму" и выработавшій послѣдовательную соціологическую доктрину. Эта его теорія развита въ цѣломъ рядѣ трудовъ, какъ-то: „L'avenir socialiste des syndikats", „Introduction à l'économie moderne", „Saggi di critica del marxismo" и и „Lo sciopero generale e la violenza". Философія его пережила свою собственную эволюцію, начавшись съ апологетики трэдъюніонизма и завершившись идеалистическимъ обоснованіемъ пресловутой теоріи „прямого дѣйствія". Изученіе ея на страницахъ данной книги завело бы насъ слишкомъ далеко, и мы въ изложеніи и критикѣ доктрины постараемся по возможности ограничиваться однимъ только послѣднимъ изъ перечисленныхъ источниковъ, а именно книгой: „Lo sciopero generale e la violenza" [1]),

---

[1]) „Lo sciopero generale politico" Roma 1906 г. Это сборникъ статей Ж. Сореля, помѣщенныхъ первоначально въ журн.: „Divenire sociale". Бѣглый обзоръ философски-соціалистическихъ предпосылокъ теоріи Сореля сдѣланъ авторомъ въ статьѣ: „Предпосылки революціоннаго синдикализма", см. „Образованіе" 1907 г. май, іюль.—П. С.

гдѣ Сорель является передъ нами уже какъ *боевой синдикалистъ*— syndicaliste militant,—какъ вождь фракціи. Этого достаточно для нашей цѣли еще и потому, что различныя положенія соціологической теоріи Сореля развиты и конкретизированы другими писателями школы, къ которымъ мы затѣмъ и перейдемъ.

Въ статьяхъ этого сборника: „Lo sciopero generale etc...“ Сорель является, во-первыхъ, критикомъ революціоннаго соціализма и защитникомъ идеи обособленія „синдикализма“, а во-вторыхъ, онъ обосновываетъ теорію аполитизма и прямого дѣйствія, а также провозглашаетъ идею всеобщей соціальной стачки. Первое дѣлается съ притязаніемъ на революціонность par excellence, второе возвеличивается титуломъ *истиннаго марксизма*. То и другое вообще характерно для „революціоннаго синдикализма“.

Критическая часть книги: „Lo sciopero generale etc...“ направлена по адресу „соціалистовъ-парламентаристовъ“, какъ онъ называетъ вообще всѣхъ послѣдователей революціонной соціалдемократіи. По существу эта критика задѣваетъ только такъ называемыхъ „реформистовъ“, „ревизіонистовъ“, оппортунистовъ и т. д. [1]). Но для него, по его словамъ, нѣтъ разницы между двумя методами соціализма: революціоннымъ и реформистскимъ. Онъ говоритъ: „чѣмъ больше въ подробностяхъ изучается исторія послѣднихъ лѣтъ, тѣмъ сильнѣе приходится признать наивность споровъ о двухъ методахъ: послѣдователи того и другого метода одинаково враждебны пролетарскому насилію (violenza proletaria), съ того момента, какъ оно ускользаетъ отъ контроля лицъ, сдѣлавшихъ себѣ ремесло изъ парламентской политики. Революціонный синдикализмъ не имѣетъ ничего общаго съ такъ называемыми революціонными соціалистами парламента“ [2]).

Что такое — „пролетарское насиліе“ — violenza proletaria—и насколько великъ грѣхъ отрицанія его со стороны революціонныхъ марксистовъ, увидимъ ниже. Обвиненіе же реформистовъ въ этомъ грѣхѣ могло бы имѣть смыслъ только какъ изобличеніе ихъ реформистскаго миролюбія, если бы оно не исходило отъ такихъ сомнительныхъ „революціонеровъ“, какими являются теоретики синдикализма. Поэтому въ приведенной фразѣ [3]) приходится,

---

[1]) Lo sciopero generale. G. Sorel. Цитир. по тому же сборнику, страница 64.

[2]) „La lotta di classe e la violenza“. G. Sorel, стр. 27; цитир. по тому же сборнику.

[3]) А также ниже, стр. 64, l. c.

прежде всего, усмотрѣть желаніе Сореля во что бы то ни стало отмежеваться отъ „старыхъ офиціальныхъ“ группировокъ, желаніе получить патентъ на „нео-марксизмъ“. Съ другой стороны, этой фразой характеризуется и все дальнѣйшее сваливанье въ одну кучу революціоннаго и оппуртунистскаго марксизма, которое Сорель продѣлываетъ въ своей критикѣ соціализма.

Вслѣдствіе этого чрезвычайно трудно выдѣлить положительные элементы его критики, вызываемые ревизіонистскими уродливостями современной соціалистической мысли. Яснѣе другихъ выступаетъ та мысль, что „соціалисты - парламентаристы“ напрасно взываютъ къ добрымъ чувствамъ буржуазіи и зовутъ ее къ исполненію соціальнаго долга. „Соціалисты должны“... говоритъ онъ—„отказаться отъ попытокъ побудить буржуазію подготовить установленіе высшаго права“ [1]). Онъ грозитъ тяжкими послѣдствіями этой, по преимуществу жоресистской, тактики. Она, по его мнѣнію, не столько затемняетъ сознаніе пролетаріевъ, сколько имѣетъ послѣдствіемъ дѣйствительное размягченіе сердецъ буржуазіи, которая, заслушавшись сладкихъ словъ Жореса, забываетъ свое святое предназначеніе эксплоатировать массы во-всю, а, стало быть, перестаетъ „энергично“ создавать производительныя силы. Тутъ критицизмъ „нео-марксиста“ болѣе характеризуетъ самаго критика, нежели критикуемыхъ, и граничитъ съ комическимъ. Фигуры Жореса и жоресистовъ вырисовываются титанами исторіи, которые своимъ краснорѣчіемъ измѣняютъ русло капиталистической эксплоатаціи. Что же послѣ этого можно сказать о методѣ изслѣдованія Сореля, который ссылается на родство съ К. Марксомъ именно въ вопросѣ о развитіи „силы буржуазіи“ (l. c. стр. 94)?

Остальныя обвиненія Сореля противъ „парламентаристовъ“ либо голословны, либо могутъ скорѣе служить похвалой въ глазахъ марксиста, нежели порицаніемъ. Съ одной стороны, соціалисты обвиняются въ томъ, что стремятся къ захвату политической власти. „Они (парламентаристы)“—говоритъ Сорель—„воображаютъ себѣ, будто бы весь соціализмъ состоитъ въ изысканіи наилучшихъ средствъ къ достиженію власти“ (l. c. стр. 20); онъ же приписываетъ имъ, будто бы они „не вѣрятъ больше въ силу оружія для захвата государственной власти“ (l. c. стр. 21.); имъ ставится въ вину то, что они играютъ роль дипломатовъ между пролетаріатомъ и государствомъ всякій разъ, когда возникаетъ экономическій кон-

---

[1]) „La decadenza borghese a la violenza“. G. Sorel. ibidem., стр. 30.

фликтъ между рабочими и предпринимателями, на подобіе разрѣшенія частныхъ споровъ между двумя державами (due poteri)" (l. c. стр. 22). Нѣтъ худшаго преступленія, по мнѣнію „чистыхъ синдикалистовъ", какъ быть носителемъ какой-нибудь власти (il potere), хотя бы и чисто пролетарской. И вотъ, не будучи въ состояніи отрицать за соціалистическими партіями ихъ политической силы, Сорель обвиняетъ ихъ въ властвованіи. Что же удивительнаго въ томъ, что онъ, опираясь на такія предпосылки, не рѣшается пускать въ свою „аудиторію" (capella) никакихъ заподозрѣнныхъ въ соціалдемократизмѣ лицъ! Они, наконецъ, обвиняются въ томъ, что „нападаютъ гораздо болѣе на людей, держащихъ въ своихъ рукахъ власть, чѣмъ на самое власть" (l. c. стр. 62).

И тѣмъ не менѣе Сорель не находитъ доводовъ для того, чтобы опровергнуть историческій успѣхъ соціализма. Онъ говоритъ: „Ихъ власть свелась бы къ нулю, если бы они имѣли дѣло съ буржуазіей, энергично двинувшейся по пути капиталистическаго прогресса, стыдящейся какой бы то ни было робости, и гордый сознаніемъ своихъ классовыхъ интересовъ. И тѣмъ не менѣе ихъ власть—огромна..." [1]) Обвиненіе въ преднамѣренномъ искаженіи классовой борьбы въ послѣднихъ словахъ нѣсколько ослабляется. Выходитъ, что не только жоресисты виноваты въ соціальномъ застоѣ, но еще и сонливая буржуазія повинна въ успѣхѣ соціалдемократіи. Сорель какъ будто бы приглашаетъ ее энергичнымъ движеніемъ впередъ унять его счастливыхъ соперниковъ. Тогда праздникъ будетъ на улицѣ истинныхъ синдикалистовъ. Но это—мечта, а, пока Сорель не въ силахъ скрыть отъ своей аудиторіи, что соціализмъ способенъ поглотить и самое синдикальное движеніе, лишивъ его при этомъ, конечно, его „чистоты". Такъ, онъ говоритъ, что если теперь синдикаты отдадутся подъ руководство политиковъ, то не будетъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ извѣстный моментъ эти послѣдніе смогутъ прибѣгнуть къ нимъ для организаціи массовыхъ движеній; во множествѣ случаевъ власти принуждены были бы уступить либо передъ лицомъ крупныхъ смутъ, либо передъ угрозой возстаній, могущихъ вспыхнуть въ различныхъ частяхъ территоріи [2]).

Нужно ознакомиться съ предпосылками синдикалистской доктрины для того, чтобы понимать соль этихъ обвиненій, которыя,

---

[1]) „La decadenza borguese e la violenza", G. Sorel. Ibid., стр. 27.

[2]) „Lo sciopero generale politico". G. Sorel. Ibid., стр. 79.

какъ мы сказали, могутъ быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ сочтены марксистами за положительную характеристику практическаго марксизма. Но Сорель, повидимому, находитъ свои обвиненія не достаточно вѣскими даже и въ глазахъ своей аудиторіи, и поэтому прибѣгаетъ къ довольно незатѣйливымъ инсинуаціямъ по адресу соціалистовъ. И такіе алмазы краснорѣчія нерѣдко попадаются на глаза въ пескѣ его мыслей. Нѣтъ надобности критиковать ихъ. Они сами за себя говорятъ, и достаточно будетъ познакомить читателя съ нѣкоторыми изъ нихъ.

„Соціализмъ вноситъ въ эти группы (синдикаты отдѣльныхъ отраслей промышленности) свою терминологію, осложняя конфликты, которые могли бы сохранить вполнѣ частный характеръ; такимъ путемъ укрѣпляется (sic!) корпоративная замкнутость, чрезвычайно схожая съ приходскимъ и рассовымъ духомъ и тѣ, которые заражены имъ, съ радостью отдаютъ себя жрецамъ соціальнаго долга, т. е. соціалистамъ“[1]). „Ихъ (т. е. „политиковъ“, соціалистовъ) войско всегда остается *пушечнымъ мясомъ*... Базой всѣхъ ихъ плановъ служитъ укрѣпленіе государства(!)[2])“. Организуя пролетаріатъ въ централизованныя федераціи, соціалисты „надѣются такимъ путемъ... возстановлять порядокъ въ случаяхъ заключенія компромиссовъ съ правительствомъ“[3]). Балансируя между „патріотизмомъ“ своей доктрины и пролетарскимъ антипатріотизмомъ, соціалисты „предаются... самому безшабашному ораторскому акробатизму“[4]). „Они внушаютъ рабочимъ, что тѣ должны считать себя освобожденными съ того момента, какъ они вотировали за профессіональныхъ политиковъ и обезпечили имъ великолѣпныя синекуры[5]).

Кто же онъ самъ, этотъ реставраторъ „истиннаго марксизма“? „Онъ, George Sorel, называетъ себя „нео-марксистомъ“, и оспариваетъ честь пріоритета вождя „нео-марксистской школы“ у Эрве, которому молва приписываетъ первоначальное обоснованіе синдикалистской доктрины. Нетрудно, впрочемъ, убѣдиться, какъ мало правдоподобна марксисткая родословная, заявленная Сорелемъ. Это будетъ ясно изъ разсмотрѣнія его логическихъ построеній.

Уже изъ методологическихъ предпосылокъ легко видѣть, какой „марксистъ“ выступаетъ передъ нами въ лицѣ г. Жоржа Сореля.

---

[1]) „La lotta diclass e la violenza“ G. Sorel. Ibid., стр. 6—7.

[2]) La sciopero generale politico. стр. 85. Ib., стр. 65.

[3]) l. c. стр. 81.

[4]) I pregiudizi contro la violenza. Ib., стр. 62.

[5]) „La sciopero generale“, G. Sorel. Ibid., стр. 65.

Въ изложеніи имъ исторіи капитализма и буржуазнаго общества тщетно было бы искать слѣдовъ экономическаго матеріализма, историческаго детерминизма, діалектики историческаго развитія. Впрочемъ, Сорель самъ предупреждаетъ удивленіе читателя, заявляя себя поклонникомъ метафизическаго мышленія. Такъ, помянувъ недобрымъ словомъ покойный позитивизмъ, онъ восклицаетъ: „На несчастье позитивистовъ, метафизика воскресаетъ во всемъ ея блескѣ и Бергсонъ возвращаетъ ей жизнь, направляя ее на самыя темныя области съ заранѣе опредѣленнымъ предположеніемъ не прійти ни къ чему научному... Тѣ, которые свѣдущи въ философіи и современной наукѣ, прекрасно знаютъ, что область господства науки чрезвычайно ограничена“[1]). И Сорель, дѣйствительно, во всемъ своемъ изложеніи обнаруживаетъ передъ нами примѣненіе метафизическаго метода мышленія, нѣсколько связаннаго симуляціей марксизма. Уже тамъ, гдѣ онъ передаетъ—по Марксу якобы —схему *развитія* буржуазнаго строя, чувствуется мертвая окоченѣлость метафизическихъ формулъ *вмѣсто живой* діалектики изложенія „Капитала“. Развитіе буржуазной власти—это для него (по Марксу якобы) развитіе идеи по *логической скалѣ*, на которой онъ отмѣчаетъ три момента: а) насиліе (violenza) проявляется въ разсѣянномъ видѣ, въ видѣ конкурренціи въ борьбѣ за жизнь, дѣйствуетъ при посредствѣ экономическихъ силъ и осуществляетъ медленную, но неуклонную экспропріацію; б) выступаетъ концентрированная, организованная сила государства и дѣйствуетъ непосредственно на трудъ въ смыслѣ его насильственной эксплоатаціи; въ этихъ насиліяхъ надъ пролетаріатомъ и въ процессѣ пролетаризаціи сельскаго населенія Англіи Сорелю угодно усматривать, —и приписывать это толкованіе Марксу—будто бы базой промышленной революціи служили акты прямого насилія, в) наконецъ, третьимъ моментомъ исторіи является насиліе (violenza) въ собственномъ смыслѣ слова[2]).

Излагая подробнѣе эту „логическую скалу“ Сорель находитъ, что во второй стадіи „экономическія силы сливались съ политической властью“. При этомъ онъ по своему толкуетъ то выраженіе Маркса, что въ стадіи полнаго развитія капитализма „при обыкновенномъ ходѣ вещей рабочій можетъ быть предоставленъ „естественнымъ законамъ производства“ т. е. той зависимости отъ

---

[1]) Lo sciopero generale. G. Sorel. Ibid. стр. 73.

[2]) „Lo sciopero generale politico“. G. Sorel. Ibid. стр 88-89.

капитала, которая прямо вытекаетъ изъ самыхъ условій производства, ими гарантируется и увѣковѣчивается"[1]). Сорель видитъ въ этомъ господствѣ экономическихъ силъ временную стадію, созданную побѣдой силы (forza) буржуазіи надъ производствомъ; находитъ, что эта послѣдняя, современная стадія исторіи, приводитъ къ первой стадіи „логической серіи"; опредѣляетъ эту „серію", или „скалу", какъ переходъ „отъ такого строя, который болѣе походилъ на организмъ безъ замѣтныхъ проявленій воли", къ „другому строю, гдѣ явственно обнаруживается „воля" (l. c.), и наконецъ, видитъ въ этомъ положеніи вещей только „силу буржуазіи", которая старается съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ осуществить капиталистическій строй. Далѣе, какъ мы видѣли, у него начинается выступленіе новой субъективной исторической силы „violenza proletaria", которой суждено начать историческое дѣло насильственнаго строительства новаго порядка вещей. Такова теоретическая пуповина, связывающая синдикализмъ Сореля съ соціализмомъ Маркса.

Безспорно, что картина эволюціи власти взята Сорелемъ у Маркса изъ соотвѣтственныхъ мѣстъ „Капитала". Можно даже согласиться съ тѣмъ, что она не измѣнена этимъ „нео-марксистомъ". Но зато несомнѣнно, что она перевернута имъ вверхъ ногами.

У Маркса вездѣ состояніе производительныхъ силъ опредѣляетъ власть и насиліе (potenza e violenza), у Сореля же, наоборотъ,—власть и насиліе осуществляютъ капиталистическій строй. Также перевернуты и всѣ частности до послѣдней мысли Маркса включительно. У Маркса[2]) первой сорелевской стадіи соотвѣтствуетъ: 1) „измѣненіе въ состояніи производительныхъ силъ", которое „неизбѣжно влечетъ за собой измѣненіе отношеній производства"; 2) „эти отношенія производятъ буржуазное богатство, т. е. богатство класса буржуазіи, только непрерывно уничтожая богатство отдѣльныхъ членовъ этого класса и умножая пролетаріатъ". Все это совершается въ оболочкѣ феодальнаго общества, а, въ концѣ концовъ, стадія эта увѣнчивается столкновеніемъ революціонной буржуазіи съ реакціонными защитниками феодализма и абсолютизма. Сорель перевернулъ внизъ головой этотъ процессъ и получилъ постепенную экономическую экспропріацію, совершаемую

---

[1]) Капиталъ, т. I., русское изданіе Поповой, 1899, стр. 624.

[2]) „Нищета Философіи". К. Марксъ. Книг. „Новый Міръ", 1906г., стр. 124, 125.

разсѣяннымъ (?) насиліемъ. А финалъ процесса—революціонное столкновеніе политическихъ силъ—остался скрытымъ отъ его глазъ.

Вторая „стадія“ соотвѣтствуетъ у Маркса такъ называемому „первоначальному накопленію“. Онъ говоритъ: „отнятіе земли у сельскаго производителя, крестьянина, составляетъ основу всего процесса“[1]. Значитъ ли это, что основаніемъ процесса было насиліе чьей-то „воли“, а не экономическія силы въ конечномъ счетѣ? Марксъ, дѣйствительно, не развиваетъ экономическихъ причинъ переворота въ деревнѣ, но зато и оговаривается вполнѣ недвусмысленно: „Мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ чисто экономическія причины переворота въ земледѣліи. Мы займемся его насильственными средствами“[2]. Нужно, какъ видимъ, быть „нео-марксистомъ“ для того, чтобы въ этомъ усмотрѣть, какъ это дѣлаетъ Сорель[3], „старательное“ подчеркиваніе „насильственной“ базы *промышленной* революціи. Далѣе, у Маркса „базой“ кровавыхъ насилій буржуазіи надъ пролетаріатомъ въ эпоху первоначальнаго накопленія, была слишкомъ стремительная пролетаризація. Она создала и возможность и необходимость всѣхъ „кровавыхъ законовъ“, включая законы, направленные на пониженіе заработной платы. Этими законами, наконецъ, дополнялась объективная необходимость въ дисциплинѣ, которую не могла создать въ пролетаріатѣ мануфактура. У Сореля мы видимъ этотъ процессъ опрокинутымъ внизъ головой; видимъ насиліе, устанавливающее производственныя отношенія.

Наконецъ, въ „третьей стадіи“ Марксъ дѣйствительно констатируетъ господство естественныхъ законовъ. Но въ то время, какъ для Маркса это является завершеніемъ экономическаго процесса, создаваемаго экономическими первопричинами, Сорель толкуетъ это какъ „стадію“, порожденную господствомъ силы буржуазіи въ двухъ предшествовавшихъ стадіяхъ. Однако, странно звучитъ его подражаніе Марксу, когда онъ снисходительно посмѣивается надъ экономистами, которые спѣшатъ строить по этимъ даннымъ законы политической экономіи и соціальный прогнозъ.

Но Сорель не останавливается на этомъ искаженіи марксовой теоріи развитія власти. Онъ противопоставляетъ „силѣ буржуазіи“ свое „пролетарское насиліе“, которое, по его словамъ, чуждо буржуазнымъ стремленіямъ къ власти, и, наоборотъ, стремится разру-

---

[1]) „Капиталъ“ Т. 1, стр. 606.

[2]) Ibid., стр. 612.

[3]) „Lo sciopero generale politico“, стр. 89.

шить всякую власть. Зато „пролетарское насиліе“ *также* (!) обладаетъ способностью *перестраивать производственныя отношенія*. И Сорель воображаетъ, что на этотъ разъ онъ, по аналогіи, слѣдуетъ марксовой „теоріи соціальныхъ силъ“.

Этимъ ограничивается въ разбираемыхъ нами статьяхъ Сореля обоснованіе синдикализма въ марксизмѣ. „Логическая серія“ въ эволюціи соціологической мысли привела къ тому, что одно изъ положеній марксизма „волей и насильемъ“ (volontà e violenza) г-на Ж. Сореля перевернуто вверхъ ногами и въ этомъ видѣ названо очищеннымъ „марксизмомъ новой школы“. Подготовлено и все остальное для обоснованія доктрины такъ называемаго „революціоннаго синдикализма“. Провозглашены права метафизики. Выработаны основы новой „логической діалектики“, въ которой идеологическій волевой процессъ господствующихъ классовъ устанавливаетъ соціально-экономическое подчиненіе остального населенія. Теперь г-нъ Сорель сможетъ развить теорію „пролетарскаго насилія“, прилагаемаго непосредственно къ производственнымъ отношеніямъ, и теорію отрицанія государства и власти вообще, какъ источниковъ соціальнаго насилія. Затѣмъ онъ сможетъ аппелировать къ „пролетарскому насилію“ съ мольбой непосредственно исправить естественный ходъ вещей, привести въ чувство старушку исторію, которая по старости лѣтъ не слѣдитъ за порядкомъ и допускаетъ застой тамъ, гдѣ надобна быстрая эволюція; и, наконецъ, онъ авторитетно предпишетъ „чистымъ синдикалистамъ“ растолкать „прямымъ дѣйствіемъ“ буржуазію, которая — тоже по старости лѣтъ, должно быть,—мирно похрапываетъ тамъ, гдѣ ей слѣдовало бы заняться развитіемъ производительныхъ силъ; — не то, неровенъ часъ, новый строй родится недоноскомъ отъ вялой эволюціи буржуазнаго порядка, пришедшаго въ упадокъ (decadenza). Для этого рабочему классу преподносится „революціонный синдикализмъ“, порождаемый „насильемъ“ г-на Сореля надъ марксизмомъ.

Въ другихъ своихъ сочиненіяхъ Сорель приходитъ къ тѣмъ же выводамъ уже не „по Марксу“, а путемъ самостоятельнаго философскаго построенія. Не вдаваясь въ подробности этого обоснованія его полу-идеалистическаго, полу-эмпирическаго метода мышленія, отмѣтимъ въ общихъ чертахъ слѣдующее. Исходитъ Сорель изъ прудоновскаго идеализма, но тотчасъ же видоизмѣняетъ его. Признавая, подобно Прудону за идеями дѣйствительную силу въ переустройствѣ соціальныхъ отношеній, онъ считаетъ источникомъ

ихъ не индивидуальный разумъ генія, а идеологію массъ. Построенія этой идеологіи онъ называетъ платоническимъ терминомъ „миѳовъ". По его утвержденію, эти „миѳы" двигаютъ впередъ соціальное развитіе. Такимъ образомъ, задача соціологіи сводится къ регистраціи тѣхъ убѣжденій, которыя высказываетъ средній рабочій. Здѣсь „*идеализмъ*" перемѣшанъ съ „*эмпиризмомъ*": *гарантіей дѣйственности* этой идеологіи является *общественно*—въ предѣлахъ жизни массъ—*организованный опытъ*.

Благодаря такимъ предпосылкамъ „*соціализмъ*" Сореля чрезвычайно текучъ и измѣнчивъ. Сначала онъ воспроизводитъ практическія убѣжденія тредъ-юніонистовъ и видитъ въ профессіональныхъ организаціяхъ замкнутаго типа гарантію выработки соціалистическаго сознанія въ пролетаріатѣ (брошюра: „Соціалистическое будущее синдикатовъ"). При этомъ борьба за распредѣленіе истолковывается имъ, какъ процессъ постепеннаго освобожденія труда изъ подъ власти капитала, вслѣдствіе чего соціальная проблема современности у Сореля сводится къ вопросу о томъ, что именно способенъ осуществить пролетаріатъ.

Но затѣмъ изъ опыта становится ясно, что пресловутая трэдъюніонистская выучка была для массъ скорѣе тормозомъ въ развитіи ихъ соціалистическаго самосознанія, нежели двигателемъ его. Выясняется на практикѣ, что экономическая борьба не ведетъ еще непосредственно къ освобожденію труда, какъ то, вопреки научному соціализму, утверждали *эмпирики* рабочаго движенія трэдъюніонистскаго типа. Тѣмъ самымъ первоначальная теорія Сореля опровергается. Однако, теоретикъ „синдикализма" не смущается. Онъ присматривается къ новымъ формамъ движенія рабочихъ массъ и строитъ новую эмпирическую теорію, которая переноситъ логическій центръ тяжести въ ту борьбу рабочихъ — путемъ стачекъ, бойкота, саботажа и проч. —, которая имѣетъ якобы цѣлью овладѣніе предпріятіями. Наконецъ, эту теорію „action directe" онъ увѣнчиваетъ планомъ „всеобщей стачки". Это и есть современная законченная форма теоріи „революціоннаго синдикализма".

Теорія эта какъ въ первой такъ и во второй стадіи своего развитія претендуетъ на точное воспроизведеніе идеологіи массъ. Но не трудно убѣдиться, что это притязаніе мало соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Прежде всего сорелевское толкованіе тенденцій трэдъ-юніонизма несомнѣнно прикрашиваетъ факты. Такъ напримѣръ, ограниченная, *дѣловая* солидарность рабочихъ въ организаціи *взаимопомощи* возводится на пьедесталъ соціальной добро-

дѣтели и окружается ореоломъ „новаго права, новой морали“ и т. п. Точно такъ же поступаетъ Сорель и по отношенію къ тактикѣ „захватовъ“, которая уже начинаетъ входить въ употребленіе массъ разочарованныхъ въ экономической взаимопомощи и утомленныхъ борьбой съ соціальнымъ произволомъ и классовымъ пристрастіемъ правительствъ. Эта тактика восхваляется подъ названіемъ „прямого дѣйствія“ какъ кратчайшій и естественный путь къ „экспропріаціи экспропріаторовъ“. Такимъ образомъ, путь философскихъ предпосылокъ приводитъ къ тому же „пролетарскому насилію“, которое, какъ мы указывали выше, Сорель обосновываетъ также и „по Марксу“.

Демагогизмъ такого превознесенія ходячихъ идей очевиденъ, но, если хотите, онъ и понятенъ. Для того, чтобы имѣть успѣхъ въ проповѣди новой соціальной доктрины, Сорелю необходимо было не только критиковать марксизмъ, но и превозносить субъективизмъ массъ. Съ другой стороны, нужно было назвать авторитетнымъ именемъ „соціализма“ и раскрасить въ революціонный цвѣтъ свою теорію для того, чтобы привлечь къ ней тѣ элементы массъ, которые уже проявляютъ склонность относиться критически къ индивидуализму и крохоборству.

Еще одинъ путь Сореля въ обоснованіи своей доктрины—это критика и установленіе цѣлаго ряда метафизическихъ понятій, какъ-то государства, революціи и революціонности. Государство для него, какъ это вытекаетъ уже изъ предыдущаго, не что иное, какъ сконцентрированная, организованная сила угнетенія, направленная господствующимъ классомъ къ осуществленію своихъ хозяйственныхъ цѣлей. Ясно, что въ такомъ опредѣленіи не учтены ни историческое происхожденіе государственныхъ формъ общества, ни такіе факторы, какъ ограниченность правосознанія и конкурренція въ самихъ эксплоатируемыхъ массахъ, дѣлающая законы эксплоатаціи—*естественными законами* (см. Капит. т. I, стр. 624). „Метафизика—дѣйствительно—воскресаетъ во всемъ ея блескѣ“.

Отъ инквизиціи къ абсолютизму, отъ абсолютизма къ буржуазному государству! Такъ государственная власть по Сорелю, переходитъ изъ рукъ однихъ угнетателей и эксплоататоровъ въ руки другихъ, служа орудіемъ эксплоатаціи и угнетенія. *Поэтому*, заключаетъ Сорель, государство только и можетъ служить орудіемъ того и другого, а тотъ, въ чьи руки оно *попадетъ*, тотъ будетъ *эксплоатировать* это орудіе только съ той цѣлью, для которой оно пригодно.

Государство здѣсь, какъ и подобаетъ метафизическому понятію, есть нѣчто неизмѣнное въ пространствѣ и времени. Оно предметъ, воплощающій идею, и всегда служитъ орудіемъ чьей-либо субъективной воли. Уничтожить его – это значитъ пресѣчь злую волю и предупредить злостныя проявленія этой воли. Такимъ образомъ, метафизическая абстракція государства у Сореля отражаетъ не всю полноту процесса организаціи общества въ политическіе институты, а только одно изъ проявленій этого процесса. относящееся къ феодальной и капиталистической эпохѣ, а именно—принудительную власть, направляемую на руководство существующими соціальными отношеніями. Отсюда—одинъ шагъ до смѣшенія государства съ правительствомъ. И Сорель спѣшитъ отмѣрить этотъ шагъ въ сторону отъ пониманія реальныхъ явленій исторіи. И на напыщенномъ языкѣ метафизики онъ называетъ это проникновеніемъ „въ истинную природу вещей“ [1]).

Сорелю совершенно непонятно различіе между государствомъ, какъ формой организаціи *буржуазнаго общества*, и правительствомъ, которое въ классовомъ государствѣ, во-первыхъ, осуществуется господство только одной изъ борющихся партій, а во-вторыхъ, является агентскимъ учрежденіемъ, которое *должно* быть подчинено государству. Чисто анархическая идіосинкразія къ власти заставляетъ его конвульсивно протестовать даже и противъ проявленій революціонной диктатуры 1793 г., противъ „закона суверенного народа о военномъ положеніи, направленномъ противъ бунтовщической исполнительной власти“. Казалось бы, что на этомъ историческомъ примѣрѣ законодательства народа противъ эксцессовъ исполнительной власти, т. е. *правительства*, можно было бы лучше всего понять различіе между государствомъ и правительствомъ. Но Сорелю не до этого. Онъ слышитъ [2]) одобрительный комментарій Жореса къ этому факту: „Мы—народъ—воплощаемъ право. Мы не бунтовщики. Бунтовщики—въ Тюльери.... [3])“. Сорель дальше не въ силахъ слушать и понимать; до такой степени его шокируетъ эта „легальность“ Жореса.

То обстоятельство, что правительство классоваго государства есть орудіе власти господствующаго меньшинства,—заставляетъ Сореля отождествлять понятіе *государства*—черезъ понятіе прави-

---

[1]) „Lo sciopero generale“. G. Corel. Ibid., стр. 77.
[2]) „Lo sciopero generale politico“. G. Sorel. Ibid., стр. 86.
[3]) Jaurès: „Législation“, p. 1288.

тельства—съ понятіемъ *меньшинства*. Поэтому и въ новой организаціи общественной власти, которая *должна*—по его мнѣнію, только *можетъ*—быть установлена соціальной революціей, ему уже чудится господство „новаго меньшинства [1])."

Диктатура пролетаріата, по его мнѣнію, „очевидно была бы диктатурой комитетовъ, которые образовали бы псевдо-государство и, съ цѣлью возрожденія государства, присвоили бы себѣ неограниченныя полномочія съ того момента, какъ гражданская война отдала бы власть въ ихъ руки [2])".

„Эта диктатура, нѣтъ никакого сомнѣнія, будетъ диктатурой представителей пролетаріата [3])".

„Соціальная революція не должна"—ссылается онъ на Маркса—„замѣстить правящее меньшинство другимъ меньшинствомъ [4])". Такъ онъ подтасовываетъ значеніе меньшинства—класса буржуазіи, которое разумѣетъ здѣсь Марксъ, значеніемъ меньшинства—правительства или партіи.

Общественная власть для Сореля—всегда и вездѣ давильный прессъ, годный только для самаго гнуснаго назначенія. Le chien est créé pour mordre le monde—гласитъ обиходная мудрость мелкаго французскаго буржуа-метафизика. А метафизикъ Сорель не видитъ даже различія между Дантономъ и Кавеньякомъ и считаетъ равнозначущимъ служеніе Дантона революціоннымъ массамъ и служеніе Кавеньяка антисемитамъ въ дѣлѣ Дрейфуса [5]).

Такое абсолютное отрицаніе всякой общественной власти можетъ быть названо только анархизмомъ. И „марксистъ" Сорель не находитъ возможности отрицать это. А для своего оправданія онъ ссылается на доблестныя качества анархистовъ. Конечно, онъ не обосновываетъ анархизма съ точки зрѣнія марксистскихъ предпосылокъ. Обосновать доблесть анархистовъ ему позволяетъ „возродившаяся метафизика", которая освобождаетъ его отъ обязательствъ научнаго метода и даетъ ему въ руки, здѣсь и въ другихъ мѣстахъ, несравненный методъ... уподобленія. Такіе анархисты, какъ мы,—восклицаетъ онъ,—это герои побѣдоносныхъ республи-

---

[1]) „La morale dei produttori". G. Sorel. Ibid. стр. 121.
[2]) „Lo Sciopero generale politico". G. Sorel. Ibid. стр. 87.
[3]) l. c. стр. 87.
[4]) „I pregiudizi contro la violenza". G. Sorel. Ibid. стр. 61.
[5]) „I pregiudizi contro la violenza". G. Sorel. Ibid. стр. 59.

канскихъ войскъ, покорившихъ Европу; тогда какъ соціалисты— это солдаты стараго режима [1]). Сказано—доказано!

Сорель и тутъ смягчаетъ метафизику этого обоснованія *аполитизма* философіей эмпиризма. Онъ выставляетъ свою критику государственности, не какъ отвлеченное научное размышленіе, а какъ формулировку сознательной антигосударственности массъ. Въ такомъ видѣ у него обоснованъ аполитизмъ въ его „Введеніи въ новую экономію". Впрочемъ, этотъ путь развитія теоріи аполитизма у Сореля не достаточно разработанъ. Эта задача гораздо полнѣе, какъ мы это увидимъ, осуществлена другимъ теоретикомъ синдикализма, Максимомъ Лероа. Сорель же въ данномъ случаѣ опирается главнымъ образомъ на „воскресшую матафизику" Бергсона.

Онъ остается вѣренъ своему идеалистическому методу мышленія и въ пониманіи революціи и революціонности. Революція у него сводится къ проявленіямъ той пресловутой субъективной силы, которую онъ называетъ „насиліемъ"—violenza [2]).

Violence—таковъ пробный камень для оцѣнки тѣхъ историческихъ событій, которые до Сореля получили оффиціальное названіе революціи. Отсюда и осуществленіе предстоящей соціальной революціи, по мнѣнію Сореля, должно свестись къ осуществленію его излюбленной violenza.

Можно было бы подумать, что въ силу такого опредѣленія движущей силы переворотовъ, *нѣкоторымъ образомъ* грядущаго соціальнаго переворота можетъ служить Великая французская революція, съ той только разницей, что Сорель направитъ „насиліе" чистыхъ синдикалистовъ не на „людей, стоящихъ у власти", а на самое власть, съ цѣлью ея уничтоженія. Но оказывается, Сорель приходитъ къ совершенно своеобразнымъ заключеніямъ насчетъ „истинной природы" Великой революціи. Изъ его „анализа" слѣдуетъ, что революція 1789—1793 гг. вовсе даже не революція, а историческій фарсъ, разыгранный кровожадными людьми при помощи стараго феодальнаго станка пытокъ, передѣланнаго въ гильотину. Дѣло оказывается въ томъ, что революціонеры конца XVIII вѣка не могутъ быть признаны таковыми, во-первыхъ, потому, что они стремились къ захвату власти, захватили ее и тѣмъ самымъ совершили грѣхопаденіе; во-вторыхъ, потому, что ихъ ре-

---

[1]) „La morale dei produttori". G. Sorel. Ibid., стр. 122.

[2]) „Lo sciopero generale politico". G. Sorel. Ibid., стр. 88.

волюціонная дѣятельность была проявленіемъ темнаго насилія феодализма. Такъ напримѣръ, въ знаменитомъ террористическомъ „законѣ 22 прэріаля“ направленномъ противъ „враговъ народа“ съ цѣлью обезпечить „тріумфъ республики и гибель всѣхъ ея враговъ“, въ этомъ законѣ, по словамъ Сореля, содержался въ сжатыхъ формулахъ весь старый режимъ“.[1])

Второе доказательство *нереволюціонности* дѣяній Великой революціи какъ нельзя болѣе характерно для метода мышленія неомарксиста, Сореля. Направлять исторію, а стало быть, и совершать перевороты, по его убѣжденію, можетъ только субъективное вмѣшательство людей новой этики, новаго міра. Монистическое пониманіе исторіи и діалектика историческаго развитія считаютъ не только возможнымъ, но и неизбѣжнымъ разрушеніе отжившаго режима исключительно тѣми физическими и психическими силами, которыя порождены этимъ самымъ режимомъ.—Именно дурная сторона (эпохи)—говоритъ Марксъ—порождаетъ движеніе и творитъ исторію, создавая борьбу[2]). Сорель же предлагаетъ вѣрить въ интуицію новой морали, взятой авансомъ изъ грядущаго строя для надобностей разрушенія стараго.

И вотъ добросовѣстно взглянувъ въ грѣшное прошлое старушки исторіи, онъ не находитъ тамъ и помина интуитивной добродѣтели въ эпохи переворотовъ, а потому объявляетъ порывы революцій ничтожными по своему историческому значенію, не желая признать за ними даже чудодѣйственной силы „миѳовъ“. Такой же оцѣнкѣ подвергается и злополучный 1871 годъ съ его вѣрой въ „войска изъ волонтеровъ, въ чудодѣйственное служеніе народныхъ представителей, въ импровизированныхъ генераловъ“. Наконецъ, Сорель даетъ намъ окончательную развязку своего отрицательнаго отношенія къ революціямъ, признаннымъ за таковыя исторіей. А именно, онъ объясняетъ намъ, что такое, по его мнѣнію, дѣйственное „пролетарское насиліе“, которое онъ склоненъ признавать единственной движущей силой историческаго прогресса.—Это есть „пролетарское насиліе, совершаемое исключительно и просто, какъ *манифестація чувствъ* классовой борьбы“.[3]) „Пролетарскія насилія“— говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ—„...являются исключительно

---

[1]) I pregiudizi contro la violenza. G. Sorel. Ibid., стр. 51.

[2]) „Нищета Философіи“. К. Марксъ.

[3]) „La decadenza borghese e la violenza, G. Sorel. Ibid. стр. 41.

Тутъ Сорель, насколько его можно понять, толкуетъ „прямое дѣйствіе“ какъ мирную стачечную борьбу.

и просто стратегическими пріемами, имѣютъ значеніе военныхъ демонстрацій и служатъ для выраженія антагонизма классовъ“ [1]).

Таково опредѣленіе основного метода „пролетарскаго насилія“ у основателя такъ называемаго *революціоннаго* синдикализма“. Этимъ методомъ дѣйствій оказываются „манифестаціи“ и „демонстраціи“.

Послѣ этого еще болѣе становится ясенъ обвинительный приговоръ, выносимый Сорелемъ предшествующимъ революціямъ. И никого болѣе не должно удивлять общее истолкованіе историческаго процесса послѣдняго вѣка у этого теоретика „революціоннаго синдикализма“. А между тѣмъ это истолкованіе является типично эволюціонистскимъ и реформистскимъ.

Революцій не было. Это Сорель узналъ отъ такихъ авторитетныхъ лицъ, какъ Tocqueville, Fustel de Coulanges. Значеніе революцій, зарегистрированныхъ офиціальной исторіей, чисто консервативное. Токвиль увѣряетъ, а Сорель подтверждаетъ, что Великая революція, „была гораздо болѣе консервативна, чѣмъ о ней принято думать“[2]). „Наполеоновскій режимъ можетъ считаться доказательствомъ громадной роли консерватизма въ величайшихъ революціяхъ“[3]).

Поэтому, несмотря на революціи, „новыя эпохи наслѣдуютъ пріобрѣтенія прежнихъ эпохъ“[4]). Это положеніе Сорель заимствуетъ, якобы, у Маркса. У Маркса дѣйствительно можно найти указаніе на такое сохраненіе пережитковъ феодализма въ капиталистическомъ обществѣ. Но это—пережитки, играющіе и въ „новой эпохѣ“ экономически прогрессивную роль. Такъ напримѣръ, онъ говоритъ[5]) о существовавшемъ еще въ 1847 г. рабствѣ негровъ въ Суринамѣ, Бразиліи, южныхъ штатахъ Сѣверной Америки: „Рабство въ прямомъ смыслѣ является столь же необходимымъ для буржуазной промышленности, какъ и машины, кредитъ и пр. Безъ рабства не было бы хлопка, а безъ хлопка—всей современной промышленности... Такимъ образомъ, рабство является экономической категоріей величайшей важности“. Сорель же неоднократно твердитъ о пагубномъ наслѣдіи вырождающагося капиталистическаго строя.

Затѣмъ Токвиль поучаетъ его, что „наиболѣе характерныя

---

1) „I pregiudizi...“ Ibid., стр. 60.

2) „La decadenza borghese e la violenza, G. Sorel. Ibid., стр. 36.

3) l. c. стр. 37.

4) l. c. стр. 35.

5) „Нищета Философіи“. К. Марксъ. Изд. „Нов. Міра“, стр. 114.

учрежденія Франціи ведутъ свое происхожденіе отъ стараго режима“ [1]). И Сорель строитъ критику этихъ учрежденій на одномъ фактѣ ихъ дореволюціоннаго происхожденія. Но, въ концѣ концовъ, ему, должно быть, становится стыдно, и, построивъ на этихъ положеніяхъ очень зловѣщій прогнозъ грядущей соціальной революціи, онъ сознается, что этотъ выводъ „сдѣланъ противниками соціализма“.

И дѣйствительно принятые имъ выводы относительно соціальной революціи очень мрачны. Они очевидно, отражаютъ пессимизмъ, вызываемый общимъ соціально-политическимъ застоемъ. Сорель опасается, что указанный консерватизмъ исторіи окажется очень устойчивымъ и въ экспериментѣ соціальной революціи. Такъ, по аналогіи съ безсиліемъ христіанства (по Буассіе) въ его борьбѣ съ античнымъ міромъ (sic!) онъ заключаетъ: „можно представить себѣ, что вышло бы изъ революціи, которая отдала бы въ данный моментъ власть въ руки нашихъ оффиціальныхъ соціалистовъ: вся буржуазная идеологія была бы сохранена; буржуазное государство продолжало бы властвовать съ сохраненіемъ всѣхъ своихъ старыхъ злоупотребленій, экономическое вырожденіе продолжилось бы“[2]).

Въ такихъ краскахъ Сорель рисуетъ политико-соціальную эволюцію капиталистическаго строя. Онъ усердно доказываетъ „вырожденіе“ этого порядка, и, какъ мы уже знаемъ, видитъ его въ ослабленіи „энергіи“ буржуазіи, въ пріостановкѣ развитія производительныхъ силъ. Для его мировоззрѣнія такіе взгляды естественны. У него не развитіе производительныхъ силъ создаетъ соціальную силу буржуазіи, а обратно. И потому, разъ, по его предположенію, жоресисты убаюкали бдительность и ретивость буржуазіи, то и дѣло развитія производительныхъ силъ тормозится. Въ итогѣ этого, является вырожденіе общественнаго строя. Но пусть понимаетъ, кто можетъ, какъ жоресисты ухитряются убаюкать *конкуренцію* въ самой средѣ предпринимателей, ту самую конкуренцію, которая служитъ главнымъ источникомъ „энергіи“ буржуазіи?

При объясненіи соціальнаго застоя Сорель, по обыкновенію, прибѣгаетъ къ отысканію субъективныхъ факторовъ этого явленія и находитъ ихъ въ современномъ правосознаніи буржуазіи. Правосознаніе буржуазіи, по его словамъ, неподвижно и лишено возможности прогрессировать. Сознаніе ею своего „соціальнаго долга“

---

[1]) La decadenza borghese e la violenza. G. Sorel. Ibid., стр. 36.

[2]) l. c. стр. 39.

есть нѣчто воображаемое, фиктивное. „Нѣтъ соціальныхъ обязанностей, какъ нѣтъ обязанностей интернаціональныхъ“ [1]).

Эта теорія развитія—или вѣрнѣе застоя—капиталистическаго режима осложняется, по мнѣнію Сореля, только однимъ эволюціоннымъ процессомъ: субъективная двусмысленная „violenza proletaria“—„прогрессивно разрушаетъ буржуазный порядокъ“ [2]). Изъ предыдущаго ясно, что признаніе такой теоріи прогресса является глубоко-„эволюціоннымъ“, полной противоположностью революціонизма, имя котораго красуется въ заголовкѣ „новой школы“—„революціоннаго синдикализма“. Далѣе, при знакомствѣ съ другими теоретиками той же школы мы увидимъ гораздо болѣе обширное и глубокое, но по существу тождественное обоснованіе этой исторической эволюціи, особенно въ области права (Arturo Labriola, Maxime Leroy). У Сореля, который въ своей доктринѣ заходитъ далѣе другихъ синдикалистовъ, изложеніе теоріи не останавливается на этихъ эволюціонныхъ выводахъ. Но далѣе у него происходитъ перерывъ логической непрерывности. Начинается извѣстная намъ „логическая серія“, вполнѣ аналогичная осмѣянной Марксомъ прудоновской „эволюціи въ серіи разума“, о которой Прудонъ говоритъ: „человѣческій разумъ, соціальный геній возвращается однимъ скачкомъ на всѣ свои прежнія позиціи и въ единой формулѣ разрѣшаетъ всѣ свои проблемы“ [3]).

Сорель пугается картины, которая открывается передъ его глазами. Будь онъ марксистомъ, испугъ его граничилъ бы съ отчаяніемъ, такъ какъ намѣченные въ этой перспективѣ историческіе законы ведутъ въ лучшемъ случаѣ къ какой-то безконечной эволюціи, въ которой „violenza“ должна „прогрессивно“ перестраивать міръ и разрушать власть. Но онъ, слава богу, не детерминистъ, не матеріалистъ. Поэтому онъ заявляетъ: „опасность, грозящая міру въ грядущемъ, можетъ быть избѣгнута“. А такъ какъ ему, какъ убѣжденному эволюціонисту, болѣе всего страшна попытка соціалистической революціи и, какъ либералу,—грядущая пролетарская диктатура, то онъ прибавляетъ: опасность можетъ быть избѣгнута, если пролетаріатъ, отвергая буржуазныя революціонныя идеи, будетъ осуществлять сорелевское „нео-марксистское“ насиліе. „*Все можетъ быть спасено* [4]), если пролетаріатъ съумѣетъ

---

[1]) „La lotta di classe e la violenza“, G. Sorel. Ibid., стр. 13.

[2]) „La decadenza borghese e la violenza“, G. Sorel. Ibid., стр. 29.

[3]) „Нищета Философіи“. К. Маркса, стр. 120.

[4]) Курсивъ нашъ. П. С.

перестроить насиліемъ классы и вернуть буржуазіи немного ея прежней энергіи [1]).

Въ этотъ высококомическій моментъ призыва спасать человѣчество, которое объективными законами развитія увлекается якобы въ противоположную сторону, Сорель переходитъ отъ обоснованія синдикализма въ марксизмѣ къ самостоятельному, положительному изложенію этого новаго „революціоннаго“ ученія. Словомъ, онъ „однимъ скачкомъ возвращается на всѣ свои прежнія позиціи и въ единой формулѣ разрѣшаетъ всѣ свои проблемы“. Главнѣйшая изъ этихъ проблемъ, по его словамъ, это та, отъ которой за недостаткомъ данныхъ отказался якобы Марксъ, а именно: изученіе организаціи пролетаріата. Поэтому задачей „новой школы“ является использовать опытъ „послѣднихъ сорока лѣтъ“[2]).

Къ этому онъ прибавляетъ: „Ортодоксальный соціализмъ считаетъ безполезными всѣ эти изслѣдованія“ (l. c.).—Это, конечно, не болѣе какъ „неомарксистское“ толкованіе тенденцій научнаго соціализма. Революціонный марксизмъ, несомнѣнно, отдаетъ должное подобнымъ изслѣдованіямъ, но, понятно, не ждетъ, что они приведутъ къ необходимости пересмотрѣть основы общей теоріи. И такая увѣренность марксистовъ въ своей теоріи основывается не на сектантскомъ упорствѣ, а на сознаніи особой роли, которую, въ его глазахъ, играетъ эта область капиталистическаго общества въ общей исторіи развитія соціальныхъ формъ. Въ *научной* концепціи марксизма, отъ которой отрекается Сорель, развитіе силъ, правосознанія и даже идеологіи рабочаго класса является результатомъ капиталистическихъ производственныхъ отношеній, хотя все это и принимаетъ форму антитезы силамъ, правосознанію и идеологіи буржуазіи; поэтому *отдѣльное* изученіе этой области немыслимо и во всякомъ случаѣ не обѣщаетъ никакихъ откровеній въ общемъ пониманіи исторіи. Но синдикализмъ, съ его предпосылками о вліяніи пролетарскаго насилія на самыя основы строя, съ его теоріей „прогрессивнаго“ перерожденія этики и правосознанія и „прогрессивнаго“ же переустройства производственныхъ отношеній, конечно, нуждается прежде всего въ детальномъ изученіи жизни рабочаго класса для формулировки „миѳовъ“, двигающихъ исторію. Въ концѣ концовъ, въ душѣ Сореля просыпается прудонистъ; онъ опережаетъ эту работу эмпириковъ и тотчасъ

---

[1]) „La decadensa borghese e la violenza“, G. Sorel, стр. 41.

[2]) „Lo sciopero generale politico“, G. Sorel. Ibid., стр. 92.

же „въ единой формулѣ“ разрѣшаетъ великую соціальную проблему. Это единая и всеобъемлющая формула — *„всеобщая экономическая стачка“*.

„Новая школа“,—говоритъ онъ—„носящая названіе марксистско-синдикалистской, революціонной, высказывается за всеобщую стачку съ того момента, какъ ей удалось пріобрѣсти ясное сознаніе своей самобытности, и она поняла необходимость дѣйствительно порвать со старыми офиціальными, утопическими и политическими группировками, которыя смотрятъ на всеобщую стачку, какъ на опаснѣйшую ересь. Синдикалисты съ давнихъ поръ пользовались всеобщей стачкой, какъ пробнымъ камнемъ, который позволяетъ имъ распознавать и отстранять всѣ чужіе элементы“ [1]).

„Революціонные синдикалисты концентрируютъ весь соціализмъ во всеобщей стачкѣ“ [2]). „Всеобщая стачка для рабочихъ имѣетъ исключительное значеніе уничтоженія капиталистическаго режима...; но всеобщая стачка исключаетъ всякое ученое лжетолкованіе, которое ведетъ только къ тому, чтобы уничтоженіе капиталистическаго режима привело рабочихъ подъ иго новыхъ хозяевъ“. [2]) „Рѣчь идетъ... о катастрофѣ, которая не оставитъ отъ государства камня на камнѣ“ [3]). Всеобщая стачка вовсе не предполагаетъ того, чтобы капитализмъ находился въ стадіи упадка“.— „Для того, чтобы всеобщая стачка стала возможна, необходимо, чтобы капитализмъ потерялъ своихъ прежнихъ союзниковъ изъ мелкой и средней буржуазіи“ [4]). „Наконецъ, всеобщая стачка завершаетъ эпоху; и однако же не преднамѣчаетъ ничего въ будущемъ“ [5]). Въ заключеніе, „всеобщая стачка чужда всѣмъ тѣмъ, кто надѣется на возможность разрѣшить соціальные вопросы при посредствѣ науки; она не только ничего не спрашиваетъ у ученыхъ, но и отрицаетъ компетенцію науки въ этихъ вопросахъ“ [6]).

Таково это универсальное средство, которое своимъ всемогуществомъ заполняетъ, завершаетъ и разрѣшаетъ у Сореля всю проблему синдикализма и „соціализма“. Подходить къ ней съ претензіями на научный анализъ мы здѣсь не можемъ, если только хотимъ,—какъ мы дѣлали это до сихъ поръ—сражаться съ Со-

---

1) „Lo sciopero generale“, G. Sorel. Ibid., стр. 64, 65.
2) l. c. стр. 66.
3) l. c. стр. 70
4) l. c. стр. 70.
5) l. c. стр. 71.
6) l. c. стр. 72.

релемъ его же собственнымъ оружіемъ. Это намъ строго-на-строго запрещаетъ устами Сореля *она сама*, таинственная богиня метафизическаго неба, *всеобщая стачка*: „Она отрицаетъ компетенцію науки въ соціальныхъ вопросахъ". Но мы имѣемъ возможность познакомить читателя съ тѣмъ, какъ самъ Сорель въ предѣлахъ дозволеннаго (т. е. ненаучно) дополняетъ характеристику ея священной миссіи въ мірѣ. Онъ, прежде всего, настаиваетъ на томъ, чтобы эту всеобщую стачку не смѣшивали съ всеобщей политической стачкой, которая должна привести „къ господству новыхъ хозяевъ", къ „власти новаго меньшинства" и т. д.; тогда какъ „нельзя ожидать ничего подобнаго отъ всеобщей синдикалистской стачки, которая посягаетъ на уничтоженіе государства" [1]).

Въ такомъ видѣ сорелевская всеобщая стачка могла бы придать нѣкоторую дѣйствительную революціонность „синдикализму", если не по объективной преобразовательной силѣ своей, которая остается неизвѣстной, то по субъективной рѣшимости синдикалистовъ прервать эволюцію и совершить переворотъ однимъ ударомъ. Но на этотъ разъ Сорель предоставляетъ своимъ послѣдователямъ скрасить эту идею, какъ имъ угодно, самъ же онъ заявляетъ, что всеобщая стачка будетъ мирной, „не будетъ запятнана тѣми чудовищностями, которыми опорочена буржуазная революція" (l. c., стр. 63). „Она не содержитъ въ себѣ никакихъ зародышей проскрипцій" (l. c., стр. 64). И „новая школа всѣ свои надежды возлагаетъ на организацію возмущеній, которыя противопоставятъ „пролетарское насиліе" (violenza proletaria) силѣ государства и силѣ всякаго лжегосударства" [2]).

Такимъ образомъ, по всѣмъ признакамъ рѣчь идетъ только о концентрированномъ приложеніи уже извѣстной намъ „violence proletarienne" съ ея чисто и исключительно демонстративнымъ характеромъ.

Такова „всеобщая стачка", этотъ вѣнецъ сорелевскаго „*революціоннаго* синдикализма"! Таковъ самъ Сорель, интимный жрецъ мистической „всеобщей стачки"!

---

[1]) „Lo sciopero generale politico". G. Sorel. Ibid., стр. 86.
[2]) „Lo sciopero generale politico", G. Sorel. Ibid., стр. 94.

ГЛАВА II.

Артуро Лабріола (Arturo Labriola).

А. Лабріола членъ „Partito Socialista Italiano“ и горячій поборникъ „новаго метода“ классовой борьбы. Онъ теоретикъ „марксизма“ и „синдикализма“, опирается одновременно на К. Маркса и на Ж. Сореля. Онъ даетъ свое толкованіе положеніямъ марксизма, называя лжетолкованіемъ этой доктрины символъ вѣры международной соціалдемократіи и относя кое-какіе „грѣхи“ соціалдемократіи на счетъ „Каммунистическаго Манифеста“, который якобы противорѣчитъ болѣе зрѣлому и позднему труду Маркса, „Капиталу“. Въ то же время онъ сглаживаетъ нѣкоторыя слишкомъ рѣзкія отступленія Сореля отъ марксизма въ его теоріи „violence“ и „action directe“. Словомъ, Сорель имъ исправленъ по Марксу, и Марксъ по Сорелю.

Артуро Лабріола, какъ и другіе теоретики „революціоннаго синдикализма“ обрушивается съ своей „критикой“ на революціонный марксизмъ и разражается рядомъ нападокъ на „соціалистовъ парламентаристовъ“. Въ этомъ отношеніи онъ повторяетъ Ж. Сореля. Его нападки, такъ же какъ и сорелевскіе, по существу задѣваютъ только реформистовъ или ревизіонистовъ школы Жореса, Бернштейна, Турати. Зато его теоретическая критика соціализма является образцомъ нео-марксистскаго *ревизіонизма* и въ очищенномъ отъ революціонной фразеологіи видѣ представляетъ собой образчикъ экономическаго *реформизма*, который идетъ много дальше реформизма Сореля.

Къ числу заслугъ „революціоннаго синдикализма“ должна быть отнесена борьба съ боязнью „нелегальнаго“, которая является настоящей нервной болѣзнью итальянской соціалистической партіи. Артуро Лабріола является застрѣльщикомъ такой борьбы въ итальянской партіи. Онъ говоритъ: „не надо забывать, что итальянская соціалистическая партія была вынуждена вырабатывать свою идеологію подъ непрестанными ударами полицейскаго преслѣдованія. При такихъ условіяхъ могло казаться очень удобнымъ и на самомъ

дѣлѣ было удобно провозглашать революціонность партіи не въ средствахъ,—а они только и интересовали правосудіе и полицію,—а въ идеяхъ, съ цѣлью уйти отъ преслѣдованія властей [1]).“ „*Предразсудочное отношеніе къ легальности* становится существенной отличительной чертой наиболѣе революціонной изъ партій нашей эпохи, а именно той, которая желаетъ уничтожить наемный трудъ и основать общество равныхъ [2]).“

Можно признать нѣкоторый мѣстный и временный смыслъ въ этихъ нападкахъ. Но этимъ исчерпывается почти все положительное значеніе критической части книги Арт. Лабріола: „Rifolme e rivoluzione sociale“. Критика, направленная противъ „соціалистовъ-парламентаристовъ“, теряетъ свою остроту даже и въ примѣненіи къ реформистамъ-политикамъ, такъ какъ Ар. Лабріола противопостовляетъ ей, какъ мы это увидимъ ниже, *экономическій* „реформизмъ“. Наконецъ, и его критика теоретическихъ положеній революціоннаго марксизма можетъ быть принята только какъ направленная по невѣрному адресу критика государственнаго соціализма. Но и тутъ „нео-марксистъ“ Лабріола не справляется съ своей задачей. Знакомые намъ сорелевскіе: методъ и предпосылки, служатъ плохую службу молодому „синдикалисту-соціалисту.“ Для читателя, располагающаго хоть сколько-нибудь оружіемъ научнаго соціализма, логическіе пріемы Лабріолы весьма неубѣдительны. Покажемъ и это.

Лабріола не отрекается всенародно отъ діалектическаго мышленія и не объявляетъ себя метафизикомъ, какъ это дѣлаетъ Сорель. И тѣмъ не менѣе мы видимъ у него среди общихъ предпосылокъ тѣ же общіе метафизическія опредѣленія *государства* и *насилія*, какъ и у его учителя. Государство есть классовое господство буржуазіи,—такова категорическая формула Лабріолы для прошедшаго и будущаго. „Для нея (т. е. буржуазіи) является существеннымъ сохранить уже не традиціонныя и историческія формы господства, а самое это господство, т. е. государство [3]).“ „Политическая власть, въ собственномъ смыслѣ этого слова, есть власть класса, организованнаго для угнетенія другого класса [4])“.

---

[1]) „Riforme e rivoluzione sociale“, A. Labriola, Миланъ, 1904 годъ, стран. 20.

[2]) Ibid., стран. 217.

[3]) „Riforme e rivoluzione“, A. Labriola, стр. 104.

[4]) „Sull'azione politica del Partito Socialista“. (IX Congresso Nazionale del Partito Socialista Italiano. Roma 7—8—9 Ottobre 1906 a.) Relazione di Arturo Labriola.

„Государство есть синонимъ соціальнаго господства (possesso della supremazia sociale) одного какого-нибудь класса [1]).“ Это выраженіе у Лабріолы имѣетъ не тотъ смыслъ, что одной изъ сторонъ современнаго государства является господство буржуазіи, а приводится имъ въ качествѣ общаго содержанія понятія: государство. „Что дѣйствительно подрываетъ его господство, такъ это— рѣшительная борьба (l'attacco) противъ государственнаго строя, такъ какъ она означаетъ попытку ниспровергнуть классовое господство правящаго класса [2]).“ Иными словами, въ любой моментъ исторіи достаточно было бы разрушить самое государство, и господство того или иного правящаго класса было бы низвергнуто. Куда ведетъ подобная предпосылка,—угадать не трудно. И уже въ слѣдующихъ строкахъ Ар. Лабріола воздаетъ честь и хвалу „анархической партіи“—„il partito anarchico“.

Въ прямой связи съ этой первой и главнѣйшей предпосылкой у Лабріолы, какъ и у Сореля, стоитъ его вторая предпосылка, а именно опредѣленіе революціи, революціонности. „Революція“—говоритъ онъ—„имѣетъ своимъ объектомъ государство и цѣлью — его уничтоженіе“ [3]). „Существеннымъ въ революціонномъ процессѣ“—заявляетъ онъ нѣсколькими строками выше—„является не способъ достиженія этой цѣли (путемъ закона [4]) или возмущенія или же тѣмъ и другимъ), а самый фактъ“. Этими словами обосновывается не только анархическое содержаніе лабріоловской доктрины „синдикализма“, но и широко открываются двери характерному для Ар. Лабріолы „либертизму“, проще сказать, либерализму, анархическому манчестерству. Все то, что разрушаетъ — легально или нелегально—государственную власть, уже по тому самому—революціонно!—такъ говоритъ Лабріола. И когда онъ съ этимъ „критеріемъ истинности“ подходитъ къ современному процессу поглощенія государственнаго права частнымъ правомъ, то онъ естественно прикрываетъ словомъ „революціонно“ самыя неподобающія вещи, дѣйствія и теченія мысли. Производится „неомарксистская“ переоцѣнка всѣхъ цѣнностей, и старый „экономизмъ“ предстаетъ передъ нами въ ярко красномъ фригійскомъ колпакѣ.

---

[1]) Ibid., стр. 109.

[2]) l. c., стр. 110.

[3]) Ibid., стр. 30.

[4]) Очевидно, рѣчь идетъ не о „законодательствѣ“ революціонныхъ собраній, которое само есть проявленіе государственности, а просто о „мирныхъ“ средствахъ, законныхъ съ точки зрѣнія „естественнаго права“. Или же это есть противорѣчіе.

Государство—вотъ врагъ! Такова красная нить лабріоловскихъ писаній и рѣчей. Государство есть „политическая машина“, которая работаетъ въ пользу буржуазіи. Но буржуазный „классовый режимъ заключается не въ монархическомъ и не въ республиканскомъ государствѣ, а въ томъ фактѣ, что группа людей пользуется политической профессіей въ своихъ собственныхъ интересахъ“. „Сущность буржуазнаго господства заключается не въ наемномъ трудѣ и не въ авторитарномъ строѣ политическаго общества (государства); а въ фактѣ взыманія налога на трудъ однихъ людей другими людьми и въ употребленіи политики съ цѣлью гарантировать это взыманіе“ [1]). Этими опредѣленіями „классоваго господства“ крайне съуживается понятіе соціальной революціи, долженствующей вмѣстѣ съ государствомъ смести и это господство. Лабріола не считаетъ государства формой господства *класса буржуазіи*, а потому не находитъ необходимой всестороннюю борьбу съ существующими формами общества. У него все „классовое господство“ сводится къ „взиманію налога на трудъ“, которое выполняется „группой людей“ при помощи „политической профессіи“. Разрушьте до конца власть „группы людей“, и „классовое господство“ останется безъ своего фундамента. Не важны политическія формы — будь то монархія или республика — а существенна только наличность „политической власти“. Тутъ совершенно ясно сказывается *аполитизмъ* Арт. Лабріолы, который, оставаясь въ рядахъ итальянской соціалистической партіи, прикрываетъ этотъ аполитизмъ фразой о „политической“ работѣ въ формѣ безпрестаннаго разрушенія государства. Затѣмъ, изъ вышеприведеннаго опредѣленія государственности слѣдуетъ, что „группа людей“ устанавливаетъ классовое господство путемъ налога на трудъ, иными словами,—путемъ осуществленія данной системы *распредѣленія*. Эта предпосылка, заимствованная у Прудона и приспособленная къ новой доктринѣ, кладетъ свой отпечатокъ на все ея дальнѣйшее развитіе. Такъ напримѣръ, говоря о грядущемъ соціальномъ переворотѣ, онъ заявляетъ: „Нѣтъ надобности замѣнять капиталистическій способъ производства *новымъ* способомъ (государственнымъ или коммунальнымъ), а нуженъ только иной порядокъ распредѣленія“ [3]).

Съ вышеуказаннымъ опредѣленіемъ революціи Ар. Лабріола подходитъ къ характеристикѣ Великой французской революціи, и,

---

[1]) Ibid., стр. 39.
[2]) l. c., стр. 99—100.
[3]) Ibid., стр. 198.

получивъ выводы соотвѣтственные предпосылкамъ, обогощаетъ въ свою очередь эти послѣднія новымъ сомнительнымъ по достоинству содержаніемъ.

„Что революція состоитъ въ разрушеніи стараго государственнаго организма путемъ ли возстаній или при посредствѣ законныхъ организмовъ,—это съ очевидностью слѣдуетъ изъ разсмотрѣнія дѣятельности учредительнаго собранія [1]).“ „Революція—это отрицаніе [2]).“ И въ уничтоженіи старыхъ учрежденій, сословій и т. д. онъ видитъ „разрушеніе существующей власти [3]).“ Онъ усматриваетъ въ революціонныхъ дѣйствіяхъ французовъ XVIII вѣка стремленіе вызвать это разрушеніе, несмотря на то, что недостатки стараго строя „могли быть устранены безъ нарушенія законнаго строя государства [4]).“ Даже въ борьбѣ народнаго суверенитета съ абсолютизмомъ и вообще феодализмомъ Лабріола склоненъ видѣть разрушеніе государства, несмотря на то, что, по его собственнымъ словамъ, „результатомъ революціоннаго процесса должна была явиться поляризація индивидуума-избирателя и государства [5]).“ Такимъ образомъ, Лабріола ухитряется видѣть разрушеніе государства въ томъ процессѣ, который на дѣлѣ былъ фактическимъ созиданіемъ демократическаго государства въ борьбѣ съ произволомъ феодальной эпохи. Этимъ выводомъ онъ обязанъ своему метафизическому методу изслѣдованія „двухъ моментовъ“ Великой революціи. Дѣйствительно, вмѣсто того, чтобы развить передъ читателемъ сложный прецессъ великаго общественнаго переворота 1789—1791 года, въ которомъ большинство французской націи установило новый общественно-политическій строй путемъ борьбы съ защитниками старины, онъ указываетъ въ французской революціи, во-первыхъ, „разрушеніе существующей власти“, а во-вторыхъ, „другой логическій моментъ революціи“, а именно „переходъ власти въ руки новой соціальной группы, или же захватъ функціи государства новымъ политическимъ механизмомъ, постепенно развившимся въ обществѣ“ [6]). Этотъ „другой логическій моментъ“ чрезвычайно напоминаетъ „дурную сторону“ а все построеніе—„логическую серію“ прудоновской философіи. И этотъ „дру-

---

[1]) Ibid., стр. 31. Тутъ повторяется указанное выше противорѣчіе.
[2]) l. c., стр. 32.
[3]) l. c., стр. 35.
[4]) l. c., стр. 35.
[5]) l. c., стр. 33.
[6]) l. c., стр. 35.

гой логическій моментъ", слѣдуя субъективизму этой „логической серіи", оказывается во французской революціи *неправильно* выполненнымъ потому именно, что власть вмѣсто того, чтобы перейти отъ государства къ общественному органу (напримѣръ, къ „рабочему синдикату") попала въ руки „соціальной группы, которая до того времени оставалась чуждой офиціальной жизни страны [1])."

Такова „дурная сторона" Великой революціи, которой, по мнѣнію Лабріолы, не подобаетъ слѣдовать. И этотъ историческій промахъ XVIII вѣка заключается въ нарушеніи эволюціонной преемственности. Словомъ, мы видимъ тутъ точку зрѣнія, близкую къ характеристикѣ той же революціи у Сореля, который выставляетъ эту послѣднюю кровожадной, но безплодной и точно такъ же отдаетъ предпочтеніе преемственной эволюціи, совершавшейся за спиной революціонныхъ дѣятелей конца XVIII вѣка.

Теперь аполитическое опредѣленіе революціи, какъ процесса разрушенія государства, дополнилось у Лабріолы эволюціоннымъ толкованіемъ этого процесса. Окончательное опредѣленіе революціи у Лабріолы таково: революція есть процессъ разрушенія государства и одновременнаго зарожденія новыхъ формъ общественности.

Вооруженный этими предпосылками, Лабріола, по примѣру Сореля, вырабатываетъ опредѣленіе „пролетарскаго насилія"—violenza proletaria. Какъ истинный ученикъ Сореля, онъ повторяетъ его обоснованіе этого опредѣленія „по Карлу Марксу". Какъ членъ соціалистической партіи, не только не желающій выступить изъ нея, но даже претендующій въ ней на роль Катона въ борьбѣ съ растлѣвающимъ вліяніемъ реформизма (политическаго) и парламентаризма, онъ въ толкованіи Маркса ближе становится къ Марксу, нежели Сорель. Поэтому и выводы его нѣсколько иные.

Лабріола ставитъ вопросъ относительно природы „насилія": „правда ли, что въ системѣ Маркса насиліе неспособно измѣнять соціальныя отношенія, или же, точнѣе, насиліе въ этой системѣ не признается экономическимъ фактомъ, т. е. не служитъ въ томъ или другомъ случаѣ точкой отправленія экономическаго отношенія [2])?" Онъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ уже извѣстной намъ изъ Сореля ссылкой на „внутренніе законы капиталистическаго накопленія", т. е. на знакомую намъ схему взаимоотношенія экономическихъ отношеній и политическаго насилія.

---

[1]) l. c., стр. 36.
[2]) Ibid., стр. 151.

Онъ воспроизводитъ эту схему и говоритъ: „въ той же самой главѣ, гдѣ Марксъ строитъ гипотезы относительно преемственности по наслѣдству будущихъ соціальныхъ актовъ насилія, онъ описываетъ намъ эти акты въ прошломъ. Коммунизмъ возникнетъ изъ экспропріаціи капиталистовъ; но капитализмъ произошелъ изъ экспропріаціи частныхъ производителей (die Expropriation der unmittelbaren Producenten); стало быть, историческій процессъ этой формы экспропріаціи въ нашемъ прошломъ можетъ въ достаточной степени выяснить намъ процессъ будущей экспропріаціи капиталистовъ. Но въ чемъ же заключается экспропріація непосредственнаго производителя? Она состоитъ изъ ряда насильственныхъ пріемовъ. (Sie umfasst eine Reihe gewaltigen Methoden). „Экспропріація непосредственныхъ производителей совершается съ самымъ безпощаднымъ вандализмомъ, подъ дѣйствіемъ самыхъ низкихъ побужденій, самыхъ грязныхъ, самыхъ мелочно-злобныхъ страстей“... Но ничто не заставляетъ предполагать, будто бы процессъ предстоящей экспропріаціи будетъ по формѣ отличаться отъ бывшей въ прошедшемъ.“

Такимъ образомъ, Лабріола до извѣстнаго момента повторяетъ сорелевское обоснованіе „прямого дѣйствія“: насиліе создаетъ экономическія отношенія. И тутъ же у него это прошлое и современное насиліе со стороны капитала отожествляется съ возможнымъ грядущимъ насиліемъ со стороны труда. Развивая теорію „прямого дѣйствія“ Ар. Лабріола забываетъ, что на пути этого насилія при зарожденіи капиталистическаго строя не было никакого общественнаго препятствія и орудіемъ капиталистическаго накопленія служилъ уже существовавшій королевскій абсолютизмъ; тогда какъ на пути пролетарскаго насилія стоитъ въ лицѣ государственной власти организованная сила экономически властвующей буржуазіи. Упуская это изъ виду онъ придаетъ неподобающее значеніе слѣдующему выводу, сдѣланному имъ à la Sorel. „Насиліе есть непосредственное воздѣйствіе на положеніе вещей[1]).“ Однако, вѣрный своему эклектизму, онъ сначала нѣсколько затемняетъ ясность этого положенія, указывая „два метода пролетарскаго насилія“, а именно: 1) непосредственную модификацію отношеній между рабочими и капиталистами, напримѣръ, при помощи стачекъ, путемъ завладѣнія фабриками, частно-правовымъ признаніемъ за ними совмѣстнаго владѣнія фабриками; 2) модификацію при посред-

[1]) l. c., стр. 163.

ствѣ государства, непосредственно руководимаго ими или вынужденнаго подчиняться ихъ вліянію.—Первый пунктъ есть теорія „прямого дѣйствія“, основанная на исторической аналогіи съ „экспропріаціей частныхъ производителей“; второй же пунктъ есть уступка недвусмысленнымъ выводамъ Маркса относительно неизбѣжности политическаго характера классовой борьбы и соціальной революціи.

Для своихъ цѣлей обоснованія „action directe“ Лабріола въ дальнѣйшемъ замалчиваетъ „второй методъ“, но зато старается прочно обосновать „по Марксу“ первый пунктъ. Онъ цитируетъ: „Организація развитаго капиталистическаго производства сламываетъ всякое сопротивленіе,... нѣмой гнетъ экономическихъ условій довершаетъ господство капитализма надъ рабочимъ[1])“. Казалось бы, что Лабріола вычиталъ и привелъ прекрасныя опроверженія „action directe“. Вѣдь „организація развитаго капиталистическаго производства“, противополагаемая „нѣмому гнету экономическихъ условій“, и есть та буржуазная „государственная власть“ которая, хотя и не создала капиталистическаго строя, но способна дать отпоръ посягательствамъ на него, и о которую разбивается и превращается въ политическую борьбу „action directe“ рабочаго класса. Но Лабріола идетъ со своими заранѣе заготовленными выводами мимо этихъ положеній марксизма и нѣсколькими строками ниже высасываетъ нужное ему доказательство „насильственнаго“ происхожденія экономическихъ отношеній изъ словъ: „для правильнаго хода вещей рабочій можетъ быть предоставленъ „естественнымъ законамъ производства“... „*Не то было при историческомъ началѣ капиталистическаго производства*[2])“. Не то было,—радуется Лабріола: „При историческомъ зарожденіи капиталистической системы (и это можно сказать о зарожденіи любой соціальной системы) насиліе господствовало нераздѣльно“. Эти слова Лабріола прибавляетъ *отъ себя*, такъ какъ у Маркса въ дальнѣйшемъ изложеніи и раньше можно найти (какъ мы это указывали въ главѣ о Сорелѣ) развѣ только діаметрально противоположныя положенія. Сказавъ это, итальянскій нео-марксистъ идетъ crescendo въ излюбленныхъ опредѣленіяхъ „новой школы“. „Соціальныя от-

---

[1]) Цитируемъ по „Капиталу“ К. Марксъ. Изд. Поповой. 1899 г. т. I, стр. 624. У Лабріола, ibid., стр. 164.

[2]) „Rif. e. riv. soc.“ l. c., стр. 164. Курсивъ въ цитатѣ изъ „Капитала“, установленъ, но не оговоренъ Лабріолой.

ношенія создаются искусственно[1])". „Экономическій моментъ есть актъ насилія, ставшій необходимостью".

Здѣсь Лабріола самъ ставитъ вопросъ о довѣріи къ своимъ разсужденіямъ. Онъ говоритъ: „не является ли это толкованіе марксизма произвольнымъ?" И для своего оправданія приводитъ новые цитаты изъ „Капитала", которыя должны—мы убѣждены въ этомъ—послужить для читателя лучшимъ опроверженіемъ лабріоловскаго толкованія марксизма, особенно если онѣ будутъ прочитаны въ общемъ контекстѣ „Капитала". Въ борьбѣ за рабочій день „при столкновеніи двухъ равныхъ правъ вопросъ рѣшаетъ сила[2])". Здѣсь у Маркса еще не ясно, что является объектомъ силы: сами ли „производственныя отношенія", какъ это проповѣдуетъ теорія „action directe" и русскаго „захватнаго права" или общественная организація, государство. Но эта неясность даннаго мѣста изъ „Капитала" не извиняетъ лабріоловскаго толкованія. Онъ прекрасно знаетъ и самъ тутъ же приводитъ двѣ другія цитаты по тому же вопросу, а именно: „установленіе нормальнаго рабочаго дня есть, слѣдовательно, результатъ продолжительной, болѣе или менѣе скрытой, гражданской войны между классомъ капиталистовъ и классомъ рабочихъ[3])". Затѣмъ: „для „защиты" противъ своего змѣя-мучителя рабочіе должны сплотиться и, какъ классъ, вынудить законъ, который являлся бы могущественнымъ *общественнымъ* препятствіемъ, не дающимъ имъ самимъ продавать себя и свое потомство по свободному договору съ капиталомъ на смерть и рабство[4])". И эти-то цитаты Лабріола приводитъ съ намѣреніемъ подтвердить *свои* положенія! Но не ясно ли, что „гражданская война" двухъ классовъ, которая заканчивается законодательной нормировкой отношеній найма, далека отъ частно-правового разрѣшенія двухъ интересовъ, и тѣмъ болѣе не имѣетъ ничего общаго съ „прямымъ", т. е. неправовымъ, не получающимъ *общественной* санкціи нарушеніемъ того или иного распорядка. Могущественнымъ, по словамъ Маркса, является только *общественное* препятствіе. И это „общественное препятствіе" сильно не только тѣмъ, что ставитъ „всѣмъ мастерскимъ и фабрикамъ безъ различія однѣ и тѣ же границы рабочаго дня[5])", но и тѣмъ, что не

---

1) l. c.

2) „Капиталъ", т. I, стр. 175.

3) Ibid., стр. 233.

4) l. c., стр. 236. Курсивъ нашъ.

5) „Капиталъ", К. Маркса. т. I, стр. 234.

дастъ самимъ рабочимъ „продавать себя и свое потомство по свободному договору съ капиталомъ на смерть и рабство“. Тутъ мы видимъ, что бороться приходится, дѣйствительно, даже съ такими экономическими законами, какъ конкуренція на рынкѣ труда, а къ нимъ, очевидно, „насиліе“ можетъ быть плодотворно приложено не непосредственно, а черезъ созданіе „общественныхъ препятствій“, т. е. законовъ.

Лабріола же въ этихъ цитатахъ видитъ обоснованіе „прямого дѣйствія“,—насилія, направленнаго на экономическія отношенія.

Такъ онъ защищаетъ теорію Ж. Сореля. Но въ то же время онъ, какъ уже было замѣчено, дѣлаетъ шагъ въ сторону экономическаго пониманія исторіи и смягчаетъ понятіе „насилія“ опредѣленіемъ „обусловленное насиліе“. Онъ говоритъ: „но это насиліе не безпричинно. Изъ предыдущаго ясно, что и оно отвѣчаетъ психологической и экономической необходимости[1])“. „*Обусловленное* (другими причинами—*П. С.*) *насиліе кладетъ начало экономикѣ*[2])“.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Лабріола смягчаетъ основное понятіе „синдикализма“. Для того чтобы отказаться отъ него, итальянскій соціалистъ, долженъ былъ бы отречься отъ экономическаго монизма въ пониманіи исторіи, а стало быть, и вообще отъ основъ марксизма. Сорель сдѣлалъ это съ легкимъ сердцемъ. Лабріолѣ еще предстоитъ это сдѣлать, если онъ пойдетъ тѣмъ же путемъ. Но теперь онъ еще продолжаетъ выводить и предлагать своей аудиторіи *двусмысленныя* положенія.

Указанное смягченіе понятія „насиліе“ очень существенно для всей теоріи „революціоннаго синдикализма“ Ар. Лабріолы. Оно отдаляетъ его отъ теоріи „action directe“ въ томъ ея видѣ, какъ она излагается у Сореля. Проблема отысканія „силы“, могущей совершить соціальный переворотъ, переносится въ область объективнаго развитія экономическихъ отношеній и тѣмъ самымъ отодвигается отъ теоріи „пролетарскаго насилія“. Пролетарское насиліе по прежнему остается методомъ „прямого дѣйствія“, т. е. объектомъ его остаются непосредственно экономическія отношенія, но возникаетъ новый вопросъ о возможности проявленія этого „пролетарскаго насилія“ въ данный историческій мементъ. Поэтому разрѣшеніе основной проблемы приходится искать не въ ме-

---

[1]) „Rif. e riv. soc.“ Art. Labriola, стр. 165, примѣч. 1.

[2]) Ibid., стр. 166, курсивъ Лабріола.

тафизическомъ опредѣленіи „пролетарскаго насилія“, а въ развитіи общаго соціально-экономическаго прогресса.

И Арт. Лабріола отважно пускается въ этотъ анализъ, къ сожалѣнію, „безъ руля и безъ вѣтрилъ“. При этомъ его аполитизмъ дѣлаетъ его апологетомъ „свободы промышленности и торговли“, и онъ набрасывается на „государственный соціализмъ“, обобщая подъ однимъ опредѣленіемъ государственности — или этатизма — какъ вообще парламентаризмъ, такъ и буржуазный государственный соціализмъ.

„Политическая дѣятельность отожествлена съ парламентской дѣятельностью [1])“, говоритъ онъ, приступая къ критикѣ какъ политицизма такъ и парламентаризма. А парламентарный режимъ, по его мнѣнію, не можетъ служить органомъ освобожденія пролетаріата, „*потому что* и этотъ органъ исторически развился въ томъ направленіи, чтобы служить интересамъ класса буржуазіи [2])“. Это „*потому что*“ блестящій образецъ неповинности Лабріолы въ употребленіи діалектическаго метода мышленія. Въ этомъ отношеніи онъ остается вѣренъ образцамъ своего учителя, сказавшаго: „осуществлять реформы въ буржуазномъ обществѣ это значитъ утверждать частную собственность[3])“, а стало быть, на языкѣ синдикалистовъ, — дѣлать зло. Поэтому-то у Лабріолы безусловно ошибочной является тактика англійскихъ радикаловъ начала 19 вѣка. „Выходило такъ, какъ будто бы они желаютъ измѣнить существующую форму государства съ его собственнаго позволенія[4])“, говоритъ онъ съ пренебреженіемъ объ англійскихъ демократахъ и видитъ вырожденіе чартизма въ томъ, что они прибѣгли къ парламентаризму[5]).

Въ государственномъ соціализмѣ новѣйшаго времени онъ видитъ уже безусловную реакціонность. „Что такое государственный соціализмъ, какъ не попытка воскресить уже отжившіе средневѣковые пути?[6])“

Однако, „безусловная реакціонность“ буржуазіи въ глазахъ Лабріолы еще не такъ опасна. Она можетъ быть сломлена „пролетарскимъ насиліемъ“. Но онъ предвидитъ очень мрачныя послѣд-

---

[1]) Ibid., стр. 5.
[2]) Ibid., стр. 14. Курсивъ нашъ.
[3]) Introduction à l'économie moderne. G. Sorel. Paris 1904, стр. 11.
[4]) „Rif. e. riv. soc.“ Ar. Labriola, стр. 76.
[5]) l. c., стр. 80.
[6]) l. c., стр. 89.

ствія того факта, что соціалистическая доктрина сама, по существу, въ ея практическихъ примѣненіяхъ и въ прогнозѣ соціальной революціи еще не безусловно антигосударственна. Онъ утверждаетъ, что „идеалъ соціализма превосходно совмѣстимъ съ обществомъ, въ которомъ основы распредѣленія останутся такими же, какъ теперь[1])“. Можно представить себѣ всю тяжесть такого обвиненія особенно въ устахъ Лабріолы, который приписываетъ Марксу и самъ принимаетъ слѣдующее сужденіе о назрѣвшей уже соціальной революціи: „Экономическій процессъ уже совершился... Нѣтъ болѣе надобности ни въ какомъ дополнительномъ экономическомъ преобразованіи... Рѣчь идетъ не объ установленіи *новаго* (государственнаго или общиннаго) способа производства, а только объ иномъ способѣ распредѣленія[2])“. Итакъ, все готово для переворота. Остается измѣнить способъ распредѣленія. Но соціализмъ не способенъ и на это!

Это и дальнѣйшее лжетолкованіе революціоннаго соціализма основывается у Лабріолы на безусловномъ отрицаніи этатизма, или государственности. И это предвзятое отношеніе къ государственности мѣшаетъ Лабріолѣ понимать научный соціализмъ. Такъ напримѣръ, онъ приписываетъ соціалистамъ то утвержденіе, будто бы они ставятъ себѣ цѣлью разрушить только опредѣленную политическую форму существованія буржуазіи, въ надеждѣ тѣмъ самымъ разрушить и самое господство ея. Но даже и признавая, что соціализмъ стремится къ уничтоженію „частнаго производства“ (частной собственности на средства производства??), онъ считаетъ это иллюзіей, не ведущей къ цѣли. Неудовлетворенность его данной формулой объясняется тѣмъ, что понятію „частная собственность“, онъ противополагаетъ понятіе „классовая собственность“, вмѣсто того, чтобы противополагать обѣ эти частно-правовыя формы собственности *„общественной собственности“*. Впрочемъ, послѣднее не достижимо для него, отвергающаго единую организацію всего общества какъ въ формѣ государства такъ и въ коммунистическомъ строѣ.

„Государство подчиняетъ частную экономическую дѣятельность людей своему собственному контролю[3])“. Даже это почти несуществующее на дѣлѣ положеніе вещей вызываетъ его порицаніе въ самой категорической формѣ, причемъ онъ не видитъ исхода въ

---

[1]) l. c., стр. 91.
[2]) Ibid., стр. 198.
[3]) Ibid., стр. 120

превращеніи *государственнаго* контроля тамъ, гдѣ онъ существуетъ, въ контроль *общественный*. И въ соціализмѣ будущей соціальной демократіи ему чудится возрожденіе старой системы государственнаго вмѣшательства и монополіи[1]).

Такъ, шагъ за шагомъ, изъ предпосылки, отрицающей политицизмъ и государство, Лабріола приходитъ къ тому выводу, что соціализмъ установитъ новое господство „группы людей".

У соціалистовъ онъ видитъ „желаніе уничтожить капиталистическое общество, но уничтожить именно въ пользу государства[2])". „Побѣда соціалистовъ на дѣлѣ могла бы оказаться тріумфомъ не пролетаріата, а новыхъ хозяевъ, которые господствовали бы надъ обществомъ именемъ соціализма[3])". „Если бы современный классъ буржуазіи сумѣлъ обезпечить себѣ контроль надъ будущимъ соціалистическимъ обществомъ, то частный способъ производства исчезъ бы, но за то сохранилась бы буржуазная форма распредѣленія (взыманіе налога съ чужого труда, гарантированное авторитарной организаціей общественныхъ интересовъ)"[4]).

Впрочемъ, во всемъ этомъ Лабріола только добросовѣстно повторяетъ Сореля. Самимъ собой, т. е. нереволюціоннымъ „марксистомъ", „экономистомъ" и, въ концѣ концовъ, апологетомъ „свободы торговли" Лабріола становится въ той части изложенія своихъ взглядовъ, гдѣ онъ опирается на установленную имъ зависимость между „пролетарскимъ насиліемъ" и экономическими отношеніями.

Указанное нами опредѣленіе „насилія" гласитъ: „это насиліе не безпричинно... Оно отвѣчаетъ психологической и экономической необходимости". Какова въ этомъ опредѣленіи „насилія" роль психологическаго и экономическаго фактора? О психологическомъ факторѣ онъ говоритъ: „экспропріаторы еще не экспропріированы. Психическія настроенія являются предпосылками дѣйствій, но не составляютъ самихъ дѣйствій. Осуществится ли революція или не осуществится? Этого нельзя рѣшить иначе какъ á posteriori"[5]). Выше онъ замѣчаетъ, что „функціонированіе капиталистическаго режима создаетъ въ массахъ, какъ свое прямое послѣдствіе, враждебное настроеніе по отношенію къ существующему эко-

---

[1]) Ibid., стр. 122.
[2]) Ibid., стр. 217.
[3]) Ibid., стр. 217.
[4]) Ibid., стр. 100.
[5]) Ibid., стр. 158.

номическому строю". Стало быть, экономическій факторъ командуетъ психологическимъ. А то обстоятельство, что Лабріола не придерживается полнаго историческаго детерминизма въ опредѣленіи зависимости человѣческой психологіи отъ экономическихъ условій, можетъ развѣ только обезцѣнить значеніе психологическаго фактора въ его опредѣленіи „насилія", тогда какъ вторая указанная имъ предпосылка „насилія"—экономическій факторъ—продолжаетъ безусловно опредѣлять собой „насиліе". Въ конечномъ счетѣ получается такой законъ: Экономическій факторъ отчасти черезъ психологію, отчасти непосредственно опредѣляетъ „насиліе". „Насиліе" же, въ свою очередь, опредѣляетъ экономическія отношенія.

Такимъ образомъ, у Лабріолы устраняется тотъ субъективизмъ въ проявленіяхъ „action directe", который характеризуетъ Сореля. Поэтому его опредѣленіе „революціоннаго процесса" получаетъ матеріалистическое обоснованіе. И тѣмъ не менѣе Лабріола въ этомъ опредѣленіи чрезвычайно далекъ отъ основъ революціоннаго марксизма. Два предрѣшенные вывода: 1) *прямое дѣйствіе* пролетаріата на экономическія отношенія и 2) аполитизмъ — ставятъ процессъ преобразованія экономическихъ отношеній черезъ „насиліе" въ зависимость отъ одного только естественнаго склада и эволюціи экономическихъ отношеній. Дѣйствительно, одно только діалектическое развитіе историческихъ факторовъ могло бы сдѣлать доктрину Лабріолы революціонной; только признаніе діалектическихъ противорѣчій могло бы создать въ этомъ процессѣ революціонныя столкновенія силъ. Но Лабріола далекъ отъ пониманія діалектики историческаго процесса[1]). Ему остается поставить „процессъ революціи" въ *прямую* зависимость отъ видимаго хода вещей. А такъ какъ онъ видитъ въ исторіи два процесса: въ сторону національзаціи производства и въ сторону „свободы торговли", и первый процессъ онъ считаетъ „дурнымъ", влекущимъ къ новому господству, а второй „хорошимъ", вслѣдствіе того, что этотъ послѣдній „разрушаетъ государство", то Лабріола и дѣлается апологетомъ самаго откровеннаго манчестерства.

---

[1]) „Такъ какъ реформизмъ"—говоритъ Лабріола—„стремится въ конечномъ счетѣ къ усиленію власти государства, воздѣйствуя на соціальныя отношенія при посредствѣ государственнаго механизма, то результатъ его дѣятельности разрѣшается въ пользу господствующихъ классовъ. Такъ дѣйствуетъ неотразимая діалектика исторіи". „Діалектику исторіи" Лабріола усматриваетъ въ томъ, что органы буржуазнаго господства дѣйствуютъ, (по его мнѣнію), въ пользу самой буржуазіи!

Прежде всего, привѣтствуя разрушеніе оковъ средневѣковья, эмансипацію буржуазіи, онъ говоритъ: „французское крестьянство и буржуазія могучимъ усиліемъ возстанія навсегда раздробили оковы средневѣковья и однимъ ударомъ уничтожили: рабство, феодализмъ и абсолютную монархію[1])“. Далѣе, онъ опредѣляетъ законы общественнаго развитія слѣдующимъ образомъ: „Въ другихъ странахъ переходъ отъ системы законодательныхъ ограниченій къ системѣ свободы совершился постепенно. Благодаря этой медленности эволюціоннаго цикла стало возможно установить два обстоятельства. Первое заключается въ томъ, что новый режимъ представлялъ выгоды по сравненію съ прежней системой; второе—въ томъ, что выгода заключалась именно въ послѣдовательномъ развитіи свободы. При этомъ было очевидно, что общественныя бѣдствія происходятъ не отъ свободнаго режима, а отъ недостаточнаго его развитія... Въ то время, какъ въ Англіи рабочій классъ опредѣленно обнаруживалъ свою вѣрность системѣ свободы, во Франціи, гдѣ переходъ отъ феодализма къ либерализму совершился такъ стремительно и завершился столь жестокими реакціонными движеніями, нарушившими это развитіе, пролетаріатъ отъ ліонскаго возстанія до іюньскихъ дней героически погибалъ изъ-за пустого призрака неосуществимаго коммунизма“ [2]). Первому типу развитія соотвѣтствуетъ, по словамъ Лабріолы, полуанархическій либерализмъ антикапиталистическихъ англійскихъ писателей первой половины XIX вѣка“, второму—„примитивный французскій соціализмъ“. Для этихъ первыхъ характерна „сила нападокъ, съ которыми они обрушиваются на государство, тогда какъ настоящая коммунистическая литература щадитъ его“ [3]). Ясно, на чьей сторонѣ симпатіи Лабріолы. И ему остается только схоластически перетолковать соотвѣтственныя мѣста изъ сочиненій К. Маркса, что онъ старательно и продѣлываетъ на нѣсколькихъ слѣдующихъ страницахъ.

Соціальному законодательству „реформистовъ“ Лабріола категорично противополагаетъ „послѣдовательное отнятіе у государства всѣхъ его функцій“ [4]). И если ему укажутъ на отношеніе Маркса къ фабричному законодательству, то онъ преподнесетъ оппоненту уже заготовленный имъ отвѣтъ: „Марксъ измѣнилъ въ

---

[1]) „Riforme e rivoluzione sociale“, стр. 7.

[2]) Ibid., стр. 192.

[3]) I. c., стр. 194.

[4]) Ibid., стр. 121.

этомъ случаѣ себѣ самому“ [1]). Далѣе, на десяткѣ страницъ Лабріола доказываетъ несравненныя преимущества свободной конкуренціи. Но напрасно было бы искать въ этихъ доказательствахъ хотя бы намекъ на роль свободной конкуренціи въ развитіи соціальныхъ противорѣчій. Свободная конкуренція хороша, какъ таковая! Она благодѣтельна въ противоположность промышленнымъ синдикатамъ и монополіи! Оказывается даже, что „всѣ соціалисты признаютъ благодѣтельное значеніе свободы обмѣна на рынкѣ продуктовъ и охотно соглашаются съ тѣмъ, что она благопріятствуетъ большинству, т. е. именно трудящимся классамъ. Отрицать это способны только тунеядцы промышленники и ихъ прихвостни изъ бульварной прессы“ [2]).

Бѣда человѣчества оказывается только въ томъ, что „свободная конкуренція капиталовъ теперь еще не совершившійся фактъ“. И препятствіемъ къ этому служитъ не только капиталъ монополистовъ, но и государство, которое, „нуждаясь для своихъ непроизводительныхъ цѣлей въ займахъ громадныхъ суммъ и предлагая особо повышенные проценты, отнимаетъ у рынка капиталовъ массу богатства, которая, оставаясь на рынкѣ, въ конечномъ счетѣ вызвала бы пониженіе уровня прибыли и, *быть можетъ*, свела бы совершенно къ нулю прибыль отдаваемой въ пользованіе, но не находящей себѣ примѣненія капиталистической собственности“. Отсюда Лабріола еще разъ умозаключаетъ о необходимости уничтоженія государства и вмѣстѣ съ тѣмъ намѣчаетъ своеобразную эволюцію капитала, который, благодаря пониженію нормы прибыли обреченъ на естественную смерть. На первыхъ же порахъ онъ обѣщаетъ ту выгоду, что свободная конкуренція будетъ дѣлать все менѣе возможнымъ и менѣе чувствительнымъ по своимъ послѣдствіямъ явленіе кризисовъ [3]).

Въ виду всего этого, онъ намѣчаетъ уничтоженіе всѣхъ принудительныхъ органовъ общественности, а главное, уничтоженіе государства. „Рабочій классъ“, по словамъ Лабріолы, „совершаетъ дѣло революціи, вырывая у традиціоннаго авторитарнаго организма, государства, его аттрибуты... Онъ не желаетъ подчиняться опекѣ государства, но, напротивъ того, стремится отстранить всякое вліяніе государства на ходъ своей собственной *эволюціи къ*

---

[1]) l. c., стр. 122.
[2]) Ibid., стр. 205,206.
[3]) l. c., стр. 206.

уничтоженію капитализма" [1]). „Рабочій классъ не можетъ эмансипироваться, если онъ въ то же время... не сможетъ *поглотить* (assorbire) политическую власть. Формы, въ которыхъ постепенно совершаются эти типы (эволюціи), чрезвычайно разнообразны [2])".

Тутъ на ряду съ *эволюціоннымъ*, *постепеннымъ* процессомъ разрушенія государства мы видимъ процессъ „собственной эволюціи" рабочаго класса „къ уничтоженію капитализма". Первый изъ нихъ является въ сущности объективнымъ ходомъ развитія буржуазнаго общества и, какъ мы ниже покажемъ, выражается: *1) въ экономической области*—въ ростѣ могущества частной (индивидуальной, групповой, національной или даже классовой) собственности; *2) въ политической области*—въ формѣ гражданской демократизаціи государствъ; *3) въ правовой области*—въ видѣ побѣдъ частнаго права надъ публичнымъ. Такой процессъ въ голомъ, не модифицированномъ видѣ въ сущности можно было бы назвать только развитіемъ соціальныхъ отношеній въ сторону противоположную развитію производственныхъ силъ, которыя, какъ таковыя, обобществляются. Но формулировка Лабріолы въ данномъ случаѣ также имѣетъ нѣкоторый смыслъ, потому что процессъ этотъ есть въ то же время и процессъ разрушенія суверенного государства, которое даже въ области національзаціи отдѣльныхъ производствъ, утрачиваетъ свое суверенное значеніе, вступая въ частно-правовыя отношенія со своими гражданами. И вотъ, категорично превознося этотъ процессъ, Лабріола строитъ на немъ развитіе пролетарской „революціонной дѣятельности", непрерывной „action directe", которая, какъ мы уже видѣли, на дѣлѣ лишена какихъ бы то ни было элементовъ революціонности. Но такъ какъ это „прямое дѣйствіе" стоитъ у него въ *прямой* зависимости отъ указаннаго процесса развитія капиталистическаго общества, то „пролетарское насиліе" оказывается въ то же время и движущей пружиной такого развитія общества и „разрушенія государства". А большаго Лабріола не ожидаетъ и не желаетъ отъ этого „пролетарскаго насилія".

Для него такое развитіе капиталистическаго строя является прямымъ путемъ въ анархо-соціалистическій строй и на этомъ пути не предвидятся уже никакія нарушенія общей эволюціи. Процессъ же его „пролетарской революціи" непосредственно сливается съ этой эволюціей, подчиненъ ему и является такимъ же бур-

---

[1]) l. c., стр. 211. Курсивъ нашъ.

[2]) l. c., стр. 212.

жуазно-эволюціоннымъ, какъ и само пресловутое „разрушеніе государства“.

Какой же смыслъ имѣетъ при такой постановкѣ вопроса революціонная терминологія у этого представителя итальянскаго „революціоннаго синдикализма“? „Революція“ его является въ сущности непрерывной эволюціей. „Насиліе“ никого и ничто не насилуетъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ право на существованіе и соціалистическая партія; и хотя Лабріола продолжаетъ ее защищать, но только въ исправленномъ и дополненномъ имъ самимъ видѣ.

При всей неясности терминологіи, объективный процессъ капиталистической эволюціи довольно точно отраженъ Лабріолой. Процессъ „эволюціи рабочаго класса“, какъ мы сейчасъ постараемся показать, тоже служитъ близкимъ къ правдѣ воспроизведеніемъ дѣйствительнаго стихійнаго процесса жизни и борьбы пролетарскихъ *массъ*. Но этотъ процессъ жизни *массъ* не можетъ быть названъ революціоннымъ въ прямомъ смыслѣ слова, если онъ порожденъ эволюціей, не чреватой никакимъ внутреннимъ противорѣчіемъ. Только наличность и сознаніе такого противорѣчія способны породить *революціонную идеологію*, — революціонную потому, что она можетъ реализоваться только въ столкновеніи людей двухъ классовъ въ моментъ разрѣшенія назрѣвшихъ противорѣчій. И только на основѣ такой идеологіи можетъ быть создана соціалистическая партія, стремящаяся руководить массами и долженствующая охватить, поглотить ихъ въ моментъ историческаго синтеза противорѣчій, т. е. въ моментъ соціальной революціи.

Лабріола, какъ мы уже знаемъ, не считается съ внутренними противорѣчіями капитализма и совершенно произвольно наклеиваетъ на изображаемую имъ дѣятельность и организацію широкихъ массъ ярлыкъ „революціонности“, что, впрочемъ, не мѣшаетъ ему быть логичнымъ и точнымъ въ констатированіи существующихъ фактовъ и даже въ опредѣленіи причинной связи между ними. Но приступая къ прогнозу, онъ сразу сбивается съ пути, и поневолѣ рисуетъ передъ нами картину анархо-коммунистической идилліи, построенной на идеологіи и представленіяхъ капиталистическаго общества.

Лабріола, казалось бы, видитъ факты, опровергающіе выдуманную имъ „эволюцію рабочаго класса“. Массы борются за рабочее законодательство. Марксъ отмѣчаетъ это, какъ положительное

явленіе и какъ торжество „принципа“. Лабріола опредѣляетъ сущность этого принципа: „Принципъ, къ которому прибѣгаютъ борющіеся стороны, санкціонированъ буржуазными кодексами“ [1]). Безспорно!. Пролетаріатъ прибѣгаетъ къ буржуазному законодательству, и это ясно противорѣчитъ синдикалистской схемѣ. Лабріола находитъ, что духъ антагонизма (spirito di esclusione) долженъ взять верхъ надъ этимъ стремленіемъ. Иначе обществу грозитъ вырожденіе [2]).

Точно такъ же ему приходится констатировать проявленія компромиссного правосознанія рабочихъ даже и въ передовой демократіи современнаго міра, а именно въ Новой Зеландіи, гдѣ при стачкѣ наборщиковъ одной изъ газетъ посредническая комиссія назначила меньшую надбавку заработной платы, нежели было добровольно предложено хозяиномъ. И онъ по этому поводу совершенно вѣрно замѣчаетъ, что источникомъ „рабочаго права“ служитъ не что иное, какъ все то же буржуазное право.

И дѣйствительно. Правосознаніе пролетаріата питается тѣми же представленіями капиталистическаго міра, какъ и правосознаніе его историческаго врага, буржуазіи. Въ лучшемъ случаѣ, первое принимаетъ форму простой антитезы второго. Научный соціализмъ видитъ первый исходъ изъ этого исторически неизбѣжнаго положенія въ томъ, что „при столкновеніи двухъ равныхъ правъ вопросъ рѣшаетъ сила[4])“. До извѣстнаго предѣла послѣ болѣе или менѣе революціонной борьбы между защитниками двухъ классовыхъ интересовъ въ рамкахъ одного и того же общества, это приводитъ къ установленію „общественныхъ препятствій“, т. е. къ соціальному законодательству.

Но это послѣднее нисколько не мѣшаетъ дальнѣйшему развитію противорѣчій, такъ что рѣшительная гражданская война или возстаніе пролетаріата противъ организованнаго капиталистическаго общества, становится все болѣе неизбѣжными, а въ моментъ зрѣлости процесса развитія,—и возможными. Въ этомъ заключается второй, окончательный исходъ изъ современнаго положенія вещей.

Но тщетно было бы ожидать подобныхъ выводовъ отъ Ар. Лабріолы. Онъ не идетъ дальше голословнаго отрицанія такой

---

[1]) Ibid., стр. 126.

[2]) l. c., стр. 130, 131.

[3]) G. Sorel: „Saggi di critica del marxismo“, стр. 202. Art. Labriola: „Riforme e rivoluzione sociale“, стр. 169.

[4]) „Капиталъ“ К. Маркса. Т. I, стр. 175.

пролетарской политики, объявляя упомянутые факты печальными исключеніями. И послѣ этого онъ уже непринужденно, подражая Сорелю, подчиняетъ „революціонную“ идеологію рабочаго класса практикѣ рабочаго движенія. Сорель говоритъ: „Выводы соціологіи и резюмирующія ихъ діалектическія схемы создаются для примѣненія въ частныхъ случаяхъ; мы считаемъ ихъ подчиненными, потому что они зависятъ отъ направленія, которое мы придаемъ нашей мысли. При желаніи избѣжать всякой неясности и сохранить за ними истинно-научный характеръ, необходимо всегда опредѣлять цѣль, ради которой мы создаемъ ихъ; путь соціологіи долженъ быть освѣщенъ философіей дѣйствій (filosophia dell'azione) [1])“. И подобно тому какъ у Сореля съ его волевымъ „насиліемъ“ надъ экономическимъ процессомъ „философія дѣйствія“ является свободной отъ исторической необходимости и подчинена субъективной идеологіи массъ, у Лабріолы эта „философія“, а съ ней и „соціологія“ оказываются въ плѣну у описанной имъ эволюціи буржуазнаго общества. „Соціализмъ“, говоритъ Сорель, „есть рабочее движеніе, есть возстаніе пролетаріата противъ опекающихъ его учрежденій, есть организація, одновременно экономическая и этическая, которая возникаетъ на нашихъ глазахъ въ борьбѣ противъ буржуазныхъ традицій [2])“. Лабріола принимаетъ также и это и прибавляетъ, что научный соціализмъ состоитъ главнымъ образомъ „въ формахъ организацій трудящихся классовъ и въ цѣляхъ, которыя они себѣ ставятъ“.

Итакъ, соціализмъ вырабатывается въ грандіозной лабораторіи каждодневной жизни массъ, независимо отъ уровня ихъ развитія. Этой формулой Лабріола поставленъ въ логическій тупикъ. Ему нѣтъ возможности честнымъ образомъ вывести изъ цѣпкихъ объятій буржуазной эволюціи пролетарское сознаніе и движеніе. Но онъ не смущается. Онъ протаскиваетъ черезъ подполье примѣчаній [3]) инструментъ „естественнаго права“ и вопреки Сорелю, отрицающему естественное право, тутъ же предлагаетъ намъ восторгаться „революціонной цѣнностью“ этого принципа. „Естественное право“ сразу освобождаетъ пролетаріатъ отъ ярма детерминизма, поистинѣ неудобоносимаго при непониманіи діалектики развитія, и у лабріоловскихъ пролетаріевъ тотчасъ же появляется „новыя юридическія убѣжденія“, а „синдикаты“ становятся лабораторіей но-

[1]) G. Sorel. „Saggi di critica del marxismo“. Palermo, 1903 г., стр. 68.
[2]) G. Sorel. Saggi sul marxismo. Palermo, 1903 г. стр., 168.
[3]) „Riforme e rivoluzione sociale“. Art. Labriola, стр. 126.

ваго правосознанія. Съ этого момента начинается новый процессъ развитія, полный сказочныхъ чудесъ. Лабріола, напримѣръ, занимаетъ у Ives Guyot такой „типъ эволюціи“: „развитіе анонимныхъ трудовыхъ товариществъ (производительныхъ кооперативовъ), которыя пріобрѣтали бы оборудованіе опредѣленнаго вида труда за нѣкоторое общее вознагражденіе, получая впередъ отъ довѣрителя сырой матеріалъ и инструменты и затѣмъ распредѣляя по своему способу и согласно преднамѣченному плану, продуктъ общаго труда. Развитіе этой системы... привело бы къ фактическому уничтоженію системы личнаго найма)“.

Такимъ образомъ, одинъ изъ „типовъ“ синдикалистской эволюціи оказывается занятымъ не только у Guyot, но прежде всего у Лассаля съ его планомъ производительныхъ ассоціацій. А затѣмъ Лабріола вполнѣ послѣдовательно заимствуетъ—безъ указанія источника—у Лассаля также и намѣченный этимъ послѣднимъ процессъ, состоящій въ томъ, чтобы одновременно съ „увеличеніемъ и возростаніемъ свободъ“.... „все большее количество факторовъ производства, а слѣдовательно, и все большее количество самихъ продуктовъ производства высвобождать изъ экономической сферы собственности, гдѣ имъ присущъ моментъ прибыли, и переводить ихъ въ новую экономическую сферу, въ которой отсутствуетъ моментъ прибыли“ что,—по словамъ Лассаля,—„достигается путемъ непрерывнаго уменьшенія издержекъ производства и сведенія продажной цѣны къ цѣнѣ этихъ издержекъ[1])“. Лабріола же говоритъ, аналогично этому, слѣдующее: „Одновременно съ такимъ развитіемъ научнаго пониманія законовъ конкуренціи, сложился, постепенно развиваясь, законъ заработной платы, противоположный закону капиталистической прибыли... Слѣдовательно естественный законъ стоимости, если разсматривать его едновременное дѣйствіе вмѣстѣ съ рабочими коалиціями и конкуренціей, развиваетъ двѣ противоположныя тенденціи: одну, стремящуюся къ пониженію и уничтоженію уровня прибыли, и другую, которая выражается въ повышеніи уровня заработныхъ платъ, иными словами, въ низведеніи всѣхъ вознагражденій къ одному только вознагражденію за непосредственный трудъ (ручной и умственный)[2])“. Итакъ, разница между Лабріолой и Лассалемъ только та, что первый ожидалъ осуществленія своего плана отъ государства, въ чемъ былъ нѣко-

[1]) Сочин. Ферд. Лассаля, изд. Глаголева. Т. III, „Система пріобрѣтенныхъ правъ“, стр. 347.

[2]) „Riforme e rivoluzione sociale“ Art. Labriola, стр. 209.

торый смыслъ, тогда какъ Лабріола уповаетъ, повидимому, исключительно на свободную куплю и продажу.

А надъ развалинами государства „свободная конкуренція“ Лабріолы достигаетъ и большаго, или, вѣрнѣе сказать, совершенно невѣроятнаго. „Можно разсчитывать, что въ извѣстный моментъ своей эволюціи рабочій синдикатъ *арендуетъ у капиталистовъ капиталы* за опредѣленное вознагражденіе и будетъ пользоваться ими кооперативно, либо совмѣстно, либо образуя такіе отдѣльные и изолированные кооперативы, которые будутъ вести каждый отдѣльное денежное хозяйство. Наконецъ, можно надѣяться, что федерація различныхъ синдикатовъ (это произошло бы, конечно, постепенно. Примѣч. Ар. Лабріола) могла бы стать настолько сильной, чтобы отказаться отъ всякой платы за аренду капиталовъ и, слѣдовательно, могла бы овладѣть ими безъ выкупа. *Тогда*[1]) революція была бы завершена. Классъ капиталистовъ долженъ былъ бы работать для того, чтобы жить. Но синдикаты, какъ чуждые монополіи организмы, открытые для всѣхъ, съ восторгомъ приняли бы этихъ вчерашнихъ капиталистовъ, ставшихъ теперь уже товарищами, и утилизировали бы ихъ несомнѣнныя способности къ руководству и управленію[2])“.

Такъ совершится „постепенное овладѣніе производствомъ“ со стороны синдикатовъ. „Останется еще второе дѣло: поглотить политическую власть[3])“. Оно, по словамъ Лабріолы, было бы выполнено такъ, что предполагаемая федерація синдикатовъ приняла бы въ свое лоно громадное большинство всего населенія. Слѣдовательно, она могла бы подчинить большинство населенія своему режиму, независимому отъ чуждаго ему режима государственнаго организма. Синдикатъ вполнѣ замѣнилъ бы собой государство[4]).

Такова эта фантастическая эволюція, которую Лабріола все-таки продолжаетъ называть „революціоннымъ методомъ“, давая ему въ заключеніи слѣдующее опредѣленіе: „Революціонный методъ въ соціалистическомъ движеніи состоитъ въ стремленіи рабочихъ организацій къ захвату механизма производства (ручного и интеллек-

---

[1]) т. е. по окончаніи продолжительнаго процесса?—*П. С.*

[2]) l. c., стр. 214 Два года спустя на Римскомъ конгрессѣ Арт. Лабріола говоритъ: „нѣтъ ничего болѣе произвольнаго, какъ приписывать синдикалистамъ проектъ реорганизаціи общества на основѣ профессіональнаго синдиката“. —*П. С.*

[3]) l. c., стр. 214.

[4]) l. c., стр. 214.

туальнаго), путемъ одновременнаго разрушенія всякой авторитарной власти (государства, партіи и т. п.), чуждой простой рабочей организаціи[1])".

Къ чему же можетъ привести подобный процессъ? Конечно, не къ обобществленному производству, такъ какъ на этомъ пути развитія свободной конкуренціи не предстоитъ переворота, превращенія историческихъ факторовъ въ ихъ прямую противоположность. Поэтому апологія существующаго приводитъ Лабріолу къ идеализаціи того же порядка въ обѣтованномъ будущемъ. Вмѣсто „пустого призрака коммунизма" онъ даетъ либеральную прозу, прикрашенную соціалистической терминологіей. Картина, рисуемая имъ, лишена и убѣдительности, и привлекательности. Какъ „неомарксистъ" онъ прежде всего хватается за свой талмудъ, „Капиталъ", и выхватываетъ оттуда подкрѣпленія для своихъ выводовъ. Онъ пытается доказать, что Марксъ не намѣчаетъ въ будущемъ законченнаго обобществленія производства и распредѣленія—т. е. унитарнаго коммунизма—а допускаетъ самые разнообразные способы „соціализаціи производства"[2]). Надо сознаться, что экскурсіи его въ „Капиталъ" въ данномъ случаѣ крайне поверхностны и ставятъ его въ смѣшное положеніе. Марксъ, напримѣръ, критикуя вѣчныя категоріи классической экономіи противопоставляетъ капиталистическому производству „общинный, т. е. непосредственно обобществленный трудъ" натуральнаго крестьянскаго хозяйства. Лабріола же, увидѣвъ на этомъ примѣрѣ труда этикетку „обобществленный", выдаетъ его за одинъ изъ образчиковъ будущаго „обобществленнаго труда"[3]). Марксъ вмѣсто абстрактной схемы классической робинзоніады предлагаетъ другую абстракцію; а именно—„союзъ свободныхъ людей", который годенъ для объясненія цѣлаго ряда формъ производства и прежде всего для объясненія фактически обобществленныхъ производственныхъ отношеній капиталистическаго производства. Лабріола же принимаетъ этотъ манекенъ за живой организмъ, да еще за „организмъ будущаго" и выдаетъ его за второй образецъ (кооперацію) „обобществленнаго труда[4])". Третій образецъ Лабріола видитъ въ рисуемой Марксомъ переходной стадіи коммунистическаго общества, „которое—какъ говоритъ этотъ послѣдній—не *развилось* на собственныхъ своихъ

---

[1]) l. c., стр. 215.

[2]) Ibid., стр. 199.

[3]) „Капиталъ", т. I, стр. 39—40.—Ар. Лабріола, l. c. стр., 199.

[4]) „Капиталъ", т. I., стр. 40—Арт. Лабріола, l. c., стр. 200.

основаніяхъ, а наоборотъ, только что *вышло*, изъ капиталистическаго общества, носящаго поэтому рѣзкій отпечатокъ отличительныхъ свойствъ стараго общества, изъ нѣдръ котораго оно появилось на свѣтъ[1])". Но даже и о такой переходной стадіи Марксъ прежде всего говоритъ: „Въ обществѣ, основанномъ на принадлежности средствъ производства всему обществу, производители не обмѣниваются своими продуктами" (l. c.). А у Лабріолы хватаетъ смѣлости привести этотъ образецъ, какъ третье увѣнчанье своей эволюціи „абсолютной свободы обмѣна", которая именно-то и „развивается на собственныхъ своихъ основаніяхъ". И онъ такъ непринужденно обращается съ этимъ „образцомъ", что предлагаетъ даже, изъ снисхожденія къ людямъ, замѣнить „удостовѣреніе, получаемое отъ общества производителемъ" попросту — деньгами[2]). Въ заключеніе, онъ еще разъ доказываетъ—и на этотъ разъ собственными силами—вѣчность и непреложность закона „свободнаго обмѣна"[3]).

Теперь картина дорисована Лабріолой. Художнику остается только испугаться за ея участь, такъ какъ въ его прогнозѣ соціальнаго переустройства нѣтъ и тѣни убѣдительности. „La rivoluzione si farà o non si farà?" — „Осуществится ли революція или не осуществится?"—стонетъ авторъ, этотъ Гамлетъ соціологіи. Но развернутая имъ перспектива экономической эволюціи молчитъ, какъ нѣмая пустыня, не отвѣчая на роковой вопросъ. Она не гарантируетъ соціальнаго переворота! И ему остается только махнуть рукой на самостоятельное детерминистическое, экономическое обоснованіе хода вещей и прибѣгнуть къ покровительству всемогущей сорелевской „всеобщей стачки". Онъ такъ и дѣлаетъ. И черезъ два года послѣ выхода своей многократно цитированной нами книги онъ, на римскомъ конгрессѣ итальянской соціалистической партіи, скороговоркой объявляетъ: „Рабочій соціализмъ

---

1) К. Марксъ. „Критика Готской программы", пер. подъ ред. В. Засуличъ. СПБ. 1906 г., стр. 13—14.

2) „Riforme e rivoluzione sociale" Art. Labriola, стр. 202, 203.

3) А каковы эти его собственныя доказательства,—тому примѣромъ можетъ служить изложеніе послѣдствій „свободной конкуренціи" на стр. 140, 141, 142, l. c. Тамъ онъ говоритъ объ „общемъ увеличеніи цѣнъ на всѣ предметы". (l. c., стр. 141). Не худо бы Лабріолѣ прочесть „Нищету Философіи" К. Маркса. Тамъ (стр. 92, 93. русскаго изданія „Новый Міръ") онъ увидѣлъ бы, что не только К. Марксъ смѣялся надъ Прудономъ по поводу именно этой фразы, но и Прудонъ *иногда* сердился на экономистовъ за эту „нелѣпицу".

весь во всеобщей стачкѣ".—„Il socialisme operaio è tutto nel sciopero generale". Непослѣдовательно!—но зато отсюда ясно, что и за остальнымъ обоснованіемъ болѣе послѣдовательнаго „революціоннаго синдикализма" надо обращаться не къ Артуро Лабріолѣ, а къ идеалисту и въ то же время „эмпирику", господину Жоржу Сорелю.

ГЛАВА III.

Максимъ Лероа (Maxime Leroy).

Максимъ Лероа—„синдикалистъ“, свѣдущій въ юриспруденціи. Онъ не вождь синдикалистскаго движенія. Пишетъ статьи въ „толстыхъ“ французскихъ журналахъ, и намъ вовсе неизвѣстны какія бы то ни было популярныя брошюры, подписанныя его именемъ. Его статьи не популярны ни въ смыслѣ доступности для пониманія, ни въ смыслѣ извѣстности въ рабочей средѣ. И тѣмъ не менѣе онъ—писатель, шире другихъ очертившій проблемму теоретическаго синдикализма. Сорель поставилъ задачу перепровѣрить доктрину соціализма на опытѣ послѣднихъ сорока лѣтъ соціальнаго движенія. Эту задачу полнѣе другихъ осуществляетъ М. Лероа. Онъ вскрываетъ передъ нами глубокіе корни демократизаціи капиталистическаго общества и съ научной добросовѣстностью называетъ многія вещи своими именами. Торжество свободы это, по его опредѣленію, побѣда частнаго права надъ государственнымъ. „Синдикатъ—это частное право“. Оба эти правовыя опредѣленія двухъ соціальныхъ явленій могутъ какъ нельзя лучше способствовать выясненію законовъ современнаго соціальнаго развитія. Но М. Лероа, къ сожалѣнію, не дѣлаетъ послѣдовательныхъ выводовъ. Его методъ изслѣдованія или, вѣрнѣе сказать, эклектическое отсутствіе строгаго метода, дѣлаютъ его безсильнымъ оплодотворить вскрытую имъ историческую перспективу общей дедукціей революціоннаго марксизма. На семи важныхъ заключительныхъ страницахъ своей интересной книги: „Les transformations de la puissance publique“, онъ ухитряется сослаться на Прудона, Ж. Ж. Руссо и К. Маркса. И въ результатѣ, онъ, конечно, только топчется въ предѣлахъ поверхностныхъ обобщеній эмпирическихъ формулъ.

Превращенія государственной власти—les transformations de la puissance publique—представлены имъ въ книгѣ того же названія [1]),

---

[1]) Полное заглавіе ея: „Les transformations de la puissance publique. Les syndicats de fonctionnaires par Maxime Leroy“, Paris, 1907 V. Giard et E. Brière. 286 стр. in 16⁰.

какъ общая побѣда частнаго права надъ государственнымъ, публичнымъ. Въ этотъ процессъ, по его мнѣнію, входитъ нарожденіе синдикальнаго права, а въ частности, проявленія этого права въ ассоціаціяхъ чиновниковъ (fonctionnaires), которыя составляютъ главный предметъ юридической заботы автора книги. На дѣлѣ, въ указанномъ сочиненіи детально разработанъ только вопросъ о борьбѣ демократіи съ *старыми*, *полуфеодальными* нормами государственнаго права, а характеристикѣ синдикальнаго права отведено гораздо меньше мѣста и удѣлено слишкомъ мало вниманія. Зато, въ статьѣ: „Столѣтіе гражданскаго кодекса“ [1]) М. Лероа дополняетъ картину современнаго взаимоотношенія частнаго и публичнаго права, а въ статьѣ: „Организація рабочихъ [2])“ очерчиваетъ рабочіе синдикаты, ихъ правопритязанія и объективную роль ихъ въ современномъ капиталистическомъ обществѣ.

Талантливому правовѣду, Максиму Лероа, оказывается нетрудно развѣнчать современное буржуазное государство, развивъ передъ нами процессъ демократизаціи законодательныхъ, административныхъ и судебныхъ учрежденій. Онъ срываетъ съ буржуазнаго государства „его пурпуровую, императорскую мантію“. Но раскрываетъ ли онъ послѣ этого передъ нами природу государственной власти вообще? Нѣтъ. Одновременно онъ увѣнчиваетъ частно-правовыя отношенія ореоломъ равенства, надѣляетъ ихъ титуломъ „автархіи“ [3]) и это обстоятельство мѣшаетъ ему разгадать историческую антитезу частно-правовыхъ отношеній, *суверенную власть народа* и *государственность* вообще. И въ лицѣ буржуазной государственной власти онъ осуждаетъ всякій суверенитетъ, авторитарность, государственность, власть. Но всѣ эти этикетки, наклеиваемыя имъ на изучаемыя явленія, по нѣкоторой апріорной предвзятости, не въ силахъ исказить дѣйствительныя черты этихъ явленій, вскрытыя его же собственной умѣлой рукой аналитика-правовѣда. И мы постараемся показать, что М. Лероа сослужилъ своими из-

---

[1]) „Le centenaire du Code civil“ въ „La Revue de Paris“, 1903, Octobre, pp.: 511—533; Novembre, pp.: 753—780. Она недавно появилась въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ: „Старое и новое право“ пер. Стеклова, книгоизд. „Свободный трудъ“. СПБ. 1907 г.

[2]) „L'organisation ouvrière“, статья въ журн.: „La Revue de Paris, 1905, Mars-Avril, pp.: 121—144; 319—345.

[3]) Слово, заимствованное изъ полу-реакціонной фантастической философіи нѣкоего адмирала Ревейльера: „Autarchie. Politique économique“ par Réveillère.

слѣдованіями хорошую службу никакъ не „революціонному синдикализму“, а революціонному марксизму.

М. Лероа видитъ возникновеніе современной государственной власти въ раздѣленіи феодальной вотчинной власти и суверенитета. Онъ говоритъ, что на первыхъ порахъ буржуазное государство строилось въ видѣ крѣпости для обороны народной свободы отъ феодальнаго насилія, при чемъ планомъ его послужилъ знаменитый, провозглашенный Монтескье принципъ раздѣленія властей. Это, по словамъ М. Леруа, было „боевое орудіе, воздвигнутое буржуазіей не противъ принципа власти, не противъ государственной власти, а противъ одной изъ ея формъ, противъ монархическаго, феодальнаго режима, охранителя гражданскаго и политическаго неравенства [1])“. „Исторически принципъ раздѣленія властей связывался съ борьбой государственности противъ судебнаго, бытового, сеніоріальнаго федерализма. ....Онъ авторитаренъ, монархиченъ. Его роль сводилась къ тому, чтобы подчинять монархію буржуазіи [2]).“

Итакъ, современное государство выстроено руками буржуазіи въ ея борьбѣ съ феодализмомъ. Но „буржуазія, вопреки своей философіи, сама создаетъ привелигированный, владѣльческій строй; подобно феодальной власти, ея власть основана на собственности“ (l. c.). Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что буржуазный режимъ съ первыхъ дней своего существованія, самъ обнаруживаетъ тенденціи феодальнаго характера. И М. Лероа вскрываетъ передъ нами всѣ происки буржуазіи, направленные къ безраздѣльному господству надъ массами.

Буржуазія выдвигаетъ и настойчиво защищаетъ принципъ безотвѣтственности государства. И чѣмъ болѣе,—говоритъ М. Лероа,—государство повелѣваетъ, чѣмъ большей властью оно располагаетъ, тѣмъ менѣе оно отвѣтственно. Принципъ безотвѣтственности государства получаетъ полное развитіе въ борьбѣ государственной власти съ частно правовыми притязаніями народа. Онъ непосредственно сталкивается съ общимъ принципомъ гражданской отвѣтственности. И черезъ всю исторію буржуазнаго государства проходитъ борьба между принципомъ неподсудности государственной власти и гражданскими правопритязаніями по отношенію къ властямъ. Это одинъ изъ видовъ современной борьбы частнаго права съ буржуазно-публичнымъ. Частныя правопритязанія возникаютъ

---

[1]) „Les transformations etc...“ p. 45,46.

[2]) l. c., стр. 48.

въ столкновеніи частныхъ лицъ съ администраціей и съ хозяйственными органами государства. Обыватели терпятъ ущербъ вслѣдствіе тѣхъ или другихъ дѣйствій властей и ихъ агентовъ. Отвѣтственно ли государство за эти дѣйствія? Государство стремится сохранить свою безотвѣтственность во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, носящихъ публичный характеръ (война, сохраненіе общественнаго порядка и безопасности и т. п.), но уже безпрекословно становится въ гражданскія отношенія къ населенію тамъ, гдѣ оно, государство, выступаетъ въ качествѣ предпринимателя, монополизатора какихъ-нибудь отраслей промышленности. Какъ бы то ни было, эта борьба приводитъ къ побѣдѣ частнаго права надъ буржуазно-публичнымъ. Французскій государственный совѣтъ создалъ матеріальную отвѣтственность государственной власти. Вопросъ о ней былъ поставленъ чрезвычайно остро послѣ парижскихъ столкновеній горожанъ съ полиціей въ іюлѣ 1893 г. въ Латинскомъ кварталѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ (Ж. Лейгъ) отказывалъ въ удовлетвореніи претензій раненыхъ, потерпѣвшихъ убытки. Тогда въ защиту частно-правовыхъ притязаній выступилъ Государственный Совѣтъ. Къ концу минувшаго столѣтія полицейскія функціи государства во Франціи расчленились на полицію *административную*, и полицію *общественнаго порядка*. Первая отвѣтственна передъ гражданскимъ уложеніемъ, вторая нѣтъ. И М. Лероа сводитъ проблемму дальнѣйшей демократизаціи государства въ этой области къ такой формулѣ: „Будетъ ли въ концѣ концовъ власть государя поглощена отвѣтственностью контрагента? Вотъ вопросъ“ [1]).

Формально, во Франціи народъ гарантированъ отъ правонарушеній и произвола со стороны административныхъ постановленій еще съ 1829 года, когда кассаціонная палата вынесла соотвѣтственное рѣшеніе по этому вопросу. Тѣмъ не менѣе и понынѣ произволъ административныхъ постановленій великъ. М. Лероа считаетъ его органическимъ придаткомъ парламентскаго законодательства и находитъ, что общія формулы законовъ не приложимы къ жизни, пока онѣ не конкретизированы административными правилами (règlements).

Итакъ, толкованіе и примѣненіе законодательныхъ парламентскихъ актовъ внѣ парламента неизбѣжно по природѣ вещей. Но бѣда,—говоритъ М. Лероа,—въ томъ, что это право толкованія и примѣненія законовъ остается въ рукахъ государственной власти. Это

---

[1]) Ibid., стр. 95.

не нормально, это создаетъ произволъ. Что же нормально и справедливо?—Справедливо предоставленіе этого права выборнымъ судьямъ. Но „позволяя судьѣ стоять на стражѣ справедливости, когда законъ безмолвствуетъ, его тѣмъ самымъ превращаютъ въ законодателя“ [1]). Такимъ образомъ возникаетъ преторское законодательство, называемое такъ по имени римскаго *претора*, который былъ облеченъ правами законодателя въ тѣхъ случаяхъ когда законъ нѣмъ, неясенъ, неполонъ. Во Франціи преторское законодательство развилось изъ статьи 4 Гражданскаго Кодекса, кототая вмѣняла судьѣ въ *обязанность судить* во всякомъ случаѣ. Но *справедливость* претора находитъ единственную опору себѣ въ обычномъ правѣ. Слѣдовательно, единственнымъ убѣжищемъ отъ произвола публичной власти является этотъ судъ равныхъ между равными, это преторское законодательство, которому предстоитъ, по мнѣнію М. Лероа, стать общей формой законодательства.

Итакъ, намъ говорятъ, что неизбѣжная и въ то же время благодѣтельная эволюція въ области законодательной приводитъ къ поглощенію публичнаго права частнымъ, парламентскаго законодательства— преторскимъ. М. Лероа утверждаетъ это *безусловно*.

Въ то же время онъ намъ описываетъ противоположное теченіе, а именно тѣ реакціонныя усилія, которыя дѣлаетъ буржуазная государственная власть для того, чтобы оградить себя отъ этихъ посягательствъ демократіи на ея господство. Примѣненіе и толкованіе законовъ ускользаетъ изъ рукъ парламента и утопаетъ въ аморфномъ законодательствѣ массъ. Буржуазный парламентъ инстинктивно отступаетъ передъ этой надвигающейся на него стихіей. Куда?—Въ объятія административной власти.

Парламентъ все больше и больше ставитъ свою законодательную работу въ зависимость отъ министерствъ, въ руки которыхъ онъ по необходимости отдаетъ плоды своей работы для соотвѣтственной модификаціи и приложенія. По этой же причинѣ онъ окружаетъ себя всевозможными „административными совѣтами“. „Въ дѣйствительности,—говоритъ М. Лероа,—законы создаются въ министерскихъ канцеляріяхъ; эти послѣднія стремятся стать настоящими законодателями“ [2]). „Извѣстно, что президентъ республики при условіи контръ-ассигнаціи министра можетъ путемъ публично-административныхъ постановленій, декретовъ „дополнять,

---

[1]) Ibid., стр. 184.
[2]) Ibid., стр. 173.

развивать, подтверждать мысль законодательной власти" [1]). „Парламентъ самъ лишилъ себя нѣкоторыхъ верховныхъ правъ, которыя прежде онъ осуществлялъ дискреціонно: онъ регламентировалъ роль интерпелляціи, сведя ее на практикѣ до нуля, онъ ограничилъ свое право инициативы въ финансовомъ дѣлѣ" [2]). „Онъ уже не суверененъ,—восклицаетъ М. Лероа,—такъ какъ онъ самъ ограничиваетъ свою волю" [3]). Наконецъ, на порогѣ нашего вѣка въ парламентѣ выдѣляется группа „парламентской реформы", которая ставитъ себѣ цѣлью „ограничить парламентаризмъ" и тѣмъ самымъ „ограничить суверенитетъ націи" [4]).

Однако, всѣ эти попытки спасти самоуправство централизованной власти подъ покровительствомъ правительства не приводятъ къ цѣли. Получается чрезвычайно сложная система полу-административныхъ, полу-преторскихъ законовъ, которая тонетъ въ гущѣ обычаевъ, обычнаго, „предсуществовавшаго" права. М. Лероа склоненъ видѣть въ этомъ процессѣ вырожденіе государственной власти, измѣненіе самого понятія закона и роли парламента. „Исчезаетъ понятіе диктаторскаго закона, создаваемаго группой избранныхъ сувереновъ, формулируемаго въ такихъ повелительныхъ выраженіяхъ, которыя почти не оставляютъ мѣста свободѣ дѣйствій гражданъ, судей, коллективныхъ общественныхъ органовъ; исчезаетъ понятіе *дедуктивнаго* [5]) закона, роль котораго состоитъ въ томъ, чтобы гнуть дѣйствительность подъ общіе принципы, имъ формулируемые [6])." Поэтому онъ не вѣритъ „иллюзіямъ тѣхъ публицистовъ, которые еще надѣются, что мы идемъ къ такимъ временамъ, когда унитарные законы будутъ пріобрѣтать все большее и большее значеніе [7])." Наконецъ, на этой обрисованной имъ эволюціи парламента онъ строитъ обоснованіе общаго синдикалистскаго анти-парламентаризма. И по поводу тщетныхъ стараній защитниковъ парламентаризма сохранить его суверенность М. Лероа говоритъ: „Эта система власти приводитъ къ принципу неприкосновенности депутатовъ, высшихъ сановниковъ. Къ чему эта исклю-

---

1) Ibid., стр. 174.

2) l. c., стр. 132.

3) l. c.

4) l. c.

5) У Em. Levy въ его „L'affirmation du droit collectif" этому соотвѣтствуетъ понятіе „религіознаго" закона—*П. С.*

6) „Les transformations etc.....", стр. 200.

7) l. c., стр. 199, 200.

чительная неприкосновенность? Это наслѣдіе монархіи". Аналогичная синдикалистская критика распространяется и на принципъ *делигированья* депутатовъ, на извѣстную длительность даваемыхъ имъ полномочій [1]), на некомпетентность этихъ делегатовъ въ сложномъ дѣлѣ управленія страной. [2])

Впрочемъ, за 4 года до изданія цитируемой книги М. Лероа въ статьѣ: „Столѣтіе Гражданскаго Кодекса" познакомилъ читателя съ обширной, вѣковой работой парламента въ дѣлѣ изданія объединяющихъ (унитарныхъ) законодательныхъ нормъ демократическаго характера. Иными словами, самъ М. Лероа видѣлъ положительную сторону буржуазнаго государства, пока не потерялъ способности, благодаря ношенію синдикалистскихъ очковъ, различать имъ же самимъ выдвинутыя впередъ объективныя черты изучаемыхъ явленій. Но для насъ—повторяемъ — цѣнны только данныя его научнаго анализа, независимо отъ позднѣйшихъ этикетокъ, наклеенныхъ на нихъ авторомъ.

По опредѣленію М. Лероа Гражданскій Кодексъ,—такъ называемый Кодексъ Наполеона,—не революціоннаго происхожденія. Это сводъ „естественныхъ законовъ" буржуазнаго общества, зародившагося до Великой французской революціи. Столѣтняя исторія его это вѣковая историческая эволюція этого общества. А такъ какъ въ этомъ обществѣ шло послѣдовательное развитіе частноправовыхъ нормъ и отмираніе нормъ публично-буржуазнаго права, то и Гражданскій Кодексъ находился весь вѣкъ въ процессѣ послѣдовательнаго развитія. Рука кодификатора заложила въ немъ прочный фундаментъ всему общественному строю обширной квалификаціей правъ собственности. Кодексъ занимается „собственностью" отъ статьи 516 дост. 1110 и отъ 1582 до 1778. Зато договору о наймѣ онъ посвящаетъ всего на всего *двѣ* статьи и предоставляетъ запретительнымъ нормамъ публичнаго права избавить его отъ всякихъ дѣлъ съ такими вещами, какъ право союзовъ и стачекъ. Но жизнь насилуетъ его. Сначала она течетъ стороной, а затѣмъ, главнымъ образомъ начиная съ 1864 г., шумно врывается въ чащу статей кодекса, внося съ собой то, что не безъ основанія называется „соціальной регламентаціей" въ противоположность „свободѣ" соціальнаго порабощенія, заложенной въ законахъ о собственности. Эта соціальная регламентація, по словамъ

---

[1]) Ibid., стр. 52,63.

[2]) l. c., стр. 65.

М. Лероа, „не есть изобрѣтеніе политиковъ; она отвѣчаетъ необходимостямъ, которыя вытекаютъ изъ машины и демократіи; она создаетъ для другихъ то вмѣшательство, которое недавно составляло сущность свободы владѣльца, заводчика, мужа, отца.“ [1])

Ею послѣдовательно ограничиваются права владѣльца недвижимой собственности въ пользу правъ владѣльца движимости; рабочій индивидуально пріобрѣтаетъ нѣкоторыя права за счетъ сокращенія неограниченнаго произвола предпринимателя; женщина и ребонокъ освобождаются отъ неограниченной опеки мужа и отца, а въ концѣ вѣка по завѣту законодательства Великой революціи права наслѣдованія распространяются на „незаконныхъ“ дѣтей. Эволюція въ правѣ совершается въ сторону смягченія и уничтоженія неравенствъ въ отношеніяхъ собственности, найма, въ семейныхъ отношеніяхъ. Эволюція эта, по мнѣнію М. Лероа, совершается внѣ всякой зависимости отъ „дедуктивнаго закона,“ она „не есть изобрѣтеніе политиковъ.“ Ея база развитіе капиталистическихъ промышленныхъ отношеній; „она отвѣчаетъ необходимостямъ, которыя вытекаютъ изъ *машины* и *демократіи*.“

Но если М. Лероа въ 1903 году былъ только научно-добросовѣстнымъ регистраторомъ этой эволюціи, въ 1907 году онъ выступаетъ передъ читателемъ уже съ опредѣленной характеристикой этого процесса въ общей связи съ процессомъ демократизаціи буржуазнаго общества. Въ статьѣ „Столѣтіе Гражданскаго Кодекса“ онъ оставляетъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, „разрушаютъ ли эти модификаціи разъ навсегда цивилизацію, или же кладутъ начало лучшему обществу.“ Тамъ его занимаетъ главнымъ образомъ „практическій интересъ изученія.“ Зато въ книгѣ „Превращенія государственной власти“ онъ производитъ общую оцѣнку этой эволюціи.

Эта эволюція, по его мнѣнію, есть „движеніе, направленное противъ власти,“ это—„буржуазная анархія.“ „Демократія есть не что иное, какъ режимъ свободы и равенства класса.“ Этимъ состояніемъ равенства обусловливается индифферентное отношеніе буржуазіи къ власти и политикѣ. На этомъ и заканчивается эволюція буржуазіи. [2]) Дальнѣйшая эволюція немыслима безъ исчезновенія тѣхъ учрежденій, въ коихъ она совершалась. „Если она переступитъ эту границу, она прекратится; наступитъ нѣчто непредвидѣнное, неизвѣстное, переворотъ, революція.“ [3])

---

[1]) „Le centenaire du code civil“ par M. Leroy, p. 779.

[2]) „Les transformations...“, стр. 14.

[3]) l. c., стр. 18,19.

Итакъ, по опредѣленію М. Лероа, демократизація буржуазнаго общества есть не что иное, какъ ростъ и расцвѣтъ частнаго права. Это разрушеніе общественной принудительной власти, которое совершается двоякимъ путемъ: во-первыхъ, естественнымъ вырожденіемъ и самоограниченіемъ государственной власти въ дѣлѣ управленія классомъ буржуазіи; во-вторыхъ, давленіемъ частно-правовыхъ притязаній на публично-классовую власть.

Что же представляетъ собой эта власть, которая до извѣстной степени противится натиску частно-правовыхъ притязаній? „Что такое государство?"—спрашиваетъ М. Лероа. „Совпадаетъ ли государство съ обществомъ, съ коллективными интересами?" Отвѣтъ его на это гласитъ: „Государство не представляетъ собой совокупности общественныхъ интересовъ.... Оно—партійная группировка. За бьющей на эффектъ фикціей государственнаго права, государства, скрываются нѣсколько человѣкъ, правителей, людей партіи, личной выгоды, класса". Общественный интересъ, постоянно противопоставляемый всякимъ притязаніямъ на эмансипацію, есть только частный интересъ, сумма частныхъ интересовъ [1]." Итакъ, *„слово"* найдено и сказано. Современная буржуазная „государственная" власть есть только реализація *частно-правового притязанія* на власть.

Въ литературѣ марксистской школы давно стало ходячимъ словомъ опредѣленіе *классовой* буржуазной власти, какъ власти узурпирующей права массъ. Это понятіе даже утрируется фракціонными писателями до того, что имъ подмѣняется такое публично-правовое явленіе, какъ законодательство революціонныхъ собраній. Компромиссный характеръ современной государственной власти отрицается и создается понятіе непрерывной классовой диктатуры буржуазіи.

М. Лероа идетъ еще дальше и говоритъ свое новое слово, называя *частноправовымъ* характеръ современной государственной власти. Но онъ въ предѣлахъ своего изслѣдованія относительно болѣе правъ, нежели вышеупомянутые марксисты. Онъ намѣчаетъ процессъ непрерывнаго возстанія частныхъ притязаній противъ публичныхъ притязаній классовыхъ правительствъ. Эта борьба въ самой демократіи вызывается противорѣчіями взаимныхъ притязаній гражданъ, интересъ которыхъ основанъ на собственности. Самозащита со стороны болѣе сильныхъ, причастныхъ къ власти, выражается въ полу-феодальномъ частномъ произволѣ правителей. Такой именно характеръ носятъ всѣ подобные моменты существо-

[1]) l. c., стр. 161.

ванія демократіи. Въ нихъ частноправовыя притязанія „анархически“ возстаютъ противъ конституціонной власти, а сама эта конституціонная власть принимаетъ въ *эти моменты* частно-правовой характеръ. Внутреннія противорѣчія капиталистическаго строя постоянно толкаютъ его въ сторону феодальнаго раздробленія народныхъ силъ, при чемъ фикція государственной власти развѣнчивается и обнаруживаетъ свой частно-правовой характеръ. И *въ предѣлахъ своего поля зрѣнія* М. Лероа блестяще обнажаетъ передъ нами именно эту историческую природу элементовъ буржуазнаго строя. Но его поле зрѣнія ограничено, во-первыхъ, потому, что въ изученіи прецесса демократизаціи онъ абстрагируетъ процессъ демократизаціи отъ роли пролетаріата въ жизни государства; во-вторыхъ, потому, что онъ выключаетъ изъ эволюціи, подобно Сорелю и инымъ теоретикамъ синдикализма, періоды *революцій*. А именно эти послѣдніе и представляютъ собой моменты наиболѣе глубокаго вторженія народныхъ массъ въ государственную власть.

Если бы такое абстрагированіе играло у М. Лероа роль научнаго метода „выдѣленія факторовъ“, то указанный имъ процессъ борьбы частнаго права съ государственнымъ игралъ бы въ общей характеристикѣ современной демократизаціи государства роль *тенденціи*, присущей развитію буржуазной демократіи, какъ таковой. Но М. Лероа далекъ отъ методовъ марксизма въ изученіи исторіи.

Онъ заявляетъ, что законодательство революцій для него ничто, такъ какъ оно не входило въ жизнь, не примѣнялось на практикѣ. Онъ отказывается признать реальность законодательствъ революціонныхъ учредительныхъ собраній только потому, что ихъ посягательства на измѣненіе соціальныхъ отношеній разбивались объ устойчивость капиталистическаго строя [1]). По результатамъ ихъ онъ судитъ ихъ, и такъ какъ эти результаты послѣ той или другой реставраціи оказывались ничтожными, то онъ объявляетъ фикціей и всѣ революціонныя проявленія народнаго суверенитета. Словомъ, онъ относится къ революціямъ такъ же, какъ и Сорель. Съ пристрастіемъ прокурора онъ отводитъ этихъ нежелательныхъ ему свидѣтелей, которые своими показаніями способны испортить всю убѣдительность его обвинительнаго акта противъ демократическаго государства и власти вообще. И когда затѣмъ передъ нимъ выдвигается вопросъ о томъ, что такое государство вообще,—онъ уже

---

[1]) „Le centenaire du Code civil“, стр. 514, 515, 516, 517, 759, 760.

безъ запинки отвѣчаетъ: „это нѣсколько человѣкъ, которые скрываются за бьющей на эффектъ фикціей государственнаго права“.

Но онъ не довольствуется даже этимъ и говоритъ: „По своей сущности, государство имѣетъ личный характеръ: оно и способно быть только пристрастнымъ, дѣйствовать только по произволу [1]).“ И некому возразить на эту анархо-синдикалистскую мудрость! Законодатели всѣхъ революцій скомпрометтированы, лишены права голоса!

Другая половина разсужденій М. Лероа посвящена изученію природы рабочаго движенія. Однако, и тутъ онъ обращаетъ вниманіе только на процессъ организаціи массъ въ промежутки между революціями, въ ходѣ пресловутой „эволюціи.“ Особенно предупредительное вниманіе съ его стороны выпадаетъ на долю синдикатовъ вообще и синдикатовъ чиновниковъ въ частности. Но какъ онъ учитываетъ этотъ новый факторъ соціальнаго прогресса?

Онъ говоритъ: „складывается новая, все еще буржуазная, практика, которая создала демократію, развивая принципъ политическаго равенства; но она, въ свою очередь, наталкивается на другую практику, а именно практику профессіональнаго федерализма, вырабатываемую синдикатами и ассоціаціями рабочихъ и чиновниковъ [2]).“ Для читателя, который не считаетъ синдикалистскій символъ вѣры своимъ, это утвержденіе на первыхъ страницахъ книги М. Лероа звучитъ, какъ завѣдомая предвзятость. Дѣйствительно,—почему у Лероа частно-правовая практика демократіи встрѣчаетъ препятствіе только въ частно-хозяйственныхъ проявленіяхъ жизни рабочаго класса, а вліяніе публично-правовыхъ, т. е. политическихъ притязаній пролетаріата игнорируется? Развѣ не о другомъ говоритъ та эволюція Гражданскаго Кодекса, которую такъ талантливо и безпристрастно развернулъ передъ нами самъ же М. Лероа? Можно даже утверждать, что М. Лероа вынужденъ былъ бы признать дѣло пролетарскихъ рукъ въ „соціальной регламентаціи“ Кодекса, если бы онъ одновременно, или по методу выдѣленія факторовъ, изучилъ бы взаимодѣйствіе процессовъ буржуазной демократизаціи и пролетарской самоорганизаціи. Но его освобождаетъ отъ необходимости разсматривать оба процесса во взаимной связи чисто прудонистскій методъ мышленія. „Мы можемъ,—

---

[1]) „Les transformations etc....“, стр. 159.

[2]) Синдикатами во Франціи называются союзы, преслѣдующіе экономическія цѣли, ассоціаціями—союзы, не преслѣдующіе этихъ цѣлей. *П. С.*—l. c., стран. 7.

говоритъ онъ, приступая къ темѣ своей книги,—слѣдить за обоими движеніями, какъ за двумя логическими серіями". Это уже знакомый намъ изъ сочиненій другихъ синдикалистовъ образчикъ „гегеліанства" въ духѣ Прудона. Дѣйствительно, М. Лероа, подобно Сорелю, „слѣдитъ" за обѣими логическими серіями, но оказывается совершено не способенъ „прослѣдить" историческій синтезъ этихъ серій, а потому и не даетъ намъ діалектическаго развитія всего соціальнаго процесса современности. Первую „логическую серію" мы уже узучили. Въ логически изолированномъ развитіи она привела М. Лероа къ абсолютному отрицанію государства, публичнаго права, народнаго представительства. Теперь мы послѣдуемъ за нимъ въ уединеніе второй „логической серіи".

Онъ раскрываетъ ее передъ нами въ упомянутой выше статьѣ: „l'Organisation ouvrière". Тутъ онъ оказывается принужденъ констатировать, на ряду съ понятнымъ недовѣріемъ массъ къ буржуазно-публичной власти, ихъ стремленіе къ соціальному унитарному законодательству. „Отысканіе *общаго* закона,—таково великое намѣреніе участниковъ рабочихъ конгрессовъ. Они любятъ законъ и ищутъ его". „Разъ люди сошлись на собраніе... они немедленно создаютъ общее правило. Они никогда не въ состояніи избѣжать этой необходимости. Имъ нужна дорога, на которой установится связь ихъ интересовъ, и ихъ дѣйствія будутъ согласованы [1])". „Нетрудно видѣть, насколько сложно синдикальное право.... Это болѣе, нежели обычай, нежели устное, измѣнчивое преданіе, нежели произвольныя эмпирическія правила.... Вмѣсто первоначальнаго незначительнаго кодекса, формулированнаго въ нѣсколькихъ строчкахъ, вмѣсто тощей взаимопомощи, игнорирующей междупрофессіональную солидарность, возникло богатое законодательство корпоративныхъ конгрессовъ, слѣдующихъ регулярно другъ за другомъ съ 1893 г. [2])".

Итакъ, передъ нами опять обособленная „логическая серія", которой несомнѣнно присуща своя внутренняя логика. И уже К. Марксъ охарактеризовалъ эту внутреннюю логику класса. „Прежде всего,—говоритъ онъ,—экономическія условія превратили массу населенія въ рабочихъ. Господство капитала создало для этой массы общее положеніе и общіе интересы. Такимъ образомъ, эта масса уже превратилась въ классъ по отношенію къ капиталу, но

---

[1]) „l'Organisation ouvrière", стр. 125.

[2]) Ibid., стр. 344.

еще не въ классъ въ себѣ. Въ борьбѣ, нѣсколько фазъ которой мы очертили, эта масса объединяется и конституируется, какъ классъ въ себѣ. Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами. Но борьба класса съ классомъ есть борьба политическая [1])". На языкѣ юриспруденціи можно передать эти слова К. Маркса слѣдующимъ образомъ: господство капитала обобщало частно-правовыя притязанія отдѣльныхъ рабочихъ по отношенію къ отдѣльнымъ капиталистамъ. Создалось классовое право, но оно еще не носило публичнаго характера. Въ борьбѣ... конституируются элементы пролетарски-публичнаго права. Это—„классъ въ себѣ". И дальнѣйшее ихъ развитіе это превращеніе ихъ діалектическимъ путемъ въ совершенное публичное право, осуществленіе частно-правовыхъ, революціонныхъ притязаній пролетаріата на „диктаторскую", законодательную власть. Путь этого осуществленія есть политическая борьба, борьба за власть въ обществѣ и государствѣ.

М. Лероа раскрываетъ передъ нами процессъ, въ которомъ конституируется „классъ въ себѣ". Выходитъ, что эта „логическая серія даже и сама по себѣ обнаруживаетъ тенденціи, противоположныя тѣмъ, которыя указаны имъ въ анализѣ процесса демократизаціи государства. Если бы при томъ онѣ были поставлены въ связь съ проявленіемъ *революціонныхъ* правопритязаній пролетаріата, то, конечно, Лероа не пришелъ бы къ выводу, будто бы эволюція рабочаго класса ведетъ туда же, куда и эволюція буржуазной демократіи. Но онъ не дѣлаетъ этого логическаго „синтеза". И приступая въ своихъ „Transformations" къ опредѣленію правовой природы рабочаго движенія, онъ окончательно игнорируетъ ранѣе подмѣченныя имъ публично-правовыя тенденціи рабочаго движенія.

Онъ помнитъ только одно: „Синдикатъ это—частное право". „Борясь противъ синдикализма, государство надѣется сохранить свою привилегію властвованія, свою безотвѣтственность, угрозой для которой является частное право [2])". „Ассоціація, безъ сомнѣнія, „анархична"....; это—разсужденіе, но вѣдь нѣтъ ничего болѣе противорѣчащаго повиновенію; это—контрактъ, но вѣдь контрактъ есть отрицаніе власти... контрактъ это основа прудоновскаго федерализма, отрицаніе государства и въ то же время опора порядка [3])". Таковы сравнительно немногія опредѣленія син-

---

[1]) К. Марксъ. „Нищета Философіи". Книгоизд. „Новый Міръ", 1906 г.

[2]) Ibid., стр. 215, 216.

[3]) Ibid., стр. 242.

диката и ассоціаціи въ книгѣ М. Лероа „Les transformations". Онъ не развиваетъ ихъ болѣе подробно, а скорѣе даже затемняетъ соціальную роль пролетарскихъ сандикатовъ тѣмъ, что пристегиваетъ къ нимъ ассоціаціи чиновниковъ. Рѣшается онъ на это послѣднее сближеніе, повидимому, сознательно. Покрайней мѣрѣ, онъ признаетъ ихъ исключительно демократическій характеръ, не готовитъ этимъ ассоціаціямъ соціалистическаго будущаго [1]), ставитъ имъ цѣлью только поглощеніе государства [2]), и предсказываетъ имъ исчезновеніе въ сліяніи съ рабочими синдикатами [1]). И тѣмъ не менѣе онъ находитъ, что въ объединеніи рабочихъ синдикатовъ съ рабочими ассоціаціями „борьба классовъ принимаетъ болѣе широкую форму—la lutte de classe se généralise [3])."

Послѣ этого, конечно, выдвигается на первый планъ частно-правовой, демократическій, анти-государственный характеръ смѣшаннаго буржуазно-пролетарскаго синдикальнаго движенія. Это смѣшеніе содѣйствуетъ тому, что М. Лероа замѣчаетъ только повседневныя, частно-правовыя притязанія пролетаріата.

Вообще, онъ устанавливаетъ ихъ частно-правовой характеръ двумя способами: во-первыхъ, изъ столкновеній профессіональныхъ союзовъ (синдикатовъ) съ предпринимателями; во-вторыхъ, изъ абстрактнаго сравненія своихъ двухъ „логическихъ серій".

1. „Синдикатъ стремится къ равенству въ трудѣ и прибыли, а слѣдовательно (?), онъ стремится къ разрушенію всякой власти, всякой іерархіи, независимыхъ отъ самого труда[4])". Эту логическую послѣдовательность можно понимать только такъ: синдикатъ въ борьбѣ за „справедливое распредѣленіе" выставляетъ частно-правовыя притязанія и, стало быть, онъ примыкаетъ къ общей борьбѣ частнаго права съ публичнымъ, а *слѣдовательно*, онъ стремится къ разрушенію всякой власти и т. д.... Итакъ, М. Лероа видитъ только борьбу рабочихъ за справедливое распредѣленіе прибылей. Не удивительно, что онъ замѣчаетъ только частно-правовой характеръ рабочаго движенія.

2. „Рабочій классъ организованъ въ федерацію: это его наиболѣе упорное и наиболѣе оригинальное противодѣйствіе традиціонному экономическому строю; этой федераціей онъ организуется, борется, живетъ, съ тѣхъ поръ какъ Рабочій Интернаціоналъ

---

[1]) I. c., стр. 276.
[2]) Idid., стр. 242.
[3]) I. c., стр. 264.
[4]) Ibid., стр. 222.

(1865) ввелъ въ рабочую политику этотъ способъ борьбы, теорію котораго впервые создалъ Прудонъ[1])". М. Лероа такъ жаждетъ слѣдовать завѣтамъ великаго Прудона, что уже совсѣмъ по-прудоновски дѣлаетъ свою „логическую серію" воплощеніемъ „принципа"! Онъ навязываетъ пролетаріату тенденціи, вовсе неимѣющія общаго значенія, вговариваетъ ему „федерализмъ" въ качествѣ какой-то самоцѣли. И опять мы видимъ здѣсь непростительное пренебреженіе такими формами самоопредѣленія пролетарскихъ массъ, какъ ихъ *революціонная* самоорганизація.

Но характернѣе всего то его умозаключеніе, что федерализмъ есть „наиболѣе оригинальное противодѣйствіе традиціонному экономическому строю". М. Лероа довольствуется тѣмъ, что констатируетъ и у демократіи, и у пролетаріата общія формы частноправового синбіоза. И на этомъ основаніи онъ и второе считаетъ, подобно первому, разрушеніемъ существующаго строя. Вѣрно, что въ обособленномъ существованіи той и другой „логической серіи" *преобладаютъ* частно-правовыя формы гражданской жизни, что онѣ сохраняются и въ процессѣ взаимнаго приспособленія этихъ двухъ соціальныхъ категорій, т. е. въ борьбѣ за распредѣленіе. Но развѣ онѣ присущи *дѣйствительному историческому* синтезу этихъ двухъ противорѣчащихъ другъ другу категорій, т. е. *революціонной* классовой борьбѣ?

М. Лероа старается фальсифицировать желательные ему выводы способомъ *абстрагированія* отъ явленій этой борьбы. И онъ дѣйствительно закрѣпляетъ подобныя умозаключенія на многихъ страницахъ своей книги.

Поэтому выводы его чрезвычайно субъективны. Пролетаріату, по его мнѣнію, надлежитъ развивать въ томъ же неизмѣнномъ направленіи свои частно-правовыя тенденціи, такъ какъ примѣръ „буржуазной анархіи" показываетъ дѣйствительность этого средства противъ феодальнаго угнетенія со стороны буржуазно-публичной власти. При этомъ М. Лероа убѣждаетъ насъ и себя, что частно-правовыя формы существованія пролетаріата вытекаютъ изъ „индустріализма". И такъ какъ онъ можетъ найти эти частноправовыя притязанія рабочихъ только въ борьбѣ ихъ *за распредѣленіе*, то спасеніемъ пролетаріата онъ провозглашаетъ исключительно только этотъ видъ борьбы, т. е. *синдикализмъ*. Всѣ же попытки пролетаріата наложить руку на организацію производства,

---

[1]) Ibid., стр. 272.

какъ въ формѣ революціонной борьбы, такъ и въ видѣ „прямого дѣйствія“, игнорируются имъ. А между тѣмъ на примѣрѣ этихъ попытокъ легче всего различить ихъ публично-правовой характеръ подъ внѣшностью субъективныхъ частно-правовыхъ притязаній отдѣльныхъ группъ.

Такой „синтезъ“ пресловутыхъ логическихъ серій граничитъ съ отрицаніемъ классовой борьбы въ ея революціонной формѣ. Повторяется вѣчная исторія: такъ называемый „революціонный синдикализмъ“, благодаря непониманію діалектики соціальнаго развитія, приходитъ къ экономическому реформизму. Но у „синдикалистовъ“, какъ мы уже видѣли, не принято въ этомъ сознаваться. Не сознается въ этомъ и М. Лероа. Формально онъ держится за идею непримиримости классовыхъ противорѣчій. Онъ говоритъ: „нынѣ мы присутствуемъ при этомъ столкновеніи демократіи, завершающей монархію, съ синдикальнымъ федерализмомъ, порожденіемъ пролетаріата крупной промышленности[1])“. Этимъ онъ начинаетъ, этимъ и кончаетъ свою книгу: „Les transformations“. И это называется опредѣленіемъ великой борьбы классовъ!

У г-на М. Лероа въ рукахъ богатѣйшія данныя тонкаго анализа правоотношеній капиталистическаго міра. Онъ имѣлъ полную возможность наполнить новымъ содержаніемъ старую формулу соціальнаго противорѣчія между производительными силами и производственными отношеніями. Онъ могъ и долженъ былъ указать еще одну сторону соціальнаго развитія современности. Производственныя отношенія капиталистическаго строя представляютъ собой картину феодальнаго дробленія народной жизни. Всѣ правоотношенія становятся частно-правовыми. Частно-правовой—классовый или групповой—характеръ принимаетъ и государственная власть, переходящая изъ рукъ въ руки буржуазныхъ партійныхъ правительствъ. Противъ ея частно-правовыхъ притязаній, т. е. противъ ея произвола и насилій, демократія ищетъ спасенія только въ частно-правовой самозащитѣ соціальныхъ группъ, т. е. въ такъ называемыхъ ассоціаціяхъ и синдикатахъ. Синдикаты служатъ также временными крѣпостями противъ капиталистической эксплоатаціи, пышно цвѣтущей въ атмосферѣ частнаго права, „свободы торговли“, „свободы труда“.

Изъ этого строя, въ развитіи его противорѣчій рождается идея-антитеза „экспропріаціи экспропріаторовъ“, грандіозной „соціаль-

---

[1]) „Les transformations“, стр. 7; ту же мысль см. на стр. 277.

ной регламентаціи, долженствующей упразднить всякую эксплоатацію разъ навсегда. Этой идеей дышетъ все надъ болотомъ капиталистическаго строя. Ее принимаютъ, но тотчасъ же кастрируютъ соціалисты-государственники, наивно полагающіе, что она можетъ быть реализована буржуазными правительствами при ихъ частноправовой роли въ обществѣ. Эта же идея является маякомъ соціалистическаго движенія. Наконецъ, ее ставятъ своей субъективной цѣлью и „чистые синдикалисты". Но какъ осуществить эмансипацію массъ отъ всѣхъ видовъ эксплоатаціи?—Одно изъ рѣшеній проблемы, а именно *логическое* ея рѣшеніе созрѣло въ наукѣ, этой одной изъ могучихъ производительныхъ силъ, выросшихъ въ нѣдрахъ стараго общества. Это рѣшеніе гласитъ: только измѣненіе способа производства, но никакъ не справедливость въ „распредѣленіи труда и прибыли", сможетъ устранить эксплоатацію труда.

Какой же реальной силой будетъ осуществлено *историческое* рѣшеніе проблемы?—Оно будетъ осуществлено второй гигантской производительной силой, родившейся изъ нѣдръ капиталистическаго строя,—*пролетаріатомъ*. Относительно этого нѣтъ разногласій между революціонными соціалдемократами и синдикалистами. Но какъ? На этотъ вопросъ отвѣты разнятся. Синдикалисты говорятъ: оно будетъ осуществлено синдикатами. На языкѣ М. Лероа это можно выразить такъ: оно будетъ осуществлено реализаціей частно-правовыхъ притязаній пролетарскихъ группъ и федералистической ихъ организаціей.

Спрашивается, способны ли осуществить эту задачу синдикаты? Вѣдь они сами построены на произволѣ частно-правовыхъ отношеній. Они всѣмъ тѣломъ своимъ опираются на анархію феодально-раздробленнаго общества. У нихъ нѣтъ точки опоры для того, чтобы опрокинуть почву капиталистическаго строя, для осуществленія унитарнаго по своей природѣ закона „экспропріаціи экспропріаторовъ", для установленія грандіозной „соціальной регламентаціи," долженствующей упразднить навсегда эксплоатацію. И эта точка опоры можетъ быть найдена только тамъ, гдѣ нашелъ ее французскій народъ въ моментъ низверженія феодальнаго строя, т. е. въ *проявленіи суверенной воли демократизированной націи*;—тамъ, гдѣ пролетаріатъ искалъ ее въ дни различныхъ революцій, т. е. въ проявленіи суверенной власти пролетаризированнаго народа.

Стремленіе къ реализаціи этой суверенной воли и власти воплощается только въ публично-правовыхъ, т. е. политическихъ при-

тязаніяхъ соціалистическаго пролетаріата. Эти тенденціи публично-правового характера сказываются и въ защитѣ демократическаго народнаго представительства и въ признаніи демократическихъ основъ парламентаризма. Именно поэтому соціалисты отстаиваютъ суверенную власть революціонныхъ законодательныхъ собраній въ противоположность частно-правовымъ притязаніямъ конституціоналистовъ, которые стремятся къ ограниченію народнаго суверенитета, и въ противоположность анархо-синдикалистамъ, которые вовсе отвергаютъ народный суверенитетъ и связанный съ нимъ принципъ „делегированія“ народныхъ депутатовъ.

М. Лероа могъ и долженъ былъ подмѣтить эти тенденціи, если бы не игнорировалъ *революціонныхъ* порывовъ пролетаріата къ суверенитету и оцѣнилъ ихъ роль въ исторіи *политической* демократизаціи Франціи. Но онъ превознесъ частно-правовую „автархію,“ проще говоря, *анархическій* демократизмъ, и тѣмъ самымъ принизилъ понятіе классовой борьбы до экономической борьбы за распредѣленіе. А классовыя противорѣчія у него свелись къ противоположности „демократіи“ и „синдикалистскаго федерализма.“

Словомъ, гора юридической мудрости г-на М. Лероа разрѣшилась отъ бремени мышью поверхностной синдикалистской фразеологіи.

ГЛАВА IV.

Популяризаторы и пропагандисты синдикализма.

а) Шарль Гіейссъ. (Charles Guieysse).

Шарль Гіейссъ въ статьѣ: „По поводу недавней всеобщей стачки углекоповъ“ [1]) пытается обосновать теорію „прямого дѣйствія.“ При этомъ онъ не просто перепровѣряетъ эту общую синдикалистскую теорію на примѣрѣ неудавшейся стачки французскихъ углекоповъ, а заявляетъ притязаніе на пріоритетъ въ формулировкѣ этой теоріи по отношенію къ стачкѣ. Въ скромномъ примѣчаніи (стр. 493) онъ довольно нескромно говоритъ: „даваемая нами здѣсь теорія стачки нигдѣ еще не изложена синдикалистами съ такой ясностью, какъ это дѣлаемъ мы.“

Теорія эта отражается въ такой фразѣ: „синдикалисты стараются построить на отстаиваніи минимума заработной платы“ тактику „*постепенной экспропріаціи капиталистовъ.*“ [2]) Затѣмъ, онъ говоритъ о „постепенной экспропріаціи капиталистической собственности путемъ неослабной борьбы за повышеніе заработныхъ платъ и удержанія ихъ уровня.“ [3]) Теорія эта, какъ мы видѣли, встрѣчается въ той или иной формѣ у всѣхъ теоретиковъ синдикализма, начиная съ Сореля. Но у Гіейсса она, дѣйствительно, формулирована съ особенной ясностью. Такъ что не остается сомнѣнія въ томъ, что „синдикалисты“ задаются утопической цѣлью *постепенной* экспропріаціи капитала или, вѣрнѣе сказать, называютъ этимъ неподобающимъ, громкимъ названіемъ обыкновенную борьбу *за распредѣленіе*, которая, по представленію марксистовъ, совершается безъ какого бы то ни было нарушенія капиталистическаго строя.

Какъ же Ш. Гіейссъ доказываетъ осуществимость этой теоріи? Его попытка обосновать свою доктрину на примѣрѣ стачки (1902 г.)

---

[1]) „A propos de la récente grève générale des mineurs“ въ журн: „La Grande Revue“, Mars, 1903, стр. 481—508.

[2]) Ibid., стр. 493, курсивъ нашъ *П. С.*

[3]) l. c., стр. 504.

французскихъ углекоповъ заканчивается довольно трагикомично. Дѣло въ томъ, что его теорія „action directe“ есть чисто сорелевское представленіе о „демонстрированіи“ рабочаго класса передъ классомъ капиталистовъ съ цѣлью выработки нормъ новыхъ правоотношеній, „новаго права.“ Но на этотъ счетъ стачка углекоповъ даетъ чрезвычайно неутѣшительный отвѣтъ. Она окончилась неудачей. Углекопы не могли ничего добиться отъ компаній углепромышленниковъ. „Комитетъ угольныхъ копей отказался даже вести переговоры со стачечниками, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что онъ не является представителемъ компаній, а представляетъ собой только освѣдомительный органъ безъ административныхъ и финансовыхъ полномочій. На этомъ основаніи этотъ комитетъ рекомендовалъ стачечникамъ имѣть дѣло съ государственной властью. Словомъ, „прямое дѣйствіе,“ поскольку элементы его входили въ борьбу углекоповъ, не создало никакого „новаго права,“ ни къ чему не привело.

Onus probandi становится для Гіейсса чрезвычайно тяжелымъ. Ему приходится либо признать нормальность такого неуспѣха и, стало быть, отказаться отъ попытки что-либо доказать на данномъ примѣрѣ, либо указать на какія-нибудь осложняющія обстоятельства, которыя разбили усилія „прямого дѣйствія“ вопреки ихъ цѣлесообразности. Онъ берется за второе, но задача оказывается ему не по плечу. И вмѣсто доказательства мы получаемъ совершенно несерьезный парадоксъ.

Онъ поучаетъ насъ слѣдующимъ образомъ. Новое право не родилось въ данномъ случаѣ изъ столкновенія двухъ силъ потому, что силы оказались неравны. *Рабочіе сильны, но предприниматели слабы.* „Дѣйствительно угрожающимъ по отношенію къ прогрессу организаціи рабочихъ является то обстоятельство, что приходится констатировать слабость класса предпринимателей.“ „Слѣдовало бы расшевелить хозяевъ, которые кряхтятъ, чахнутъ, зысыпаютъ. Предприниматели не помогутъ намъ въ разрѣшеніи вопросовъ права, потому что у слабыхъ людей на умѣ всегда покровительство со стороны деспотической власти, а не право.“ [1])

Есть отъ чего прійти въ недоумѣніе. Блаженны оказываются *кроткіе*, ибо имъ на помощь приходитъ божество государства. Блаженны *нищіе духомъ*, ибо они наслѣдуютъ землю. Кроткіе, *слабые* капиталисты побѣждаютъ сильную рабочую массу, которой

---

[1]) l. c., стр. 504.

Гіейссъ вкладываетъ въ уста гордое превознесеніе метода „прямого дѣйствія,“ говоря: „хотя государственность все охватываетъ... —синдикалисты подымаются и говорятъ: мы овладѣемъ всѣмъ исключительно своими силами.“ И онъ, конечно, не мирится съ тѣмъ, что надъ французскими капиталистами сбывается евангельское пророчество. Онъ желаетъ видѣть ихъ *сильными* для того, чтобы они лишились небеснаго покровительства государства.

III. Гіейссъ, беспорно, питаетъ коварные замыслы! Но нельзя ли предположить, что „черные короли“ Франціи тоже не лишены коварства? Дѣйствительно, Гіейссъ заклинаетъ ихъ именемъ синдикализма очнуться отъ спячки и организоваться въ настоящій, полномочный „Комитетъ угольныхъ копей.“ А что же дѣлаютъ они?—Они предпочитаютъ мобилизовать ту *свою* организацію, которая извѣстна подъ именемъ „кабинета министровъ.“ Имъ предлагаютъ объединеніе десятка компаній, а они предпочитаютъ объединеніе всей промышленной и торговой буржуазіи въ „синдикатъ“ именуемый *государствомъ*! Кто же хитрѣе? Да, у Гіейсса не хватаетъ хитрости на то, чтобы понять, какъ утопично на почвѣ частно хозяйственныхъ отношеній искать равновѣсія между право-притязаніями разъединенныхъ пролетарскихъ группъ и право-притязаніями буржуазіи, которая располагаетъ и объединяется политической организаціей современнаго государства.

Такъ что нѣтъ основанія не относить на счетъ негодности метода прямого дѣйствія эту неудачу стачки углекоповъ, и конечно, нельзя счесть обоснованнымъ второе объясненіе этой неудачи, по которому все дѣло погубилъ полу-политическій характеръ стачки. Если политицизмъ французскихъ рабочихъ что-нибудь губитъ, такъ это именно притязанія „синдикалистовъ“ на руководство классовой борьбой французскаго пролетаріата. Въ этомъ отношеніи примѣръ, избранный Гіейссомъ для обоснованія теоріи прямого дѣйствія, очень неудаченъ. Изъ него прежде всего видно, что даже во Франціи, которую мы, жители крайняго востока Европы, считаемъ очагомъ синдикализма, „новый методъ“ существуетъ преимущественно въ головахъ соціологовъ прудоновскаго пошиба.

Такъ напримѣръ, Гіейссъ не въ силахъ скрыть отъ насъ, что на конгрессѣ Федераціи углекоповъ въ 1902 году въ Але верхъ надъ „синдикалистами“ рѣшительно взяли „политики“, которые затѣмъ и руководили дальнѣйшей борьбой. Въ довершеніе всего оказывается, что предшествующая борьба углекоповъ занимала угрожающую позицію по отношенію къ одному только правительству,

и достигла извѣстнаго успѣха. Результатъ, конечно, небольшой. Но соціалисты и не гарантируютъ рабочимъ постояннаго успѣха въ ихъ борьбѣ „за распредѣленіе.“ А синдикалисты?—Они ни на минуту не слѣзаютъ съ ходуль демагогіи и самовозвеличенія. Ужъ на что печальное зрѣлище открывается передъ глазами г-на Шарля Гіейсса, но и то онъ не забываетъ продекламировать по адресу „синдикалистовъ“: „Поразительное зрѣлище представляютъ собой эти люди явно слабые, которые систематически пренебрегаютъ единственной организованной властью, центральнымъ правительствомъ.“ [1])

Но не болѣе ли поразительное зрѣлище являетъ собой демагогизмъ г-на Гіейсса въ разсужденіи „по поводу недавней всеобщей стачки углекоповъ“?!

б) *Поль Делезаль* (Paul Delesalle).

Г-нъ Делезаль въ брошюрѣ: „Два метода синдикализма“ — „Les deux méthodes du syndicalisme“ трудится надъ той же проблемой „прямого дѣйствія“. Его постановка вопроса о сущности „action directe“ послѣ нѣкоторыхъ логическихъ мытарствъ кладетъ конецъ смѣшенію между марксистской теоріей *революціоннаго воздѣйствія массъ на государство* и синдикалистскимъ представленіемъ о „революціонномъ методѣ“ классовой борьбы. Критика реформизма сохраняетъ общія черты у обѣихъ школъ, но въ пониманіи *революціонности* онѣ кореннымъ образомъ расходятся.

Делезаль сначала ставитъ общую проблему: „Должны ли рабочіе,—говоритъ онъ,—пользоваться въ цѣляхъ революціи центральной властію государства... или же они должны добиваться своего освобожденія прямымъ воздѣйствіемъ на классъ капиталистовъ и буржуазное государство“. Но въ такой именно формѣ ставится проблема политической тактики соціалдемократіей. Реформа ли, или соціально-политическая революція, т. е. „воздѣйствіе на классъ капиталистовъ и буржуазное государство“? Министеріализмъ ли, или всегдашняя оппозиція буржуазнымъ правительствамъ? Все это различныя формы одной и той же проблемы, поставленной именно въ плоскости марксистскаго міровоззрѣнія, и прямое дѣйствіе здѣсь играетъ роль просто революціоннаго дѣйствія. Но въ устахъ „синдикалиста“, „аполитика“ такая формула можетъ быть только плодомъ недоразумѣнія. И дѣйствитель-

---

[1]) l. c., ст. 501.

но, разрѣшеніе этого вопроса у Делезаля стоитъ въ сторонѣ отъ опредѣленія того, что такое „прямое дѣйствіе“. И содержаніе данной брошюры сводится главнымъ образомъ къ защитѣ „революціонности“ въ общемъ смыслѣ противъ „реформизма“. Въ такомъ же духѣ данъ и отвѣтъ: „Внутреннему воздѣйствію въ нѣдрахъ буржуазной власти, участію въ насильнически-контрреволюціонной власти мы предпочитаемъ внѣшнее воздѣйствіе на власть, мужественную работу пропаганды, всегда революціонной, чуждой компромиссовъ“.... „Проникновенію во власть мы противополагаемъ воздѣйствіе на власть, что далеко не одно и то же“. (стр. 10).

Въ самомъ дѣлѣ не революціонный ли марксистъ говоритъ устами Делезаля? И если онъ „синдикалистъ“, то не грѣшитъ ли именно онъ смѣшеніемъ основныхъ понятій двухъ доктринъ. —Нѣтъ, нисколько. Это лишь его „методъ доказательства“, за которымъ слѣдуетъ такое краснорѣчивое умозаключеніе: „Но въ такомъ случаѣ скажемъ: если рабочіе способны принудить государство диктовать свою волю капиталистамъ, тогда чего ради имъ продѣлывать эту волокиту, дѣйствуя черезъ государство, а не самимъ диктовать капиталистамъ свою волю?“

„Чего ради имъ продѣлывать эту волокиту?“ — На этотъ риторическій вопросъ съ достаточной ясностью отвѣчаетъ намъ предыдущая критика „метода прямого дѣйствія“. На одномъ примѣрѣ злополучной стачки французскихъ углекоповъ (въ 1902 г.) П. Делезаль могъ бы убѣдиться въ томъ, что именно въ „прямомъ дѣйствіи“ для пролетаріата нѣтъ выбора между давленіемъ на *власть* и давленіемъ на предпринимателей. Предприниматели сами прогоняютъ „бунтовщиковъ“ сквозь строй „властей“. Такъ что выборъ существуетъ только между способомъ дѣйствія—реформистскимъ или революціоннымъ—а революціонная борьба въ широкомъ масштабѣ уже поневолѣ наталкивается на государство. [1])

Но у Делезаля характеренъ не отвѣтъ по существу, а отношеніе къ вопросу. Можно эмансипироваться такъ, можно иначе. На коего же черта, — рѣшаетъ онъ съ граціозной, чисто французской лѣнью—чего ради продѣлывать волокиту захвата политической власти!

Судите же послѣ этого, какъ должны рѣшать вопросъ о политической борьбѣ другіе, болѣе принципіальные „синдикалисты!“ Не

---

[1]) „Mais alors disons—nous: Si les travailleurs sont capables de forcer l'Etat à imposer aux capitalistes leurs volontés, a quoi bon passer pas la filière d'Etat et ne pas les imposer soi-même“?

ясно ли, что „синдикалисты“ не считаютъ государственную власть полезнымъ объектомъ своего „прямого дѣйствія“?

в) *Гюберъ Лягарделль* (Hubert Lagardelle).

Г. Лягарделль въ своей статьѣ „Интеллигенція и синдикализмъ“ [1]) является не болѣе, какъ популяризаторомъ идей „синдикализма“. Но характернымъ для данной его статьи является „прудонизмъ“ его мышленія и въ то же время претензія на обоснованіе его „по Марксу“. Онъ назидательно говоритъ: „Помните слова Маркса: дурная сторона исторіи дѣлаетъ исторію“. Только угнетенные даннымъ режимомъ классы могутъ замѣнить его новымъ режимомъ [2])“. А помнитъ ли Г. Лягарделль, откуда онъ выдернулъ эти слова К. Маркса? Повидимому, нѣтъ. Это очевидно изъ всего изложенія его статьи. Поэтому мы беремъ на себя трудъ напомнить почтенному „синдикалисту“ и его аудиторіи, что слова эти брошены Марксомъ Прудону, этому прототипу теоретиковъ „синдикализма“. И эти слова, сказанныя К. Марксомъ Прудону, могутъ служить наилучшимъ возраженіемъ именно противъ пренебрежительнаго отношенія къ „исторіи“ со стороны самого Лягарделля, который предлагаетъ пролетаріату, не дѣлая *всеобщей* исторіи, дѣлать *свою*.

Въ книгѣ „Нищета Философіи“ (стр. 123 русск. изданія) К. Марксъ говоритъ ту фразу, которую *помнитъ* и *напоминаетъ* Лягарделль потомкамъ Маркса и Прудона. Тамъ говорится о *хорошей* и *дурной* сторонѣ историческихъ явленій [3]). Но для того, чтобы понять смыслъ этихъ терминовъ нужно вспомнить предыдущую главу той же книги, гдѣ Марксъ иронически передаетъ намъ образъ мыслей Прудона.

„У Прудона,—говоритъ онъ,—*хорошая* и *дурная сторона*, *преимущества* и *неудобства* образуютъ вмѣстѣ *противорѣчіе* въ каждой экономической категоріи. А проблема, подлежащая разрѣшенію, состоитъ въ томъ, чтобы сохранить хорошую сторону, уничтоживъ дурную [4])“. На дѣлѣ же,—возражаетъ ему Марксъ,—діалектическое движеніе создается только сосуществованіемъ обѣихъ противоположныхъ сторонъ, ихъ борьбой и сліяніемъ въ новую категорію.

---

[1]) Цитир. по русскому пер. въ книжкѣ „Революціонный синдикализмъ“ изд. „Шиповникъ“, Спб., 1906 г.

[2]) Ibid., стр. 10.

[3]) „Нищета Философіи“ К. Маркса. СПБ. 1906 г. Стр. 123.

[4]) Ibid., стр. 113.

Кто ставитъ проблему объ устраненіи дурной стороны категоріи, тотъ совершенно порываетъ съ діалектическимъ движеніемъ [1])".

Въ этихъ словахъ Маркса менѣе всего имѣетъ значеніе *этическій* или *качественный* элементъ. Важно то, что „діалектическое движеніе создается *только сосуществованіемъ обѣихъ противоположныхъ сторонъ*". Но совершенно не важно, какъ съ субъективной точки зрѣнія именуется данная сторона историческаго явленія,— *хороша* ли она, или *дурна*. И если Марксъ ниже говоритъ слова, приводимыя Лягарделлемъ, то они имѣютъ смыслъ только какъ возраженіе Прудону, который измышлялъ пути къ устраненію соціальныхъ противорѣчій въ пользу „положительныхъ" сторонъ существующаго строя. Противъ этихъ утопическихъ и реакціонныхъ стремленій устранить въ существующемъ строѣ *противорѣчія* или взаимно изолировать противорѣчивые элементы этого строя и была направлена фраза Маркса, который основывалъ движеніе исторіи на *развитіи* противорѣчій.

А что дѣлаетъ Лягарделль, всуе поминающій Маркса, и прочіе прудоноподобные его соотечественники и современники? Лягарделль превозноситъ и беретъ подъ свое покровительство „дурную сторону исторіи". Онъ воспѣваетъ ея правовыя и моральныя качества, а затѣмъ предлагаетъ всячески лелѣять ее, изолировать отъ тлетворнаго вліянія ея исторической антитезы, словомъ, повторяетъ старую пѣсню Прудона, предварительно переоцѣнивъ его соціальныя цѣнности. Его единомышленники дѣлаютъ то же, но, впрочемъ, безъ пикантныхъ ссылокъ на Маркса. И вотъ у Лягарделля вся е статья изображаетъ собой богословскій трактатъ о добродѣтеляхъ пролетаріата, порокахъ буржуазіи и объ отдѣленіи козлищъ отъ овецъ.

На 11 страницѣ его статьи пролетаріатъ уже „уходитъ въ свои синдикаты, свои федераціи синдикатовъ, свои биржи труда и свои кооперации, стараясь ничего не заимствовать извнѣ". Это кладетъ начало „рабочему государству въ государствѣ капиталистическомъ". Но такъ какъ въ этомъ оазисѣ растетъ „новый человѣкъ", „новое право", „новая мораль", то вѣрнѣе было бы назвать это „государство" синдикальнымъ монастыремъ. Спрашивается, не есть ли это отрицаніе „дурной (съ точки зрѣнія соціалистической) стороны исторіи"?

Вслѣдъ за тѣмъ это идейное отрѣченіе отъ грѣшнаго міра

---

[1]) l. c., стр. 115.

превращается въ систематическое искорененіе „грѣшниковъ“. Изъ синдикальнаго монастыря съ позоромъ изгоняется „интеллигенція“, какъ „отбросъ современнаго общества [1])“. Затѣмъ, узнавъ отъ Сореля, что государство есть также „дурная сторона“ современной дѣйствительности (стр. 22, l. c.), Лягарделль предлагаетъ немедленно приняться за „дезорганизацію“ государства. Парламентъ— тоже „дурная сторона“ современнаго государства, а потому надо остерегаться служить „опорой парламента“, „опорой демократическаго режима“. Тлетворнымъ дыханіемъ грѣха заражены всѣ и всякія парламентскія партіи, хотя бы онѣ были непримиримо оппозиціонными по отношенію къ буржуазнымъ правительствамъ. И грѣхъ ихъ заключается въ томъ, что онѣ „являются *необходимою принадлежностью* политическаго механизма буржуазнаго строя“, а потому: анафема имъ! онѣ неспособны „дѣлать исторію“ [2]).

Передъ нами—замѣтка, сдѣланная на поляхъ русскаго изданія статьи Лягарделля предыдущимъ читателемъ: „Наемный трудъ, т. е. пролетаріатъ, тоже является *необходимой принадлежностью* капиталистическаго строя. Почему же Лягарделль не откажется и отъ пролетаріата?!“—И въ самомъ дѣлѣ, г-нъ Лягарделль! Не слѣдовало ли бы вамъ быть немного логичнѣе, послѣдовательнѣе, хотя бы въ виду того, что вашимъ читателемъ является и отбросъ современнаго общества, какъ вы позволяете себѣ называть интеллигенцію. Какъ видите, г. Лягарделль, вы иногда сами компрометируете себя своей дешевой аргументаціей.

Послѣ бичующихъ рѣчей по адресу свѣтскихъ грѣховъ и свѣтскихъ соблазновъ (властолюбіе соціалистовъ), Лягарделль описываетъ намъ благочестивые нравы синдикальныхъ монастырей. Онъ говоритъ: синдикальные „рабочіе ушли отъ всякаго посторонняго сотрудничества, замкнулись въ свой классъ, оставивъ внѣ его всѣ остальные классы, всѣ организмы современнаго строя [3])“. Увы, г-нъ Лягарделль запоздалъ съ рекламированіемъ нравовъ монастырей вообще и „синдикальныхъ“ въ частности. Читатель уже знаетъ, что у синдикатовъ есть своя „дурная сторона“. Они, къ сожалѣнію, замыкаются не только отъ „всѣхъ остальныхъ классовъ“, они замыкаются и отъ массы своего собственнаго класса путемъ установленія нравственнаго, техническаго и даже денежнаго (въ обложеніи или „котизаціи“) ценза! Извѣстенъ уже нашему читателю и

---

[1]) „Революціонный синдикализмъ“ Лягарделля. СПБ. 1906 г., стр. 11.

[2]) Ibid., стр. 42—43.

[3]) l. c., стр. 44.

относительный вѣсъ проповѣдуемыхъ Лягарделлемъ съ монастырскаго амвона: новаго права, новой морали, новой идеологіи (l. c.). Къ чему же этотъ демагогическій самообманъ? Зачѣмъ говорить пролетаріату поповскую мораль: „уйди отъ зла и сотвори благо"? Не лучше ли раскрыть передъ нимъ законы капиталистическаго міра во всей ихъ непригляднoсти, не утаивая и необходимости пройти черезъ послѣдовательное развитіе „обѣихъ противоположныхъ сторонъ" исторіи.

Но Лягарделль, по завѣту Прудона, предпочитаетъ всечасную борьбу добра со зломъ. Онъ грозитъ пролетаріату со своего амвона: „не побѣдить ему буржуазіи, пока онъ не станетъ способнымъ замѣстить капиталистическую организацію и идеологію новой организаціей и идеологіей." [1]) Итакъ, вмѣсто проникновенія въ общество синдикализмъ предлагаетъ пролетаріату удалиться за монастырскія стѣны. И вмѣсто того, чтобы разбивать надежды массъ на постепенную экспропріацію капиталистовъ и звать къ революціи, синдикализмъ зоветъ ихъ строить рядомъ съ капиталомъ „новое общество", которое якобы „станетъ способнымъ *замѣстить* капиталистическую организацію". Судите же, читатель, насколько умѣстно было въ началѣ этой синдикалистской проповѣди поминать имя К. Маркса. Вѣдь Прудонъ, вывернутый на изнанку, дурной стороной наружу, хорошей внутрь, еще не напоминаетъ собой К. Маркса!

г) *Эмиль Пуже* (Emile Pouget).

Эмиль Пуже, писатель-пролетарій, состоитъ секретаремъ редакціи „Voix du peuple." Этотъ преданный рабочему дѣлу человѣкъ, повидимому, прочно усвоилъ себѣ все проповѣдуемое теоретиками „синдикализма." „Профессіоналистъ" въ русскомъ смыслѣ этого слова, онъ какъ губка впиталъ въ себя прудонистскіе взгляды синдикалистовъ, и синдикалистскіе очки вполнѣ подходятъ къ его глазамъ при ограниченности кругозора его профессіональнаго опыта. Словомъ, Пуже — образцовый, съ точки зрѣнія синдикалистовъ, вожакъ рабочаго движенія.

Синдикатъ для него—„альфа и омега",—ось, вокругъ которой вращается старый и новый міръ. „Онъ стоитъ выше всѣхъ другихъ видовъ группировки людей; всѣ они должны быть подчинены ему, такъ какъ, если между ними есть полезные виды, зато толь-

[1]) l. c., стр. 45.

ко онъ одинъ необходимъ.“ [1]) „Производительная группа (т. е. синдикатъ. П. С.) должна будетъ послужить клѣточкой новаго общества.“ [2])

На ряду съ такимъ обожествленіемъ синдиката мы видимъ у Пуже довольно скромныя требованія по отношенію къ синдикату. Онъ опредѣляетъ его, какъ „группировку по интересамъ“ въ противоположность „группировкѣ по тяготѣнію“, къ типу которой онъ относитъ политическія партіи. „Группировка по интересамъ“ является общимъ опредѣленіемъ рабочаго союза у синдикалистовъ.

Это опредѣленіе уже само по себѣ является ограничивающимъ. „Интересъ здѣсь имѣетъ узкое значеніе ближайшаго, профессіональнаго интереса, такъ какъ болѣе широкое понятіе общности матеріальныхъ цѣлей одинаково примѣнимо и къ политическому и къ профессіональному союзу. Еще недавно, синдикалисты не очень настаивали на данномъ различеніи двухъ типовъ группировокъ. Даже отецъ синдикализма, Сорель, говорилъ въ своемъ „Соціалистическомъ будущемъ синдикатовъ,“ что синдикатъ „создается на основѣ совершенно свободнаго соглашенія,“ [3]) и это опредѣленіе, конечно, скорѣе соотвѣтствовало понятію „группировки по тяготѣнію“, нежели понятію „группировки по интересамъ.“ Но теперь новое опредѣленіе установилось въ полномъ соотвѣтствіи съ закономъ естественнаго подбора, который, по Сорелю, лежитъ въ основѣ образованія синдикатовъ. „Свободное соглашеніе“ здѣсь уступаетъ мѣсто необходимости, тяготѣніе—интересу.

Э. Пуже строго придерживается новаго опредѣленія, обосновывая его теоріей „подбора,“ несмотря на то, что онъ вообще—и въ данной брошюрѣ въ частности—относится съ полнымъ осужденіемъ къ примѣненію дарвинизма въ соціологіи. Но онъ не довольствуется и этимъ ограниченіемъ понятія „синдикатъ“. Онъ прямо говоритъ: „Это именно такая группировка, какую себѣ воображаютъ „реформисты“: позволяющая изо дня въ день бороться съ предпринимателемъ за частичныя улучшенія и требованія.“ [4]) „Приходится,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ—заключить, что только дѣйствительно реформистскіе рабочіе являются революціонными синдикалистами.“ [4]) Такъ Пуже говоритъ намъ то, о чемъ другіе синдикалисты только думаютъ.

---

[1]) „Le syndicat“ par E. Pouget, стр. 8.

[2]) l. c., стр. 19.

[3]) „L'Avenir socialiste des syndicats“ par G. Sorel. Paris, 1901 г. стр. 55.

[4]) „Les bases du syndicalisme“, par E. Pouget, стр. 2.

Затѣмъ, это основное понятіе синдиката опредѣляется еще полнѣе. Синдикатъ есть „союзъ (группировка) сопротивленія.“ И тотчасъ же Пуже, по своему обыкновенію, раскрываетъ передъ нами довольно скудное содержаніе этого звучнаго названія. Онъ какъ будто бы боится, что синдикаты будутъ заподозрѣны въ излишнемъ увлеченіи солидарностью. Онъ говоритъ: „Какое же положеніе приходится занять этой кучкѣ борцовъ? Будутъ ли они ожидать для предъявленія своихъ требованій, присоединенія если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, большинства ихъ сотоварищей по корпораціи?“ Пуже оказывается далекъ отъ мысли объ этомъ, но онъ склоненъ относить на счетъ вліянія синдикатовъ ту сплоченность массъ, которая создается въ минуты „сопротивленія“ вовсе не синдикатами, а соціалистами.

Однако, ошибочно было бы думать, что ревностный защитникъ практическаго синдикализма сознательно съуживаетъ задачи синдикатовъ. Нисколько! Просто на просто для него преисполнены колоссальнымъ значеніемъ вещи, имѣющія ограниченное значеніе для соціалиста. Синдикатъ является органомъ „прямого дѣйствія“, которое осуществляетъ „частичную экспропріацію,“ [1]) „преобразованіе:“ [2]) „Его постоянное занятіе разыскивать причины соціальнаго зла, изучать ихъ, бороться съ ними, уничтожать ихъ.“ [3])

Такимъ образомъ, Пуже видитъ картину рабочаго движенія во всѣхъ ея подробностяхъ, но не обнаруживаетъ никакой способности называть вещи своими именами. Особенно онъ кичится пресловутымъ „новымъ правомъ“ профессіональныхъ союзовъ. Онъ восторженно говоритъ объ отсутствіи какого бы то ни было стѣсненія свободы воли и личности въ синдикатахъ. Но болѣе всего его вниманіе привлечено принципомъ рѣшенія вопросовъ по абсолютному, а не по относительному большинству голосовъ. Казалось, что можетъ быть проще перехода отъ одного изъ этихъ принциповъ къ другому. Но „синдикалисты“ вѣрятъ только во второй способъ и признаютъ за нимъ чуть не чудодѣйственную силу. Когда, напримѣръ, рѣшается вопросъ о стачкѣ, они ставятъ его на голосованіе всѣхъ рабочихъ данной корпораціи и получивъ только относительное большинство за то или иное рѣшеніе вопроса, они считаютъ его обязательнымъ для всѣхъ; при этомъ опублико-

---

[1]) „Le syndicat“, стр. 19.

[2]) l. c., стр. 21.

[3]) l. c., стр. 22.

вывается не дѣйствительное число голосовъ большинства, а съ прибавленіемъ числа всѣхъ уклонившихся отъ голосованія.

Трудно признать въ такомъ способѣ голосованія что-нибудь рѣзко отличающееся отъ принциповъ обыкновеннаго демократическаго голосованія. Зато самую суммировку цифръ съ цѣлью полученія, въ концѣ концовъ, абсолютнаго большинства можно счесть даже преклоненіемъ передъ демократическимъ голосованіемъ. Наконецъ, можно усумниться, встрѣчаетъ ли этотъ способъ голосованія признаніе со стороны массъ именно въ силу авторитетности или же въ силу такъ называемой „тираніи синдикатовъ". Легче всего предположить, что и здѣсь рѣшающимъ обстоятельствомъ является авторитетность коалицій въ рабочихъ массахъ, которымъ вообще такъ чужда замкнутость и другія „добродѣтели" синдикатовъ.

Но Пуже просто гипнотизируетъ себя созерцаніемъ этой нормы „новаго права". Въ брошюрѣ, размѣрами въ 24 страницы, онъ посвящаетъ этому вопросу цѣлыхъ три страницы, изо всѣхъ силъ подчеркивая противоположность этого правосознанія демократическому правосознанію.

На всемъ этомъ обожествленіи синдиката или его дѣятельности построено, какъ и слѣдовало ожидать, отрицаніе политики. Для этого у Пуже имѣется весьма подходящая предпосылка относительно равнозначности „собственности" и „власти". Онъ говоритъ: „ни одна изъ нихъ не предшествуетъ другой, не вытекаетъ изъ другой: обѣ онѣ равнозначны [1])". Собственность подлежитъ уничтоженію. Отсюда легко доказывается и необходимость уничтоженія власти. Уничтоженіе же ея у синдикалистовъ, какъ мы это видѣли, не значитъ уничтоженіе элементовъ буржуазнаго строя въ дни грядущаго переворота. На ихъ языкѣ уничтоженіе есть длительное разрушеніе, дезорганизація, имѣющая мало общаго съ соціалистическимъ представленіемъ о политической борьбѣ. Замѣтимъ, впрочемъ, что у многихъ теоретиковъ синдикализма ихъ фактическій *аполитизмъ* маскируется смѣшеніемъ этой *дезорганизаціи* съ *политикой*. Но Пуже въ этомъ не грѣшенъ. Онъ скорѣе готовъ примириться съ самими политическими актами, нежели съ такимъ ихъ наименованіемъ. Онъ упорно доказываетъ отсутствіе политики во всѣхъ историческихъ выступленіяхъ массъ. Напримѣръ, вы, читатель, можетъ быть, думали, что взятіе въ 1789 году Бастиліи было политическимъ актомъ, имѣло вообще связь съ политикой? Послу-

---

[1]) Ibid., стр. 6.

шайте же Пуже и разувѣрьтесь. Онъ говоритъ: „Рабочіе видѣли въ революціи исключительно зарю экономическаго освобожденія... Бастилія была взята приступомъ не потому, что она была политической тюрьмой, а потому что она представляла собой опасность для возставшаго Парижа точно такъ же, какъ въ 1876 году Mont-Valérien [1])“. Онъ твердитъ объ экономическомъ содержаніи іюньской революціи, превозноситъ „люксембургскую комиссію“, какъ органъ пролетаріата, противополагаетъ понятіе *политической* революціи и соціальной [2]). И при всемъ этомъ онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, сравнительно немногихъ „синдикалистовъ“, которые относятъ къ „прямому дѣйствію“ — „внѣшнее давленіе на общественную власть [3])“.

Итакъ, съ одной стороны, Пуже оказываетъ чуть ли не императорскія почести самымъ скромнымъ вещамъ. Такъ напримѣръ, въ его брошюрахъ слово *синдикатъ* въ патетическихъ мѣстахъ даже печатается такимъ громаднымъ шрифтомъ, какъ у насъ печатались имена царей въ оффиціальныхъ текстахъ. Съ другой же стороны онъ, выползая изъ своей синдикальной „клѣточки“ на просторъ исторіи, рѣшительно не способенъ называть вещи иными именами, кромѣ тѣхъ, которые свойственны его синдикальному обиходу. Поэтому въ гигантскихъ соціальныхъ столкновеніяхъ массъ съ организованными силами общественной реакціи онъ не видитъ *политики*.

Таковъ Эмиль Пуже, этотъ типичный питомецъ синдикалистской „новой школы“.

д) *Л. Ньель* (L. Niel).

Л. Ньель въ своемъ докладѣ, читанномъ имъ въ Montpellier и изданномъ въ видѣ брошюры: „Синдикаты и революція [4])“, показываетъ намъ обратную сторону медали. Этотъ „синдикалистъ“, нехотя, всенародно развѣнчиваетъ синдикальное движеніе. Отъ восторженныхъ иллюзій Эмиля Пуже у Ньеля не остается и слѣда. Сравните, напримѣръ, обще-синдикалистское восхваленіе солидарности массъ съ такими строками Ньеля:

„Дѣйствительно, почти все въ нашемъ проклятомъ капиталистическомъ обществѣ соединилось противъ работника. Безчислен-

---

[1]) „Les bases du syndicalisme“ par E. Pouget. стр. 4.
[2]) Ibid., стр. 4, 6, 7, 19.
[3]) Ibid., стр. 7.
[4]) „Les sindicats et la révolution“, par L. Niel, Paris, 1902 г.

ныя трудности, безперестанно возростающія по мѣрѣ развитія машинизма, принуждаютъ рабочаго, который еще слишкомъ слабъ для того, чтобы возстать, къ безпрекословному подчиненію условіямъ эксплоатаціи; конкуренція, которую создаютъ ему на рынкѣ труда все возрастающее количество безработныхъ, заставляетъ его безропотно мириться съ самымъ худшимъ положеніемъ. Болѣе того, постоянной мыслью современной жертвы эксплоатаціи, идеей, которая владѣетъ имъ и гнететъ его, является то, какъ найти пропитаніе для себя и семьи, какъ бы не сдѣлать ничего того, что могло бы повлечь за собой потерю найденнаго мѣста. Въ этомъ можно убѣдиться въ большихъ центрахъ, у дверей мастерскихъ, заводовъ и бюро найма [1])". Вотъ гдѣ жестокая правда, не скрывшаяся отъ глазъ вдумчиваго наблюдателя и не позволяющая даже ему, завѣдомому „синдикалисту" мечтать о „новомъ правѣ", „новой морали", „оазисахъ" соціализованнаго производства!

На этомъ фонѣ Ньель рисуетъ намъ картину внутренняго обихода синдикатовъ, стараясь по мѣрѣ возможности смягчить неблагопріятное впечатлѣніе, которое она можетъ произвести на читателя. Онъ говоритъ: „досадная и отчасти вредная для синдикатовъ тенденція (которая, къ счастью, все менѣе и менѣе проявляется) это— ихъ обычное стремленіе слишкомъ забиваться въ рамки исключительнаго корпоративнаго интереса. Товарищи участники синдикатовъ слишкомъ часто забывали, что соціальный вопросъ нельзя дробить на куски, что онъ представляетъ собой одно нераздѣльное цѣлое и что естественный законъ солидарности требуетъ того, чтобы судьба части общества зависѣла отъ судьбы всего общества. Они слишкомъ замкнулись въ изученіе вопросовъ, которые представляютъ интересъ только для ихъ собственныхъ корпорацій [2])".

Мы видимъ, что Ньель смѣло разбиваетъ существенные предпосылки того фактическаго реформизма синдикатовъ, которымъ такъ кичится Пуже. Дѣйствительно, можетъ ли послѣ всего сказаннаго Ньелемъ зайти рѣчь о „постепенной экспропріаціи" о „частичномъ переустройствѣ производственныхъ отношеній" и тому подобныхъ миражахъ синдикалистскаго сознанія. Нѣтъ. „Соціальный вопросъ нельзя дробить на куски,... онъ представляетъ собой одно нераздѣльное цѣлое".

Еще одинъ шагъ въ этомъ направленіи, и Ньель похоронитъ

---

[1]) Ibid., стр. 5.
[2]) l. c., стр. 6.

надежды синдикалистовъ на провиденціальную роль синдикатовъ, какъ таковыхъ. И онъ дѣйствительно двигается въ сторону разоблаченія фетиша-синдиката. Какъ будто нехотя, по указкѣ самой жизни, онъ раскрываетъ передъ своей аудиторіей частно-правовую природу синдикатовъ и синдикальнаго права. Еще одна мечта Пуже и прочихъ искреннихъ и неискреннихъ почитателей синдикальной добродѣтели должна поблекнуть. Ньель отмѣчаетъ своеобразныя послѣдствія юридической свободы синдикатовъ и признанія синдикальнаго права закономъ 1864 г. Онъ говоритъ: „Со дня обнародованія этого закона всѣ пріобрѣли право пользоваться имъ.... Давая рабочимъ право пользоваться силой своей численности, государство дало предпринимателямъ право пользоваться соблазнительной и развращающей силой денегъ. Государство прекрасно понимало, что предпринимательскія ассоціаціи, располагающія деньгами, этимъ нервомъ борьбы, необходимымъ въ нашемъ капиталистическомъ обществѣ, объединятся и съумѣютъ остановить тріумфальное шествіе пролетаріата[1])“.

Словомъ, осуществленіе въ законѣ 1864 г. частно-правовыхъ притязаній французскаго пролетаріата натолкнуло пролетаріатъ на встрѣчныя частно-правовыя притязанія промышленниковъ. Вопросъ о реальномъ правѣ рѣшила сила капитала и, конечно — не въ пользу рабочихъ. Демократизація государства роковымъ образомъ развила противорѣчія между трудомъ и капиталомъ и обострила классовую борьбу. Это, конечно, не значитъ, что демократизація абсолютно ухудшила положеніе рабочаго класса; она только создала неумолимую необходимость обратнаго движенія отъ частноправовыхъ отношеній къ пролетарскому суверенитету. Но все же картина правового положенія синдикатовъ оказывается въ данномъ случаѣ достаточно безотрадна. И Ньель жалуется, что лица „наиболѣе преданные рабочему дѣлу, наиболѣе ревностные исполнители синдикальной пропаганды, а потому и наиболѣе добросовѣстные исполнители этого закона ежедневно платятся за свою преданность и пылъ своими мѣстами, источникомъ своихъ средствъ... Каждый день мы узнаемъ, что какой-нибудь товарищъ, преданный дѣлу своего синдиката, выбрасывается хозяиномъ за дверь только за то, что былъ слишкомъ преданъ дѣлу.... И разсчитанный рабочій безсиленъ потребовать отъ закона удовлетвореніе за

---

[1]) l. c., стр. 7.

ущербъ, нанесенный ему осуществленіемъ права, которое присваивается ему именно въ силу этого самаго закона[1])".

Л. Ньель не справляется съ даннымъ вопросомъ. Ему не удается проникнуть умомъ въ природу вновь создающихся частноправовыхъ отношеній. Онъ скользитъ мыслію по поверхности явленія и усваиваетъ себѣ только формально юридическій смыслъ даннаго факта. Поэтому онъ горько жалуется на несправедливость законодательной власти, на „лицемѣріе буржуазіи". Въ результатѣ ложнаго логическаго шага, онъ попадаетъ въ смѣшное положеніе. Онъ, „синдикалистъ", предлагаетъ съ своей стороны *поправку* къ закону, обидѣвшему пролетаріатъ. Эта поправка, вносимая имъ, такова: „предприниматель или промышленный управитель, уличенный въ увольненіи своего рабочаго за синдикальную пропаганду, присуждается къ уплатѣ этому рабочему вознагражденія, которое устанавливается судомъ, и т. д...[1])".

„Новой школѣ" должно стать совѣстно за товарища, который не устоялъ противъ „развращающаго вліянія" современныхъ общественныхъ условій и унизился до „политиканства"! Совѣстно и ему самому, и онъ спѣшитъ оговориться, что не питаетъ пристрастія къ легализму.

Мы, съ своей стороны, конечно, не будемъ осуждать его за этотъ грѣхъ. Но вотъ что, по нашему мнѣнію, непростительно со стороны человѣка, обнаружившаго передъ нами въ данной брошюрѣ поразительную для „синдикалиста" вдумчивость. Непростительно то, что именно въ этомъ вопросѣ, въ нѣсколькихъ, такъ сказать, шагахъ отъ логически неизбѣжнаго разочарованія въ доктринѣ синдикализма, онъ дѣлаетъ смѣлый шагъ... не въ ту сторону. Рѣшается признать унитарный законъ, „соціальную регламентацію", но оказывается неспособнымъ признать частно-правовую природу синдикализма, а вмѣстѣ съ тѣмъ отвергнуть утопію „соціалистическаго будущаго синдикатовъ".

Дѣйствительно, передъ нимъ открываются грустныя послѣдствія частно-хозяйственнаго произвола въ условіяхъ современныхъ производственныхъ отношеній. Неумолимая сила логики ведетъ его къ антитезѣ, къ умозаключенію о необходимости публично-правовой регламентаціи отношеній. Онъ и дѣлаетъ это умозаключеніе. Но какъ? —Увы, въ сторонѣ отъ діалектическаго развитія исторіи, по-прудоновски, въ „логической серіи". Онъ устанавливаетъ

---

[1]) l. c., стр. 8.

антитезу немедленно, и немедленно предлагаетъ осуществить его. Вотъ почему онъ, съумѣвшій всюду сдѣлать абстрактно-революціонные выводы, въ данномъ случаѣ пришелъ къ вульгарному государственному соціализму.

И намъ остается сказать о немъ, подражая Беранже, что въ лицѣ этого бывшаго соціалиста „еще одна звѣзда скатилась съ небосклона" соціализма въ болото синдикалистской мысли.

е) „Синдикализмъ" на востокѣ Европы.

Чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ теоретическій „синдикализмъ" становится родственнѣе анархизму. Нѣмецкій представитель его, Р. Фридбергъ, вчерашній соціаллемократъ, воскрешаетъ традиціи „молодыхъ" германской соціалдемократіи и „усиленно рекомендуетъ читать анархистскую прессу, произведенія Кропоткина, Жана Грава, Элизе Реклю"[1]). Въ остальномъ онъ только популяризаторъ французскихъ идей.

Еще дальше на востокъ, за русскую пограничную черту, доктрина „синдикализма" тоже начала проникать въ послѣднее время.

f) Русскіе „синдикалисты".

Русскій книжный рынокъ въ достаточной мѣрѣ наводняется переводной синдикалистской литературой. Но оригинальная литература русскихъ „синдикалистовъ" еще очень бѣдна и сводится къ усердной пропагандѣ „романскихъ" идей.

Нѣкоторое значеніе и теоретическая самостоятельность могутъ быть признаны только за В. А. Поссе, который примыкаетъ къ „синдикализму" и за все время существованія россійской соціалдемократіи въ видѣ разрозненныхъ фракцій, чинилъ ей словесную оппозицію, противопоставляя ея программѣ свою „истинно-пролетарскую" программу, детально разработанную, не чуждую политическимъ идеямъ. Поэтому, относя его къ „синдикалистамъ" необходимо признать въ немъ скорѣе итальянскій, нежели французскій типъ „революціоннаго синдикалиста". Но уже старательный ученикъ его, А. Нѣдровъ[2]), заходитъ гораздо дальше учителя въ аполитизмѣ, превознесеніи „action directe" и т. д.

Далѣе можно назвать Л. Козловскаго, выступившаго съ попу-

---

[1]) Р. Фридбергъ. „Парламентаризмъ и всеобщая стачка". Изд. Глаголева. СПБ. Стр. 29.

[2]) А. Нѣдровъ. „Рабочій вопросъ". СПБ. 1906 г.

ляризацiей теорiи ,,синдикализма'' въ 1907 г.[1]) Мѣсто не позволяетъ намъ здѣсь критиковать частности его изложенiя, за которыя не отвѣтственны французскiе основатели доктрины. А критика основныхъ положенiй его книжки явилась бы повторенiемъ сказаннаго нами выше. Это же, чисто французское направленiе ,,синдикализма'' представлено, кромѣ того, и въ сборникѣ ,,Союзное Дѣло". (Москва, 1907 г.).

Затѣмъ, у русскаго „синдикализма" есть два крыла: анархическое, хорошо представленное Новомiрскимъ[2]), и другое, такъ сказать, чисто отечественное. Первое представляетъ собой задорную попытку научно обосновать всѣ патологическiе привносы въ процессъ русской революцiи, каковы, напримѣръ, такъ называемыя экспропрiацiи. И во всемъ томъ, что есть въ немъ самостоятельнаго, оно не заслуживаетъ серьезной критики. Второе—крайне своеобразно. Здѣсь есть и сентиментально-босяцкое народничество А. Вольскаго, апеллирующее къ широкимъ пролетарскимъ массамъ, есть и развязная фельетонная философiя аполитика и врага парламентаризма *Евгенiя Лозинскаго.* Здѣсь мы видимъ причудливое сочетанiе „аполитизма" съ отечественной философiей школы „черныхъ сотенъ".

Проходя мимо всѣхъ этихъ образцовъ русскаго „синдикализма", мы натыкаемся на брошюру анонимнаго автора о желательной организацiи всероссiйскаго желѣзнодорожнаго союза. Все говоритъ о томъ, что авторъ ея не знакомъ съ доктриной „революцiоннаго синдикализма", а между тѣмъ его перомъ водитъ знакомый намъ у французскихъ „синдикалистовъ" малосознательный инстинктъ „профессiоналиста", волнуемаго революцiонными силами эпохи. Авторъ проектируетъ передачу грандiознаго желѣзно-дорожнаго дѣла Россiи въ руки „служащихъ и рабочихъ" и тутъ же рядомъ онъ предоставляетъ „государству" право „контроля" и „инициативу въ постройкѣ новыхъ дорогъ"! Руки опускаются передъ этими образцами творчества стихiйной мысли.... Критиковать ихъ мы здѣсь не будемъ и останемся при французскихъ образцахъ теорiи и практики „революцiоннаго синдикализма".

---

[1]) Л. Козловскiй. „Очерки синдикализма во Францiи". Москва. Кн. „Своб. Мысль" 1907.

[2]) „Изъ программы синдикальнаго анархизма". Новомiрскiй. 1907.

ГЛАВА V.

Основной методъ „синдикализма“.

Не трудно видѣть, что теоретическій, такъ называемый „революціонный синдикализмъ“, представляетъ собой доктрину, которая находится въ процессѣ развитія. Это вызывается тѣмъ обстоятельствомъ, что ея методологическій „*эмпиризмъ*“ дѣлаетъ ее отраженіемъ пролетарской идеологіи даннаго момента, вслѣдствіе чего теорія эта измѣнчива такъ же, какъ и эта идеологія.

Литература школы не очень обширна, но все еще продолжаетъ расти. Во Франціи она питается творчествомъ Сореля, Берта, Лягарделля, Гіейсса, Лероа, Ньеля, Пуже, Делезаля, Пеллютье и др. Въ Италіи ее насаждаютъ Энрико Леоне, Артуро Лабріола и В. Моки. Въ Германіи синдикализмъ нашелъ себѣ яраго приверженца въ лицѣ д-ра Фридберга.

Образцы синдикалистскаго творчества, съ которыми мы познакомили читателя въ предыдущихъ главахъ, кажутся намъ достаточно характерными для того, чтобы составить себѣ правильное представленіе о методологіи и содержаніи этой новой доктрины. И если мы еще разъ окинемъ бѣглымъ взглядомъ всѣ намѣченныя черты теоріи синдикализма, то прежде и отчетливѣе всего передъ нами вырисуются двѣ разновидности и двѣ фазы этого ученія. Одна изъ нихъ итальянская, представляемая А. Лабріолой, можетъ быть названа зачаточной формой теоретическаго синдикализма. Это не что иное, какъ первый шагъ въ сторону отъ революціоннаго марксизма; и этотъ первый шагъ приводитъ автора только къ оправданію субъективнаго сознанія рабочей массы въ ея современной борьбѣ за лучшее распредѣленіе стоимостей. Ар. Лабріола склоняется къ аполитизму и проповѣдуетъ чистѣйшій синдикалистскій экономизмъ. Но онъ еще не порываетъ окончательно съ марксизмомъ и на многихъ страницахъ своей книги „Riforme e rivoluzione sociale“, изощряется въ схоластическомъ обоснованіи пресловутой новой доктрины „по Марксу“. Впрочемъ, эта разновидность теоретическаго синдикализма вовсе не представ-

ляетъ собой чего-нибудь специфически итальянскаго. Она просто является обычной формой субъективной идеологіи отсталыхъ рабочихъ массъ, и въ этомъ видѣ она недавно еще составляла содержаніе французскаго первоначальнаго синдикализма, обоснованнаго Ж. Сорелемъ въ статьѣ: „Соціалистическое будущее синдикатовъ"; но эта форма должна смѣниться второй фазой, которую мы видимъ въ послѣднихъ произведеніяхъ Сореля и другихъ теоретиковъ школы.

Что же касается этой другой разновидности или фазы синдикалистской доктрины, то она, какъ мы видѣли, рѣшительно и открыто порываетъ съ революціоннымъ соціализмомъ, хотя еще не рѣшается обойтись безъ эксплоатаціи авторитета Маркса для обоснованія своихъ положеній. Она является продуктомъ крушенія старыхъ трэдъ-юніонистскихъ иллюзій синдикализированныхъ рабочихъ и пытается спасти остатки разбитой прудонистской теоріи соотвѣтственнымъ приспособленіемъ ея къ толкованію такихъ новыхъ явленій, какъ обострившаяся стачечная борьба, охлажденіе массъ къ политикѣ, попытки „прямого дѣйствія" и проч. Надо, впрочемъ, замѣтить, что Сорель занимается этой схоластической починкой и перелицовкой устарѣвшей доктрины не изъ доктринерства. Онъ не фанатикъ отвлеченной идеи. Но зато онъ зараженъ фанатическимъ преклоненіемъ передъ субъективизмомъ народныхъ массъ въ ихъ историческомъ развитіи. Въ этомъ субъективномъ сознаніи онъ видитъ единственный источникъ знанія для современной соціологіи. И если доктрина „синдикализма" имѣетъ немалочисленныхъ приверженцевъ во французскомъ пролетаріатѣ, такъ это именно благодаря ея оппортунистическому отношенію къ субъективнымъ стремленіямъ среднихъ рабочихъ. Поэтому въ числѣ вѣрныхъ учениковъ Сореля и популяризаторовъ доктрины мы видимъ и трэдъ-юніонистовъ стараго закала и романтиковъ „прямого дѣйствія" новѣйшей формаціи. При этомъ каждая разновидность находитъ себѣ поддержку въ соотвѣтственныхъ частяхъ сорелевскихъ литературныхъ трудовъ.

Общимъ для обѣихъ разновидностей теоретическаго синдикализма является основной методъ. Мы, говоря это, имѣемъ въ виду не старанія синдикалистовъ связать свои взгляды со взглядами Маркса. Ихъ „нео-марксизмъ" является слишкомъ прозрачной маской ихъ дѣйствительнаго метода и общелогическихъ предпосылокъ. Но „синдикалисты" даже и не стѣсняются въ своихъ логическихъ пріемахъ и потому имена такихъ метафизиковъ, какъ

философъ Бергсонъ, такихъ идеалистовъ какъ Прудонъ, пестрятъ на страницахъ писаній Сореля и указываютъ намъ на первоисточники синдикализма. А сколько-нибудь внимательный анализъ статей одного уже Сореля открываетъ намъ логическій скелетъ и ходъ развитія доктрины. И мы находимъ въ ней послѣдовательно такія фазы развитія. Сначала прудоновскій идеализмъ, уповающій на воспитаніе пролетаріата въ духѣ „новаго права", „новой морали". Этому сопутствуетъ также прудоновское стремленіе, минуя законы развитія, отдѣлить *зло* отъ *добра*, поддержать расцвѣтъ „добра" въ видѣ профессіональной солидарности и уничтожить *зло* капитализма путемъ организаціи лучшаго распредѣленія вплоть до поглощенія прибыли заработной платой. Въ этой фазѣ идеализмъ сводится къ идеализаціи хозяйственныхъ стремленій трэдъ-юніонистовъ. Что же касается второй фазы развитія доктрины, то она сохраняетъ прежній идеализмъ и субъективизмъ, но при этомъ нѣсколько модифицируетъ методъ въ соотвѣтствіи съ современной дѣйствительностью. Дѣло въ томъ, что развѣнчаніе трэдъ-юніонистскихъ иллюзій не позволяло уже Сорелю провозглашать нормы спасительной „новой этики" и опираться, какъ это дѣлаетъ Ар. Лабріола, на *естественное право*. Пришлось признать иллюзорность человѣческаго субъективизма. Отсюда существовалъ прямой выходъ: Сорелю слѣдовало оставить шаткую почву субъективизма и искать объясненія идеологіи массъ въ матеріальныхъ условіяхъ періода, словомъ—признать экономическій матеріализмъ, не знающій различія между субъектомъ и объектомъ въ процессѣ исторіи. Но Сорель остался идеалистомъ. Вмѣсто признанія иллюзорности трэдъ-юніонизма, онъ объявилъ иллюзорнымъ всякую идеологію, т. е. вмѣсто установленія связи между матеріальнымъ міромъ и міромъ идей, онъ окончательно отвергъ закономѣрность этой связи. Но въ то же время онъ провозгласилъ эту идеологію факторомъ исторіи, назвалъ ее платоновскимъ терминомъ „миѳовъ" и приписалъ ей дѣйственную роль въ прогрессѣ. Такимъ образомъ, Сорель не только не подчинилъ идеологію матеріальнымъ условіямъ, но даже ушелъ далеко въ противоположную сторону, подчинивъ ходъ исторіи субъективнымъ стремленіямъ человѣка. Связь съ марксизмомъ была окончательно прервана; но такъ какъ индивидуалистическій субъективизмъ неприличенъ для современнаго соціолога, то Сорель и приблизилъ свой идеализмъ къ эмпирической философіи, признавая историческое значеніе и силу только за идеологіей *массъ*, а не *личности*. Можно сказать, что онъ

ввелъ въ свою философію *общественный критерій дѣйственности* по аналогіи съ *общественнымъ критеріемъ эмпирической истинности*. Въ такомъ видѣ философія Сореля оказалась пригодной для идеализаціи новыхъ субъективныхъ стремленій массоваго движенія пролетаріата.

Съ этими философскими предпосылками Сорель и другіе теоретики школы, слѣдуя требованіямъ эмпиризма, приступили къ *историческому* обоснованію „революціоннаго синдикализма". Они установили метафизическое опредѣленіе *государства* и *власти*, ссылаясь на *субъективныя* стремленія носителей той и другой идеи и игнорируя революціонныя періоды, такъ какъ правильное изученіе этихъ послѣднихъ грозило разрушить стройность ихъ доктрины. Затѣмъ, они построили своеобразную теорію зависимости *экономики* отъ субъективнаго *насилія*. Пріоритетъ въ этомъ принадлежитъ Сорелю. Онъ же повиненъ и въ неудачной попыткѣ обосновать эту философію „по Марксу".

Въ этой части разработки доктрины теоретики синдикализма опирались на критику теоріи народнаго суверенитета, и „демократизма", понимая подъ послѣднимъ стремленіе массъ къ проявленіямъ народнаго суверенитета, къ парламентаризму, унитарному законодательству, революціонному централизму, соціальной регламентаціи и т. д. Положительные же элементы ихъ теоріи сводятся къ изученію взаимоотношенія общества и государства; но и тутъ сказывается идеализація идеологіи буржуазной демократіи въ ея борьбѣ съ остатками абсолютизма. Наиболѣе яркій образецъ такого идеализированія буржуазной демократизаціи общества мы видѣли у М. Леруа. Въ этомъ историческомъ процессѣ синдикализмъ оказывается неспособенъ отличить тенденціи пролетаріата отъ чистыхъ принциповъ буржуазной демократіи. Этотъ процессъ онъ уже всецѣло превозноситъ подъ общимъ названіемъ *федерализма*. А то обстоятельство, что масса среднихъ рабочихъ охотно раздѣляетъ иллюзіи буржуазной демократіи, позволяетъ „синдикалистамъ" объявить весь процессъ типично пролетарскимъ, истинно-соціалистическимъ и даже поставить подъ одну скобку синдикаты пролетаріевъ и чиновниковъ (М. Лероа). Наконецъ, теорія увѣнчивается провозглашеніемъ революціонной непогрѣшимости синдикально-индивидуалистическихъ происковъ массы, носящихъ названіе „прямого дѣйствія". Къ этому въ общихъ чертахъ сводится вся доктрина „революціоннаго синдикализма" въ ея теперешней фазѣ развитія.

Итакъ, мы видимъ въ „революціонномъ синдикализмѣ“ прежде всего его основной философскій методъ, идеалистическій по природѣ, играющій эмпиризмомъ, маскирующійся названіемъ нео-марксизма, чрезвычайно-чуждый экономическому матеріализму. Но мы здѣсь не беремъ на себя задачи критиковать основы этой философіи по существу. Мы ограничиваемся тѣмъ, что обнаруживаемъ подъ марксистской маской ея основныя черты. Далѣе, сочинія „синдикалистовъ“ даютъ намъ обоснованіе ихъ доктрины на изученіи исторіи французскаго государства, главнымъ образомъ, девятнадцаго вѣка, и на изученіи „сорока лѣтъ рабочаго движенія“. На этомъ историческомъ обоснованіи „революціоннаго синдикализма“ мы и хотимъ остановить вниманіе читателя въ дальнѣйшемъ изложеніи нашей книги.

ЧАСТЬ II. ГОСУДАРСТВО И ПРОИЗВОЛЪ.

ГЛАВА I.

Постановка проблемы.

Теоретики такъ называемаго „революціоннаго синдикализма“, претендуютъ на то, что нападки ихъ направлены не на какую-нибудь частную форму правленія, а на *государство вообще*. На дѣлѣ же они, какъ мы это видѣли, нерѣдко подмѣняютъ абсолютно общее понятіе государства—его относительно-обобщающими опредѣленіями, называя, напримѣръ, государство—безъ дальнѣйшихъ оговорокъ—исключительно орудіемъ господства буржуазіи. Ясно, что подъ эту формулу никоимъ образомъ не можетъ быть подведена, напримѣръ, французская буржуазная республика 1848 года, которую К. Марксъ совершенно справедливо называетъ „компромиссомъ между различными классами, которые совмѣстными усиліями низвергли іюльскую монархію, но интересы которыхъ были другъ другу враждебны [1])“. Едва ли кто-нибудь будетъ оспаривать, что критика, направляемая на одну изъ несовершенныхъ или извращенныхъ формъ общественной власти не есть критика, сокрушающая идею государства. И съ подобныхъ критиковъ слѣдуетъ прежде всего потребовать доказательства того, что критикуемая ими схема есть дѣйствительно общая формула государства.

Болѣе серьезнымъ противникомъ идеи государства является только то противо-государственное направленіе, которое отрицаетъ *возможность* болѣе совершенныхъ формъ государства и утверждаетъ, что всякое государство можетъ быть *только* орудіемъ угнетенія, что овладѣніе государственной властью ненужно для пролетаріата, и „диктатура“ его безцѣльна для человѣчества. Въ возраженіе этому можно было бы показать, что государство есть исторически необходимая форма организаціи общества, что оно имѣетъ громадное положительное значеніе въ исторіи народовъ и

---

[1]) „Классовая борьба во Франціи“. К. Марксъ. Перев. изд. „Буревѣстникъ“, страница 26.

что только на пути полнаго развитія своихъ формъ, оно можетъ быть изжито человѣчествомъ и послужить колыбелью коммунистическаго общества. Но „синдикалисты“ вовсе не признаютъ объективно-необходимыхъ законовъ соціальнаго развитія. Они, какъ мы видѣли, *метафизики* и *„эмпирики“*. У нихъ два пути построенія ихъ теоріи. Первый путь это критика отвлеченной формулы государства, эмпирически выработанный при изученіи исторіи французской государственности. Второй ихъ путь это рабское преклоненіе передъ идеологіей массъ въ ихъ субъективномъ, подчасъ иллюзорномъ представленіи о государствѣ. Поэтому наша задача здѣсь сводится, во-первыхъ, къ критикѣ ихъ отвлеченной критики государства, а, во-вторыхъ, къ перепровѣркѣ того, насколько правильно они передаютъ объективный смыслъ логики массъ. И мы думаемъ, что такъ называемый „революціонный синдикализмъ“ совершенно произвольно привязалъ свою ладью къ кораблю профессіональнаго рабочаго движенія и напрасно претендуетъ на совмѣстное съ нимъ плаваніе на томъ основаніи, что корабль этотъ стремится якобы туда же, куда и ихъ ладья. Мы думаемъ, что ихъ ложное толкованіе тенденцій современнаго рабочаго движенія должно и можетъ быть опровергнуто въ глазахъ сознательныхъ участниковъ великаго процесса. Въ то же время намъ нужна прежняя увѣренность въ томъ, что „классовая борьба есть борьба политическая“, и что поэтому традиціонная общая тактика революціонной соціалдемократіи является „сознательнымъ выраженіемъ безсознательнаго процесса“ и ей обезпечена побѣда. И въ данный моментъ, когда рабочія массы Франціи, а отчасти Италіи, становятся на путь такъ называемой „прямой борьбы“ съ предпринимателями, необходимо возстановить увѣренность въ томъ, что эта новая форма классовой борьбы должна привести къ борьбѣ политической и что истинный историческій смыслъ ея по-прежнему далекъ отъ того извращеннаго толкованія, которое ему даютъ „чистые синдикалисты“.

Таковы здѣсь наши цѣли. И для всей этой перепровѣрки марксистской доктрины по отношенію къ новымъ формамъ рабочаго движенія—намъ ниже прійдется опредѣлить соотношеніе между синдикализмомъ, какъ формой организаціи рабочихъ массъ и государствомъ, какъ формой общественной организаціи цѣлаго народа; а для бѣглой характеристики текучихъ формъ государства мы остановимся на примѣрѣ Франціи, этого общественнаго горна, который на огнѣ революцій создалъ блестящій образчикъ демократическаго строя. Примѣръ Франціи, кромѣ того, необходимъ для

насъ потому, что именно французское государство породило практику и теорію синдикализма.

Въ построеніи формулы государства мы, конечно, откидываемъ всѣ мнимыя функціи государства, приписываемыя ему офиціальной логикой правительственныхъ манифестовъ и государствовѣдовъ на жалованіи, какъ то попеченіе о народномъ благѣ и т. п. Формула годная для нашей цѣли должна опираться только на фактически выполненныя государствомъ историко-соціальныя задачи, а не на широковѣщательныя его обѣщанія. При такой постановкѣ вопроса демократическое государство выступаетъ передъ нами, прежде всего, какъ *общественная сила, боровшаяся съ средневѣковой соціально-экономической раздробленностью общества и съ вытекающимъ отсюда господствомъ частнаго произвола.*

Намъ предстоитъ убѣдиться въ этомъ. И прежде всего мы отмѣтимъ, что въ до-государственный феодальный періодъ существованія новыхъ народовъ устраненіе всѣхъ соціальныхъ золъ, связанныхъ съ экономической и правовой обособленностью отдѣльныхъ единицъ тогдашняго натуральнаго хозяйства, являлось объективной потребностью населенія. Такими единицами являлись личныя владѣнія отдѣльныхъ феодаловъ и замкнутыя ремесленныя группы средневѣковаго города. Благодаря экономическому дробленію населенія и полной подчиненности производителей силѣ феодаловъ, эпоха феодализма была эпохой „войны всѣхъ противъ всѣхъ“ и полнаго, ничѣмъ не сдерживаемаго порабощенія производителей землевладѣльцами. Устраненіе этого тяжелаго общественнаго строя стало возможно только послѣ установленія мѣнового хозяйства, послѣ возникновенія городовъ. И города осуществили дѣло организаціи государства, создавъ въ лицѣ монархіи органъ общественной власти для борьбы всего общества противъ произвола отдѣльныхъ феодаловъ. Практика этой первоначальной государственности ограничивалась областью объединительныхъ войнъ. Но эпоха возрожденія обогатила государство идейно-правовыми представленіями о государственности. Поэтому еще до частичнаго осуществленія идеи *демократическаго* государства сложилась стройная теорія государственнаго права, ученіе о назначеніи государства, неисчерпанное исторіей народовъ еще и понынѣ, поскольку передъ современными массами стоитъ задача самоосвобожденія отъ гнета со стороны хозяевъ „свободной“ промышленности.

Эти правовыя представленія были прежде всего заимствованы дореволюціоннымъ государствомъ отъ античныхъ народовъ, кото-

рые дѣйствительно были способны обогатить борьбу съ феодальнымъ строемъ правовыми представленіями своей государственности. Культура римскаго народа для этого достаточно возвышалась надъ средневѣковой культурой варварскихъ народовъ. Поэтому гражданственность Рима, хотя и основанная на рабствѣ подчиненныхъ народностей, но обезпечивавшая личную и даже экономическую свободу римскимъ „гражданамъ“, могла быть и была компасомъ возникающаго послѣ средневѣковья новаго государства. Насколько высоко стояло римское правосознаніе можно судить уже потому, что римлянинъ не *имѣлъ права* путемъ какой бы то ни было сдѣлки отдавать себя въ рабство [1]). Римское правосознаніе противилось этому, ограждая такимъ образомъ личную свободу „гражданина“ отъ частныхъ притязаній на ея эксплоатацію. Такъ что римское государство еще задолго до естественнаго исчезновенія позорнаго экономическаго учрежденія „рабства“ брало на сябя задачу защищать извѣстную категорію населенія, а именно „римскихъ гражданъ“ отъ опасности подпасть рабству. Новому государству оно завѣщало расширить понятіе гражданства и осуществить покровительство государства надъ всѣми гражданами, надъ всѣми членами государства.

И мы дѣйствительно видимъ, что, утвердившись, монархическое государство семьнадцатаго и восемьнадцатаго вѣковъ приступило къ ликвидаціи тѣхъ соціальныхъ формъ порабощенія, которыя уже были лишены опоры въ современныхъ производственныхъ отношеніяхъ. Но именно только то, что уже отжило свой вѣкъ въ области соціальныхъ отношеній, только то и было свергнуто силами государства въ борьбѣ съ феодальнымъ строемъ. При этомъ какъ исходъ борьбы демократіи съ феодализмомъ, такъ и самая природа государства были опредѣлены исторической природой низвергаемаго строя. Сущностью этого строя было „право захвата“ вмѣсто буржуазно-закономѣрнаго „права собственности“ и неограниченный произволъ во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ. Произволъ сверху до низу. Насиліе было единственнымъ руководителемъ общества, а договоръ имѣлъ ничтожное значеніе и то только между „свободными людьми“. Поэтому государство возникло, какъ прямая противоположность произвола, какъ орудіе верховной воли и власти общества противъ всѣхъ формъ частнаго права. И природа государства можетъ быть прежде всего опредѣлена тѣми

[1]) Conventio privata neque servum quemquam, neque libertum alicujus facere potest“.

свойствами и силами, которыя оно проявило въ ликвидаціи феодализма.

Средневѣковье—было неограниченнымъ господствомъ частной воли, основой которой являлась феодальная собственность. „Феодальная собственность обнаруживала притязаніе все охватить собою, воздухъ и воду, общественныя и религіозныя отношенія“ [1]). Воля феодала простиралась не только на его крѣпостныхъ, но даже и на наслѣдниковъ, лишая ихъ, напримѣръ, свободы, въ выборѣ супружескихъ связей. Она властвовала при посредствѣ системы натуральныхъ услугъ и натуральныхъ повинностей. Она же на зарѣ новой государственности подчинила себѣ и верховную власть, которая стала глубоко чужда интересамъ производителей и обслуживала нужды феодаловъ. Съ возникновеніемъ ремеслъ въ городахъ, королевская власть закрѣпила цеховой строй. Цехи, подчинявшіе трудъ бѣдняковъ сословію городскихъ мастеровъ, были связаны цѣлой сѣтью статутовъ и ордоннансовъ. За мастерами были признаны наслѣдственныя права, а ихъ личная профессіональная свобода была стѣснена тысячью правилъ.

Такимъ образомъ, подчиненное положеніе какъ помѣстнаго крѣпостного сословія, такъ и городской бѣдноты основывалось на феодальной собственности. А эта послѣдняя покоилась сначала на „правѣ перваго завладѣвшаго“, а затѣмъ на „правѣ наслѣдованія“.

Антитезой этого „частнаго права“ явилось „государственное право“. А призваніемъ государства сдѣлалось установленіе новыхъ основъ собственности. Сразу практиками и теоретиками освободительнаго движенія были выставлены принципы соціальнаго освобожденія и выполненіе этого освобожденія было возложено на верховную волю и власть народа, на *народный суверенитетъ*. Въ такомъ именно видѣ система соціальнаго государства ярко отразилась въ безсмертномъ твореніи женевскаго философа, Ж. Ж. Руссо: [2]) „Общественный договоръ“.

Великая французская революція, говорятъ, слѣдовала завѣтамъ Ж. Ж. Руссо. Но она не могла имъ не слѣдовать, потому что движущей пружиной ея былъ народъ, а прямымъ врагомъ народныхъ интересовъ являлось „частное право“ или, вѣрнѣе, частный произволъ, частныя привилегіи. Бороться съ „частнымъ пра-

---

[1]) Лассаль. „Сестема пріобрѣтенныхъ правъ“. Собр. соч. изд. Глаголева. Т. Ш, стр. 341.

[2]) Основателемъ теоріи суверенитета былъ, собственно, Жанъ Боденъ (1530—1596 г.).

вомъ“ массы могли только при посредствѣ своей общественной воли и власти, верховной власти, суверенитета, исполнителемъ котораго должно было служить демократическое правительство. Поэтому во всѣхъ случаяхъ, когда масса возставала на защиту народнаго права противъ частнаго, она выдвигала исполнителей своей суверенной воли въ видѣ революціонныхъ правительствъ и санкціонировала ихъ поступки. И, конечно, не эта масса и ея исполнители дѣйствовали „по Руссо“, а Руссо былъ вѣрнымъ выразителемъ неизбѣжныхъ формъ борьбы демократіи противъ частнаго произвола. Наконецъ, концепція Руссо не была основана на чистой дедукціи. Она столѣтіемъ раньше была уже практической программой англійской партіи *левелистовъ* и носила даже названіе „народнаго договора“. Это была программа осуществленія народнаго суверенитета, основанная на прямомъ народномъ голосованіи. Она опиралась на политическій опытъ англійской демократіи (городскихъ и сельскихъ производителей) и противопоставлялась ими парламентской власти помѣстнаго дворянства. Здѣсь идея „народнаго“ государства являлась антитезой государства классоваго, а стало быть, пріобрѣтала глубокое соціальное значеніе. Несомнѣнно, что Руссо воспользовался и этимъ матеріаломъ развитія новаго государства, и слѣдовательно, учелъ вліяніе классоваго господства въ предначертаніи схемы чистой демократіи.

Благодаря всему этому, теорія народнаго суверенитета Руссо является общей обоснованной и провѣренной формулой для всѣхъ проявленій государственности въ исторіи прошлаго вѣка. А поскольку она подходитъ къ рѣшенію соціальныхъ задачъ реорганизаціи собственности и опирается на критику цензового государства, она уже является для насъ достаточно широкой формулой организаціи общественной воли и власти, настолько широкой, что можетъ быть положена въ основу грядущаго соціальнаго переворота. И мы можемъ указать на нее „синдикалистамъ“, отстаивая историческое значеніе государственности: вотъ форма государства, могущая послужить рычагомъ соціальной революціи!

ГЛАВА II.

Сущность суверенитета.

Покажемъ, что дѣйствительно схема Руссо можетъ быть принята въ основу разсужденія о формѣ грядущаго соціальнаго переворота, и для этого обратимся къ первоисточнику [1]).

Но не даромъ Ж. Ж. Руссо такъ ненавистенъ „синдикалистамъ"! И намъ придется считаться съ лжетолкованіями его теоріи. А прежде всего необходимо отрѣшиться отъ придирчивости къ нѣкоторымъ особенностямъ терминологіи Руссо, на которыя направлены нападки критики со стороны цеховыхъ ученыхъ. Дѣйствительно, приходится слышать возраженія правовѣдовъ противъ самаго опредѣленія „договора" для строя, въ которомъ, по мнѣнію этой критики, власть основана на принудительной силѣ. Но предоставимъ геніальному женевцу право быть устарѣвшимъ для нашего времени правовѣдомъ, исходить изъ „абсолютовъ" естественнаго права, и тѣмъ не менѣе признаемъ силу его соціологическаго мышленія. И тогда передъ нами предстанетъ замѣчательное выраженіе организаціи соціальныхъ силъ общества.

Сущность государства, по Руссо, такова: „*Каждый изъ насъ отдаетъ свою личность въ общее владѣніе и всю свою силу подчиняетъ верховному распоряженію общей воли; и въ общемъ организмѣ мы получаемъ каждаго члена, какъ нераздѣльную часть цѣлаго*".

И всѣ статьи „общественнаго договора" сводятся, по словамъ Руссо, къ одной: „*именно полное отчужденіе каждаго члена со всѣми его правами въ пользу всей общины*".

Измѣримъ соціальную глубину этихъ формулъ ихъ отношеніемъ къ *собственности*. Руссо прямо обѣщаетъ человѣку, вступающему въ общественный договоръ, что онъ, теряя „безграничное право на все, что его прельщаетъ и чего онъ не можетъ достигнуть,"

---

[1]) Ниже мы будемъ цитировать русскій переводъ „Общественнаго договора" Ж. Ж. Руссо въ изд. Скирмунта. Этотъ именно переводъ настоятельно рекомендуемъ читателю въ противоположность малограмотному переводу въ изд. П. Плохова.

выигрываетъ зато „право собственности“. Казалось бы, что за эту фразу Руссо можетъ быть безъ дальнихъ разговоровъ зачисленъ въ число защитниковъ буржуазной собственности; а его „государство“ отнесено къ „буржуазному государству“, построенному на правѣ частной собственности. Но вспомнимъ, что Руссо считался не съ современной намъ собственностью, а съ феодальной ея формой. Это было „такое *обладаніе*, которое является только слѣдствіемъ силы или права перваго завладѣвшаго“. Онъ же превращаетъ это *обладаніе* въ *собственность*. Но у него „*собственники разсматриваются какъ хранители общественнаго имущества*“. Согласимся, что въ отдѣльности это толкованіе права собственности у Руссо само по себѣ не обладаетъ достаточной ясностью для того, чтобы предотвратить современныя формы (буржуазной) собственности. Зато его общая формула государственнаго союза совершенно исключаетъ возможность буржуазнаго толкованія права собственности, такъ какъ по ней „каждый... *всю свою силу* подчиняетъ верховному распоряженію общей воли“. Не остается, наконецъ, мѣста и тому толкованію, что въ системѣ Руссо эта „общая воля“ можетъ санкціонировать *неприкосновенность* для государства частной собственности. Это предположеніе исключается, потому что: 1) это было бы нарушеніемъ суверенитета; 2) эта „общая воля“ предполагается не фальсифицированной и въ дальнѣйшемъ развитіи соціальнаго строенія общества должна сдѣлаться пролетарской волей; 3) потому, что при такомъ допущеніи ростъ народонаселенія необходимо привелъ бы къ монопольному характеру поземельной собственности и вытекающему отсюда экономическому порабощенію, а схема Руссо (на стр. 51) ясно требуетъ,—какъ это слѣдуетъ и изъ общаго смысла формулы суверенитета,—„чтобы каждый гражданинъ находился въ *совершенной независимости* отъ всѣхъ другихъ и въ чрезвычайной зависимости отъ гражданской общины“; равнымъ образомъ, въ другомъ мѣстѣ (стр. 48) онъ говоритъ: „пусть ни одинъ гражданинъ не будетъ богатъ настолько, чтобы купить другого, и никто настолько бѣденъ, чтобы продать себя“.

Впрочемъ, враждебное отношеніе Ж. Ж. Руссо къ собственности уже совершенно ясно обнаруживается въ его рѣчи о неравенствѣ, гдѣ собственность названа источникомъ всѣхъ бѣдствій и злоупотребленій, тяготѣющихъ надъ человѣчествомъ.

Руссо лично, конечно, не могъ предвидѣть въ полномъ объемѣ классоваго перерожденія капиталистическаго общества и не видѣлъ

въ будущемъ естественныхъ гарантій того, что „общая воля“ будетъ осуществляться и поддержитъ именно систему общественнаго договора. Онъ даже отчасти предчувствовалъ, отчасти убѣждался на примѣрѣ Англіи, что практически его система мало осуществима, что „не существуетъ формы правленія болѣе подверженной гражданскимъ войнамъ и внутреннимъ волненіямъ, чѣмъ демократическій или народный образъ правленія“. За подобное свойство демократическаго образа правленія, естественно рисковала запнуться его схема народнаго суверенитета. Классъ незаинтересованный въ частной собственности, пролетаріатъ, которому „нечего терять, кромѣ своихъ цѣпей“, не былъ извѣстенъ женевскому философу. И ему оставалось ограничивать примѣненіе своего идеала только „маленькимъ государствомъ“, гдѣ мыслима „великая простота нравовъ... широкое равенство ранговъ и имущества“. И при всемъ томъ ему приходилось еще уповать на „принципъ республики“— добродѣтель. Зато исторія оправдала его великую схему, создавъ ей гарантію въ могучей „добродѣтели“ соціалистическаго пролетарскаго міровоззрѣнія.

Такимъ образомъ, глубина *соціальнаго* значенія *политической* формулы Руссо не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но чрезвычайно интересна и обратная сторона вопроса. Интересно отмѣтить, что чисто соціальныя задачи періода ликвидаціи феодализма и практически и теоретически становились на путь политическаго ихъ разрѣшенія. Дѣйствительно, практика революціоннаго движенія,—если не считать жакеріи, на которой лежалъ отпечатокъ пріемовъ „натуральнаго хозяйства“, домашнихъ способовъ, — эта практика подходила къ разрѣшенію вопросовъ раскрѣпощенія съ политической стороны. Такъ, французскій народъ инстинктивно возложилъ осуществленіе свободы на своего короля, и въ фикціи воли и власти безсильнаго короля объединилъ свою суверенную власть, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи бросить въ корзину палача Самсона вѣнценосную голову, которая оказалась негодной исполнительницей воли народа-суверена. Тѣмъ же путемъ пошла и теорія. Французскіе просвѣтители затратили весь блескъ своего ума на разработку теорій государственныхъ реформъ и государственнаго переворота. Такъ что прообразъ своей антигосударственности синдикалисты могутъ найти развѣ только у полуреакціонера Ленгэ, который, называя нарождающійся пролетаріатъ стадомъ овецъ, а общество—стойломъ, гдѣ „овцы“ содержатся обманомъ и принужденіемъ, совѣтовалъ „просвѣтителямъ“: „Прежде чѣмъ

говорить о томъ, чтобы ихъ оттуда вывести, вамъ слѣдовало бы начать съ разрушенія стойла, т. е. общества“ [1]).

Что же касается схемы Руссо, то она обняла собой всю полноту тогдашней соціальной проблемы. Задача переустройства общества требовала общественнаго переворота въ полномъ смыслѣ этого слова. Производители города и деревни были, благодаря крѣпостному состоянію, „вещами“ въ хозяйствѣ феодальныхъ господъ или подчинялись ордоннансамъ перваго между равными“, т. е. короля. Перестроить этотъ складъ общества—значило превратить крѣпостную „вещь“ въ свободнаго человѣка, а хозяйственную волю свободныхъ людей—феодаловъ — подчинить принудительной власти общества. Это и привело къ политикѣ, т. е. къ выполненію принципа Плутарха: „экономія, которая для неодушевленныхъ вещей есть искусство пріобрѣтенія, по отношенію къ людямъ превращается въ политику (искусство управленія)“. Рѣшеніе соціальнаго переворота въ силу исторической необходимости было *политическимъ* рѣшеніемъ.

Но объективныя условія времени ставили непреодолимыя преграды на пути къ осуществленію этой политической формулы. И проницательный умъ Руссо предвидѣлъ главнѣйшія изъ этихъ преградъ. Устранить ихъ онъ не могъ. Ихъ сметало съ историческаго пути народовъ послѣдующее развитіе капиталистическаго способа производства, а мыслителю восемнадцатаго вѣка оставалось только вносить въ свою систему ограничительныя условія ради возможности ея осуществленія. Однако, всѣ эти ограниченія лишь, какъ нельзя лучше, опровергаютъ предразсудокъ, будто бы форма народнаго суверенитета была чисто буржуазнымъ разрѣшеніемъ освободительной проблемы. Изъ оговорокъ Руссо мы видимъ прямо противоположное: тогдашняя примитивная стадія капиталистическаго строя, мелко-буржуазный характеръ производства,—не только тормозили осуществленіе его политической идеи, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣлали такое осуществленіе абсолютно невозможнымъ. Добродѣтель „неподкупнаго[2])“ не могла замѣнить собою несуществовавшей добродѣтели народа—суверена.

Мы уже указывали ограниченіе примѣнимости его схемы „малыми государствами“. А изъ этой необходимости, онъ, при отсутствіи сильнаго международнаго обмѣна, дѣлалъ реакціонно-огра-

---

[1]) „Теоріи прибавочной стоимости“ К. Маркса. Изд. „Образованія“ т. I, стр. 75.

[2]) Такъ звали Робеспьера, который установилъ „культъ добродѣтели“.

ничительный выводъ для обиженныхъ природой народовъ: „Море омываетъ на вашихъ берегахъ только скалы, почти неприступныя, —оставайтесь варварами, питайтесь рыбой; вы, такимъ образомъ, будете спокойны, пожалуй—лучше, и навѣрное — счастливѣе[1])“.

Въ наше время мы уже знаемъ, что это препятствіе устраняется международнымъ, міровымъ обмѣномъ, а потому не существуетъ для соціалистическаго общества. Это же ограничительное условіе относительно малыхъ размѣровъ идеальнаго государства базировало на отрицаніи народнаго представительства. Послѣднее дѣйствительно является громаднымъ ограниченіемъ, дѣлающимъ идеалъ народнаго суверенитета идеаломъ развѣ только мелкихъ мирно буржуазныхъ республикъ швейцарскаго типа. Но дастаточно только прослѣдить историческій смыслъ нападокъ Руссо на представительную систему, чтобы убѣдиться въ обособленномъ отъ всей системы, случайномъ характерѣ этого ограничительнаго условія. А именно, самъ Руссо указываетъ на предпосылки этого отдѣльно стоящаго вывода. Сказавъ въ абстрактной формѣ свое общее положеніе о непригодности парламентаризма, онъ вдругъ разражается желчными нападками на *англійскій* парламентаризмъ, и говоритъ: „Англійскій народъ считаетъ себя свободнымъ и очень ошибается; онъ свободенъ только во время выборовъ членовъ парламента: какъ только они избраны, онъ—рабъ, онъ — ничто“. (стр. 90).

Дѣло въ томъ, что Англія перешагнула черезъ порогъ политической свободы еще въ революціи 17-го вѣка. Но она не вынесла изъ этой революціи демократической свободы. Англійскій парламентъ не сталъ носителемъ суверенной воли народа, а сдѣлался орудіемъ власти новаго класса, землевладѣльческой буржуазіи, „gentry“, помѣстнаго дворянства. Въ окончательной формѣ палата общинъ послѣ 1711 года была отгорожена отъ народа высокимъ цензомъ, ограничивавшимъ пассивное избирательное право. Суверенитетъ народа былъ подмѣненъ господствомъ „верхнихъ десяти тысячъ“. Противъ этого возстали представители тогдашней крайней демократіи (ремесленниковъ и крестьянъ) въ лицѣ партіи „левелистовъ“. Они жаловались на „тираннію парламентовъ“, на „народныхъ представителей, которымъ пришлась по вкусу верховная власть и которые стремятся, превысивъ компетенцію обыкновенныхъ слугъ народа, стать его господами, чтобы превратиться

---

[1]) „Общественный договоръ“ Руссо, стр. 49.

въ тирановъ[1])". Но характеръ тогдашняго расчлененія народа на классы вообще не позволялъ надѣяться на чисто-демократическое большинство парламента. И теоретикъ „левелизма" Гаррингтонъ изощрялся въ утопическомъ прожектерствѣ такихъ началъ представительства, которыя могли бы обезпечить преобладаніе крайней демократіи. Онъ предлагалъ своего рода „обратный цензъ". Имущее и неимущее населеніе, по его плану, выбираетъ себѣ представителей отдѣльно. Первое получаетъ 600 мѣстъ въ палатѣ, второе (при годовомъ доходѣ свыше 100 ф. ст.)—450 мѣстъ.

Этотъ примѣръ крушенія народныхъ надеждъ на свободу стоялъ передъ глазами Франціи. Теоретики системы буржуазнаго господства Вольтеръ и Монтескье воспѣвали Англію, „какъ самую свободную изъ всѣхъ странъ міра". Монтескье даже полемизируетъ съ Гаррингтономъ[2]). Но что оставалось дѣлать упрямому женевцу, который не могъ ни надѣяться на утопическіе планы Гаррингтона, ни удовлетвориться безплодной „добродѣтелью" кромвелизма, ни, наконецъ, отказаться отъ своей пророческой системы? Онъ проклялъ „представительство", а свою великую схему оставилъ нетронутой для будущихъ народовъ, по природѣ своей способныхъ стать суверенами.

Точно такъ же и всѣ другіеограниченія, вводимыя Руссо въ его систему съ той цѣлью, чтобы сдѣлать ее немедленно осуществимой, вытекаютъ изъ современнаго ему недоразвитія соціальныхъ отношеній, зачаточной формы крупнаго общественнаго производства. Такъ напримѣръ, побочнымъ выводомъ его системы является требованіе крайней централизаціи государственной власти, на томъ основаніи, что „правительство слабѣетъ отъ увеличенія числа должностныхъ лицъ"; но вѣдь сущность современнаго намъ мѣстнаго самоуправленія ему была неизвѣстна, и надежда на республиканскую „добродѣтель" была слаба. Исходя ихъ тѣхъ же опасеній онъ прямо принужденъ былъ отвергать и пригодность „демократическаго образа правленія", который уже рисовался ему въ формѣ хорошо извѣстной намъ буржуазной республики, и который онъ считалъ осуществимымъ въ неискаженномъ видѣ только у „народа боговъ" (стр. 64). Тѣмъ болѣе его система возвышается надъ изжитыми историческими формами буржуазнаго государства. Тѣмъ

---

[1]) „Письмо агитаторовъ Аллена, Сексби, Шэперда къ генераламъ Ферфаксу, Кромвелю и Скиппону въ апрѣлѣ 1647 г."

[2]) „Парламент. и соціалдемокр." Эд. Бернштейнъ. Берлинское изданіе, пер. съ рукописи.

болѣе выясняется ея примѣнимость къ грядущему соціальному перевороту. И намъ остается показать, что элементы этой системы, — проявленія суверенной воли народа, были дѣйственной силой дѣйствительнаго соціальнаго прогресса и порывовъ къ соціальному перевороту во Франціи, и если надъ этими проявленіями суверенной воли народа брали верхъ частно-хозяйственныя силы буржуазнаго общества, то онѣ порождали соціальный регрессъ, и что, наконецъ, именно подъ вліяніемъ „частно-правовыхъ способовъ борьбы классовъ и правительственнаго полу-феодальнаго гнета развился рабочій синдикализмъ. Только тогда можно будетъ охарактеризовать роль *синдикализма въ жизни государства*, а равно и отношеніе того и другого къ осуществленію великой соціальной проблемы современности,—*соціальной революціи*.

ГЛАВА III.

Побѣды суверенитета.

Въ знаменитую ночь 4 августа 1789 года средневѣковый феодализмъ Франціи сложилъ свое оружіе къ ногамъ народнаго суверенитета. Неограниченное „обладаніе“ частныхъ лицъ и церковныхъ корпорацій поземельной собственностью рухнуло, и земли ихъ перешли въ руки Національнаго Собранія, т. е. фактически въ руки верховной власти. Отобраніе земель было проявленіемъ соціальной мощи государства. Жакерія не способна была лишить феодаловъ наслѣдственныхъ правъ на землю. Но передъ *организованной* волей народа склонилась воля частныхъ лицъ. Вслѣдъ за этимъ земли были перепроданы правительствомъ хищнымъ скупщикамъ. Новая могучая соціальная сила, основанная на частномъ произволѣ, получила изъ рукъ государства земельный фондъ страны. Иными словами, частная собственность на землю и „неприкосновенность“ этого частнаго права возстановились съ еще большей силой. Но несмотря на все это, былъ моментъ, когда государство какъ верховный властелинъ нарушило неприкосновенность частныхъ привилегій. Первый декретъ ночи 4 августа гласилъ:

„ Національное собраніе цѣликомъ и совершенно отмѣняетъ весь феодальный режимъ и постановляетъ, что изъ всѣхъ феодальныхъ и ленно-податныхъ правъ и обязанностей, тѣ, которыя относятся къ сферѣ дѣйствительной или личной „мертвой руки“ или личныхъ сервитутовъ, упраздняются безъ всякаго вознагражденія“.

На этотъ одинъ историческій моментъ неприкосновенность частной собственности была уничтожена. И съ послѣдующаго же момента началась со стороны угнетенныхъ господствомъ частнаго произвола непримиримая борьба противъ буржуазныхъ формъ частной собственности. Первой вспышкой ея во Франціи была попытка осуществить коммунистическую доктрину Бабефа, т. е. такъ называемый „Заговоръ равныхъ“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ рухнули и цеховые порядки. Суверенитетъ народа, признанный Національнымъ Собраніемъ, далъ силу фран-

пузской націи сбросить съ себя множество феодальныхъ путъ. Наконецъ, онъ—и только онъ—далъ народу возможность подчинить отвѣтственности передъ собой даже личность носителя верховной власти, короля. Отрѣшеніе Людовика XVI отъ власти и заключеніе его подъ стражу было декретировано Національнымъ Собраніемъ 10 августа 1792 года. Но Собраніе было только исполнительнымъ органомъ народнаго суверенитета и осуществило волю народа, высказавшуюся въ общенародномъ возстаніи того же дня. Съ одной стороны, сконцентрированная сила народа, съ другой стороны, формулировка его воли исполнительнымъ органомъ—таковы были признаки проявленія народнаго суверенитета. Такими именно—необходимыми и достаточными—являются эти два признака и въ системѣ Руссо.

Исполнительная власть перешла въ руки Конвента. Конвентъ не узурпировалъ верховной власти народа и, выработавъ демократическую конституцію 1793 г., передалъ текстъ ея на утвержденіе народа. Результаты плебисцита,—принятіе текста конституціи 1801918 голосовъ противъ 11610 [1])—показываютъ, что Конвентъ былъ вѣрнымъ выразителемъ народной воли. И этотъ Конвентъ декретомъ отъ 7 марта 1793 года вторгся въ святая святыхъ частнаго права и разбилъ одинъ изъ устоевъ феодальной собственности, уничтоживъ правомочіе закрѣплять наслѣдованіе за своими потомками по прямой линіи. Въ январѣ 1794 года Конвентъ издалъ законъ, отмѣняющій силу всѣхъ произвольныхъ частныхъ завѣщаній, составленныхъ съ 14 іюля 1789 г., и во всѣхъ указываемыхъ случаяхъ установилъ раздѣлъ наслѣдства на равныхъ доляхъ между естественными наслѣдниками по прямой и боковымъ линіямъ. Въ этихъ юридическихъ актахъ народовластіе осуществляло то, чего не могли въ своихъ интересахъ добиться жертвы средневѣковаго феодализма. Въ этихъ актахъ политическая власть вторгалась въ область соціальныхъ отношеній, ограничивая власть имущихъ въ интересахъ неимущихъ. Та же власть и сила, очевидно, могла бы пойти дальше и совершенно отмѣнить частное право наслѣдованія. Могла бы!—если бы народный суверенитетъ не зависѣлъ отъ соціально-экономическихъ производственныхъ отношеній. Верховная власть народа отмѣнила только то, что уже стѣсняло *большинство* народа. Конвентъ былъ мелко-буржуазенъ, какъ мелко-буржуазно было

---

[1]) Оларъ „Политическая Исторія Французской революціи“. Изданіе Скирмунта, стр. 373.

тогдашнее большинство французской націи. А господство большинства надъ меньшинствомъ есть біологическій законъ, властвующій надъ человѣческимъ обществомъ. Только этотъ законъ ограничиваетъ результаты дѣйствій народнаго суверенитета въ разрѣшеніи соціальныхъ задачъ. Но тотъ же самый законъ и обезпечиваетъ пролетаріату побѣду надъ произволомъ частной эксплоатаціи въ концѣ того пути развитія, по которому съ возрастающей быстротой идетъ капиталистическое буржуазное общество.

Конвентъ подчинилъ уплатѣ прямого налога лицъ привилегированныхъ классовъ. То, отъ чего всегда умѣлъ уклоняться правящій классъ—самообложеніе прямымъ налогомъ, то *буржуазный* Конвентъ принужденъ былъ взвалить на плечи своего класса, потому что онъ подчинялся суверенитету народа. Но прогрессивно-подоходнаго налога мелко-буржуазная нація уже не требовала отъ своихъ представителей, и голоса немногихъ защитниковъ этого проекта въ странѣ и въ Конвентѣ были заглушены. Одновременно съ установленіемъ прямого налога произошла *отмѣна косвенныхъ налоговъ*, соляного налога, налога на вино, табачной монополіи внутреннихъ пошлинъ и октруа.

Въ шумѣ и трескѣ исторіи правительствъ, провозглашеній ихъ власти и низверженій ихъ, созывовъ и распущеній представительныхъ учрежденій, въ пестротѣ уличныхъ демонстрацій враждебныхъ и дружественныхъ правительствамъ, наконецъ, среди геройствъ и жертвъ баррикадныхъ боевъ проходятъ мало замѣтными законодательные акты, касающіеся экономическихъ отношеній. И тѣмъ не менѣе они составляютъ душу революціонныхъ и контръ-революціонныхъ движеній. Они влекутъ за собой паденіе „сильныхъ" и побуждаютъ массу выдвигать имъ преемниковъ. Они же доводятъ до борьбы съ оружіемъ въ рукахъ. И на этихъ именно законодательныхъ актахъ какъ нельзя лучше сказывается природа того или иного законодателя. Статуты и ордонансы королей были сметены первымъ же проявленіемъ суверенитета народа. А обложеніе прямымъ налогомъ меньшинства привилегированныхъ не поколебало силы революціоннаго правительства. И это потому, что въ первомъ случаѣ отмѣняло ограниченія, а во второмъ устанавливало ихъ *правительство, опиравшееся на суверенную волю народа*. Обратное этому мы видимъ въ революціи 1848 года. Правительство, поставленное у власти побѣдой парижскаго пролетаріата, декретировало увеличеніе на 45 сантимовъ каждаго франка четырехъ главныхъ налоговъ. И пролетарская республика была раздавлена пестрымъ шу-

томъ исторической сцены, Наполеономъ III,—въ большой мѣрѣ благодаря этимъ фискальнымъ мѣропріятіямъ. Противъ нихъ возстало *крестьянство*, передъ которымъ, по словамъ К. Маркса, „республика предстала въ лицѣ сборщика податей [1])“. Раздираемый борьбой классовъ и подклассовъ, французскій народъ половины девятнадцатаго столѣтія не способенъ былъ къ проявленію суверенной воли. И хотя плебисцитъ, выдвинувшій на дорогу къ престолу Наполеона III, былъ только выраженіемъ случайнаго компромисса между буржуазными фракціями, но за революціоннымъ правительствомъ пролетаріата не было силы большинства, и оно пало, несмотря на то, что правительство это было сильно своимъ единодушіемъ, рѣшимостью и недавней пролетарской побѣдой. Поэтому крестьянство большинствомъ своихъ голосовъ рѣшило окончательное низверженіе февральскаго режима.

Въ Великую французскую революцію народъ завладѣлъ всѣми орудіями общественной власти: правительствомъ, судомъ, арміей. Но не этотъ захватъ орудій власти опредѣлилъ собой побѣду новаго общественнаго строя надъ феодальнымъ. Ни въ 1848 г., ни въ 1871 г. захватъ власти въ Парижѣ силами, враждебными капиталистическому строю, не повлекъ за собой крушенія этого строя, несмотря на то, что орудія власти были въ рукахъ пролетаріевъ. Почему? Эту разницу въ результатахъ аналогичныхъ событій можно, конечно, объяснить зрѣлостью соціальныхъ условій для осуществленія *буржуазнаго строя* на рубежѣ девятнадцатаго вѣка и незрѣлостью производственныхъ отношеній средины и конца девятнадцатаго вѣка для выполненія соціальнаго переворота въ буржуазномъ обществѣ. Но этимъ еще далеко не все сказано. Соціальный прогрессъ не совершается ни автоматически, ни даже мирно-эволюціонно. Силы прошлаго олицетворяются въ кадрахъ реакціи. Они страстно, физически борются за сохраненіе отжившихъ формъ. И массы, которымъ при этой борьбѣ приходится затрачивать громадную активную энергію и приносить тягостныя жертвы, должны знать, что нужны еще другія *необходимыя* условія переворота: революціонная борьба и работа надъ установленіемъ новаго строя. Безспорно, что эти два условія зависятъ отъ перваго, въ силу *необходимости* перваго. Правильно будетъ сказать, что эти факторы соціальныхъ переворотовъ являются только обратной стороной перваго, такъ какъ окончательные результаты рево-

---

[1]) „Классовая борьба во Франціи“ К. Марксъ.

люціонной и учредительной работы соотвѣтствуютъ результатамъ процесса созрѣванія соціальныхъ условій. И тѣмъ не менѣе, намъ чрезвычайно важно свести рѣшеніе проблемы къ этимъ двумъ послѣднимъ факторамъ, такъ какъ наша задача—найти формулу человѣческой дѣятельности въ соціальномъ переустройствѣ общества. Итакъ, сравнимъ роль обоихъ указанныхъ элементовъ переворота въ революціяхъ 1789, 1848 и 1871 годовъ.

Въ сравниваемыхъ нами случаяхъ, дѣйствительно, есть и то и другое: и революціонная, и учредительная работа революціоннаго народа. Въ нихъ мы и будемъ искать причинъ неодинаковой успѣшности всѣхъ трехъ революцій. Однако же затрата революціонной энергіи массъ въ 1848 и 1871 году не меньше, а въ нѣкоторомъ смыслѣ и больше такой затраты 1789—1793 годовъ. Борьба и оборона Парижа въ 1871 году безпримѣрна въ исторіи. И тѣмъ не менѣе завѣтныя цѣли пролетарскихъ массъ, несмотря на *физическое могущество* рабочихъ легіоновъ, не были достигнуты. А разрушеніе пустой, старой башни въ сѣверо-восточной части Парижа въ 1789 году повлекло за собой стремительное, катастрофическое разрушеніе тысячелѣтняго средневѣковья. Стало быть, и не въ революціонной энергіи кроется историческое различіе. Очевидно, причины его таятся въ третьемъ составномъ элементѣ всѣхъ трехъ переворотовъ: въ учредительной работѣ революціоннаго народа. И очевидно, рѣшающимъ явилось политическое содержаніе общей по формѣ, но различной по своей внутренней природѣ *учредительной власти*. Политическимъ содержаніемъ Національнаго Собранія и Конвента былъ *народный суверенитетъ*. Въ 1848 году, какъ мы указали, учредительная работа досталась въ руки представительнаго собранія, которое не опиралось на народный суверенитетъ. Не опиралась на народный суверинитетъ и парижская Коммуна. Именно на этомъ былъ основанъ безпощадный приговоръ исторіи надъ этими революціями. „Горе іюню![1])“—Горе геройской Коммунѣ, надъ которой буржуазные „порядокъ, справедливость и цивилизація“, по словамъ Тьера,—„одержали окончательную побѣду“.

Итакъ, въ самыхъ общихъ и бѣглыхъ чертахъ исторія французскаго государства въ восемнадцатомъ и девятнадцатомъ вѣкахъ представляется намъ въ такомъ видѣ. Государственность приняла впервые форму народнаго суверенитета въ дни великой борьбы съ

---

[1]) К. Марксъ. „Классовая борьба во Франціи“. Пер., изд. Буревѣстникъ. стр. 45.

феодализмомъ, въ 1789—1791 гг. Но суверенная воля народа распалась въ актѣ установленія частной собственности, послѣ чего носители верховной власти заняли во многихъ вопросахъ частно-правовую позицію представителей класса. Монументомъ Имперіи былъ придавленъ трупъ народнаго суверенитета. Послѣдующими порывами народа къ суверенитету были только короткіе періоды народныхъ возстаній 1848 и 1871 г. Но въ эти годы соціальная дифференціація дробила народъ сильнѣе, нежели въ 1789 году. Въ Великой революціи третье сословіе вмѣстѣ съ крестьянствомъ составляло силу, преобладающую надъ феодальными сословіями. Въ 1848 и 1871 гг. нація была раздроблена на враждующіе между собой классы. Въ физической борьбѣ перевѣсъ оказался на сторонѣ пролетаріата, суверенная власть была узурпирована имъ, но учредительное собраніе опиралось на относительное большинство активныхъ элементовъ. Поэтому характеръ его по отношенію ко всему народу былъ диктаторскій. Когда же въ плебисцитѣ высказалась нація, призракъ суверенитета рушился. 1871 годъ породилъ *мѣстную* диктатуру, которая потонула въ массѣ равнодушныхъ или враждебныхъ элементовъ народа. И учредительная работа „*мѣстнаго*“ сувереннаго собранія, *Коммуны*, погибла отъ руки контръ-революціи.

Какъ бы то ни было, революціонные перевороты всегда были моментами сплоченія народныхъ массъ въ борьбѣ противъ гнета частнаго произвола, въ стремленіи къ проявленію народной суверенной воли.

Мы видѣли, что теоретики синдикализма не замѣчаютъ на всемъ протяженіи исторіи государственности ни одного положительнаго явленія въ дѣйствіяхъ государства. Но какъ они могутъ видѣть эти положительныя стороны государственности, разъ они въ своемъ изслѣдованіи игнорируютъ революціонные періоды? Они дѣлаютъ это на томъ основаніи, что революція, *по своимъ результатамъ*, будто бы консервативна. Что можетъ быть нелѣпѣе подобнаго отношенія къ вопросу. Вѣдь революція какъ самостоятельное историческое явленіе развивается по своимъ особымъ внутреннимъ законамъ и проходитъ свой полный циклъ. Поэтому нельзя судить о внутреннихъ свойствахъ ея, не изучая революціоннаго процесса по существу его. Конечно, юристъ, для котораго существуетъ только процессъ развитія юридическихъ нормъ, въ правѣ на протяженіи вѣковъ игнорировать въ немъ частныя пертурбаціи, не оставившія по себѣ особенно крупныхъ результатовъ. Но по-

добное отношеніе къ дѣлу непростительно со стороны соціолога, который долженъ вскрыть передъ нами корни права. Онъ не смѣетъ уклоняться отъ изслѣдованія періодовъ оживленнаго, *учредительнаго* законодательства революцій, какъ бы коротко ни было существованіе нормъ революціоннаго права.

Но, кромѣ того, совершенно невѣрно то утвержденіе, будто бы революціи не оставляли по себѣ прочныхъ законодательныхъ нововведеній. И менѣе всего это вѣрно по отношенію къ Великой французской революціи [1]). Развѣ громадная работа по объединенію нормъ гражданскаго права была произведена не Великой революціей? А не является ли она крупнымъ, безвозвратнымъ шагомъ по пути отъ полнаго произвола къ нѣкоторой, хотя бы только формальной, организаціи соціальныхъ отношеній? Затѣмъ, развѣ не уцѣлѣли многія изъ ограниченій частнаго произвола въ наслѣдственныхъ отношеніяхъ? Вѣдь эти ограниченія, установленныя Конвентомъ, пережили въ большинствѣ случаевъ эпоху имперіи, реставраціи, іюльской монархіи и даже второй имперіи. Развѣ уголовное уложеніе и уголовный процессъ, доставшіеся Революціи отъ Людовиковъ, хотя и въ кодифицированномъ видѣ, но съ чисто варварскимъ содержаніемъ, не подверглись самому коренному преобразованію въ гуманитарномъ духѣ, все въ томъ же 1789 г.? Вспомните ужасы уголовнаго судопроизводства дореволюціоннаго времени (хотя бы изъ адвокатской практики Вольтера) и оцѣните ту силу, которая смела ихъ въ теченіе одного года!

Мы, конечно, не будемъ утверждать, будто бы Революція ничего не заимствовала отъ эпохи Людовиковъ. Нѣсомнѣнно, что Людовики первые посягнули на произволъ землевладѣльцевъ, обложивъ помѣстія *цензомъ*. И въ этомъ отношеніи Революція, послѣ знаменитаго порыва впередъ въ моментъ отмѣны феодальнаго права, пошла въ соціальномъ отношеніи даже назадъ, установивъ принципъ *аллодіальности* земли, т. е. независимости ея отъ государства. Равнымъ образомъ исторической заслугой Людовика XVI являются и его ордоннансы объ отмѣнѣ неправильно учрежденныхъ судовъ (1788 г.). Но всѣ эти факты только подтверждаютъ то, что даже зачаточная форма государственности, суверенитетъ французскихъ королей, уже проявлялъ нѣкоторую соціальную силу въ модификаціи соньоріальнаго произвола. А народный суверенитетъ Революціи пошелъ несравненно дальше по этому пути.

---

[1]) Ниже мы пользуемся данными, которыя установлены П. Віолле въ статьѣ: „Французское законодательство въ эпоху Революціи“.

Сорель склоненъ видѣть расцвѣтъ „свободы“ въ дореволюціонномъ развитіи ассоціацій. Но надо только вспомнить, что многія изъ нихъ носили соціально-реакціоный характеръ, что всѣ онѣ были только проявленіемъ частно-правовыхъ притязаній противъ абсолютизма, также постоянно склонявшагося къ частно-правовому произволу. И не онѣ въ своей оппозиціи королю разрушили абсолютизмъ и феодализмъ, а—народный суверенитетъ Революціи, съ которымъ въ 1700—1791 гг. онѣ такъ неудержимо стремились слиться.

Сорелю, можетъ быть, *не нравится* характеръ нѣкоторыхъ преобразованій! Его соціальный утопизмъ можетъ, напримѣръ, считать *реакціонной* мѣрой Конституанты ея постановленіе (3 октября 1789 г.) о законности бывшихъ запрещенными ссудъ подъ проценты. Но мы далеко бы зашли, если бы принимали за историческую дѣйствительность субъективное отношеніе отдѣльныхъ лицъ или даже массъ къ историческимъ явленіямъ. Пусть себѣ Сорель проповѣдуетъ и примѣняетъ этотъ методъ сужденій о прошломъ на основаніи новѣйшаго опыта. Мы придерживаемся историческаго мѣрила и признаемъ относительную прогрессивность даже и въ этомъ актѣ отмѣны феодальнаго ограниченія обмѣна стоимостей.

Нельзя, конечно, отрицать того, что реакціонное движеніе въ различныхъ областяхъ соціальной жизни вскорѣ уничтожило многія изъ установленныхъ Революціей законодательныхъ нормъ. Но это явленіе можетъ только подтвердить все сказанное нами о соціальной мощи народнаго суверенитета, такъ какъ успѣхъ реакціи всегда и вездѣ былъ процессомъ распаденія суверенитета, побѣдой частно-правовыхъ притязаній надъ революціонно-публичными. Такъ напримѣръ, реакціонное теченіе въ земельной реформѣ началось (въ 1795 г.) сразу съ двухъ сторонъ: со стороны лицъ, подвергнувшихся отобранію земли и со стороны государственной власти, которая, завладѣвъ имѣніями эмигрантовъ и духовенства, сдѣлалась жертвой своихъ собственныхъ законовъ и отчасти усвоила себѣ частно-правовую точку зрѣнія. Также реакція въ наслѣдственномъ правѣ исходила изъ частно-правовыхъ притязаній отцовской власти.

Только благодаря этимъ реакціоннымъ теченіямъ революціонное законодательство искажалось, а иногда и безслѣдно исчезало. Но могутъ ли эти теченія быть отнесены къ числу факторовъ революціи? Нѣтъ. Противоположность ихъ частно-правовой природы публично-правовой природѣ революціоннаго законодательства обнару-

живаетъ ихъ *чуждый* революціи характеръ. Онѣ, по современному опредѣленію *контръ-революціонны*. Не характеризуя революціи *прямо*, онѣ тѣмъ болѣе характеризуютъ ее *косвенно*. И характеристика эта подтверждаетъ наше утвержденіе относительно творческихъ силъ революціонно-публичнаго дѣйствія. Даже и въ томъ случаѣ, когда контръ-революціонная побѣда сильна, отъ революціи сохраняется нѣкоторый остатокъ положительныхъ пріобрѣтеній соціальнаго характера. Сорель же относитъ ихъ не на счетъ революціи, а на счетъ эволюціи правовыхъ нормъ. И на этомъ-то основаніи онъ утверждаетъ, что революція ничтожна по значенію или консервативна!

Революціи несомнѣнно являются мощными порывами народовъ впередъ по пути соціальнаго прогресса. Великая Революція по объективнымъ условіямъ своего возникновенія является наиболѣе мощной, наиболѣе богатой результатами. Она потому ниспровергла феодальный произволъ, что производительныя силы буржуазнаго производства переросли феодальные производственныя отношенія. И это же объективное обстоятельство породило возникновеніе народнаго суверенитета. Народный суверенитетъ явился факторомъ исторіи на такой ступени развитія производительныхъ силъ, которая оказалась достаточной для осуществленія новаго строя. Но установившійся капиталистическій строй породилъ во имя самосохраненія страшную реакцію противъ проявленій суверенной воли народа. Началось разложеніе государственности, началось побѣды частнаго права надъ революціонно-публичнымъ и перерожденіе государственной власти въ частно-правовой, классовый институтъ. И вотъ эту-то эволюцію, дѣйствительно непрерывную со времени борьбы корпорацій съ абсолютизмомъ, „синдикалисты“ считаютъ истиннымъ и неизмѣннымъ путемъ въ царство *абсолютной свободы*! Намъ предстоитъ рѣшить, правъ ли „синдикализмъ“ въ этихъ своихъ утвержденіяхъ.

ГЛАВА IV.

Побѣды частнаго права.

Основой буржуазнаго строя надо считать такъ называемое „право *частной* собственности“, скрѣпленное гарантіей неприкосновенности. Оно является центромъ всей современной соціальной системы, точно такъ же, какъ право собственности являлось центромъ соціальной формулы народнаго суверенитета у Руссо. И эта „неприкосновенная“, политически-дѣвственная „частная собственность“ родилась отъ грѣхопаденія революціонной буржуазіи 1789 г., которая отдалась народному суверенитету и, нарушивъ „неприкосновенность“ частнаго права феодальныхъ собственниковъ, произвела на свѣтъ современное намъ „право собственности“. Но порожденіе капиталистическаго строя такъ мало похоже на тотъ идеалъ, который рисовался воображенію Руссо, этого борца противъ всѣхъ проявленій „частнаго права“, частнаго произвола! Онъ хотѣлъ видѣть эту „собственность“ въ формѣ „*общественнаго* имущества“, довѣряемаго государствомъ на храненіе гражданамъ. А она сдѣлалась *частнымъ* имуществомъ, стеречь которое обязана государственная власть. Въ его время можно было мечтать о надѣленіи *собственностью* — даже на землю—всѣхъ гражданъ. И его умственному взору собственность рисовалась, какъ субъективное *право* гражданина, въ силу котораго *каждый* гражданинъ властенъ требовать надѣленія его поземельной и другой собственностью. Такъ что по терминологіи Руссо современная форма собственности могла бы подойти только подъ названіе „произвольнаго обладанія“.

Буржуазное право собственности ограждается *уголовными* законами, наказующими кражу. Въ этомъ отношеніи оно есть какъ бы публичное право. Но съ другой стороны отношенія собственности нормируются гражданскимъ правомъ. Это противорѣчіе разрѣшается, если принять во вниманіе *частно-правовую* природу современной государственной власти.

При такихъ условіяхъ самое опредѣленіе права собственности, какъ публичнаго *права*, мыслимо только съ эгоцентрической точки

зрѣнія буржуазнаго законодателя, т. е. буржуазіи. Съ объективной точки зрѣнія, по принципу id quod plerumque fit, право собственности на орудія производства и землю, является не чѣмъ инымъ, какъ *ограниченіемъ* большинства населенія въ правахъ. И вотъ это ограниченіе было положено революціонной буржуазіей Франціи въ основу созидаемаго ею новаго строя. Въ историческій день упраздненія королевской власти — 21 сентября 1792 года — наканунѣ провозглашенія первой республики, Конвентъ, прежде чѣмъ совершить переворотъ въ формѣ правленія, положилъ краеугольный камень фундамента новаго строя. Въ началѣ историческаго засѣданія былъ поднятъ вопросъ о „собственности". Дантонъ сказалъ: „*Объявимъ, что всякая земельная, личная и промышленная собственность будетъ всегда поддержана*". Это было еще не ясно. Вслѣдъ затѣмъ Конвентъ единодушно декретировалъ, что „*личность и собственность находятся подъ охраной націи*". Это было уже двусмысленно. Но бурное развитіе производственныхъ, соціальныхъ и политическихъ отношеній быстро придало историческому декрету безстыдно-ясный смыслъ: массы могутъ умирать съ голода передъ картиной пиршества тунеядцевъ! — Государство не допуститъ несчастныхъ посягнуть на „неприкосновенность" чужого избытка.

Такимъ образомъ, носители верховной власти народа заняли въ актѣ установленія частной собственности частно-правовую позицію. Но это мы узнаемъ только путемъ поздней абстракціи. Современникамъ же Великой революціи сознаніе этого было чуждо. Народъ-суверенъ по природѣ своей былъ буржуазенъ. Новой формой наслѣдственнаго права онъ прежде всего закрѣпилъ за собой въ болѣе равномѣрномъ распредѣленіи добро, захваченное предками. А затѣмъ низкій уровень накопленія богатствъ, относительная скудость средствъ, недовѣріе къ опекѣ и стремленіе къ обогащенію — не позволили ему допустить регулярное вмѣшательство власти въ его хозяйство. Къ тому же формула: *do ut des* казалась верхомъ равенства и справедливости. Наемные рабочіе, которые, по этой формулѣ, получали низкую стоимость своихъ рабочихъ рукъ въ обмѣнъ на болѣе высокую стоимость продукта своего труда, — были еще малочисленны. Протесты противъ новыхъ основъ общества — напримѣръ, „Заговоръ равныхъ" — были безпощадно подавлены. И титаны революціи съ сознаніемъ святости своихъ дѣйствій утвердили *свободу частнаго договора*. Въ субъективномъ своемъ представленіи, они этимъ ограждали личность отъ феодальныхъ формъ гнета.

Земельный фондъ, переданный суверенной волей народа въ руки революціоннаго правительства, былъ овеществленіемъ этой суверенной воли. Но въ слѣдующій затѣмъ моментъ революціонное правительство, исполнявшее волю народа-суверена, перепродало земли скупщикамъ по дешевой цѣнѣ. Государственный земельный фондъ, овеществленный суверенитетъ государства, былъ *проданъ* по дешевой цѣнѣ. Іуда предалъ своего Господа за 30 серебренниковъ. Но этому Іудѣ не было надобности обрекать себя на самоубійство по примѣру библейскаго Іуды. Народная совѣсть того времени не требовала этого. Правительство гордо выполнило этотъ актъ подчиненія новому „мѣновому" закону собственности. Въ глазахъ мелко-буржуазнаго общества оно совершало реализацію суверенныхъ правъ народа. Осуществленіе и охрана законовъ торговаго обмѣна казалась осуществленіемъ и охраной народнаго верховенства. Каждый *могъ* купить себѣ благосостояніе! Каждый *имѣлъ право* сдѣлаться милліонеромъ!

Впрочемъ, историческая сущность этого акта и всего новаго строя не замедлила обнаружиться. Всенародный суверенитетъ, преданный общественной властью *капиталу*, былъ обреченъ на казнь. И къ могилѣ его была поставлена крѣпкая стража военной и полицейской силы для того, чтобы стеречь идею народнаго суверенитета отъ похищенія ея народомъ. Декларація правъ человѣка и гражданина была „задернута покрываломъ". А между тѣмъ ростовщическій капиталъ въ лицѣ земельныхъ скупщиковъ съ громаднымъ барышомъ распредѣлилъ „цѣну крови" народнаго суверенитета,—земли, между наслѣдственными собственниками. Пролетаріи, не имѣвшіе соотвѣтственнаго эквивалента, не сдѣлались участниками новой формы народнаго суверенитета. Суверенная власть государства была *унаслѣдована* имущественнымъ классомъ и превратилась въ господство этого класса.

Съ точки зрѣнія теоріи народнаго суверенитета чрезвычайно важнымъ для характеристики послѣдующей верховной власти Франціи является декретъ Конвента отъ 18 марта 1793 года. Этотъ единодушно вотированный декретъ гласитъ: „Національный Конвентъ назначаетъ смертную казнь всякому, кто предложитъ аграрный или какой-либо другой] законъ, подрывающій земельную, торговую или промышленную собственность". Этотъ чудовищный декретъ былъ смертнымъ приговоромъ народовластію. Руссо говоритъ: „безсмысленно, чтобы воля налагала на себя цѣпи относительно будущаго". Лассаль повторяетъ то же самое въ юридической

формѣ: „Каждый долженъ знать, что нельзя даже мысленно представить себѣ такого права, которое навѣки исключало бы верховный суверенитетъ государства во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно предъявляетъ къ отдѣльнымъ личностямъ опредѣленныя обязательства въ интересахъ общественнаго цѣлаго. („Система пріобрѣтенныхъ правъ“). Безусловное повиновеніе народа, по Руссо, есть самоотреченіе отъ верховенства. „Какъ только появится повелитель, нѣтъ больше верховнаго властелина“. Конвентъ несомнѣнно явился такимъ повелителемъ, коль скоро онъ абсолютно воспрещалъ даже иниціативу законовъ, направленныхъ противъ собственности.

Дальнѣйшая политическая исторія Франціи съ желѣзной необходимостью слѣдовала изъ этого органическаго измѣненія въ природѣ верховной власти страны. Фактическое отстраненіе народа отъ участія въ верховной власти вызвало необходимость политической организаціи классоваго господства. Конституція 1793 года, созданная въ возстаніи 10 августа этого года новымъ порывомъ народа къ верховенству, не была введена. Но и она не установила бы этого верховенства, такъ какъ была пропитана противорѣчіями капиталистическихъ отношеній и опять-таки брала подъ свою охрану частную собственность. Она провозгласила независимость торговли и промышленности отъ государственной власти. Органы общественной власти отстранялись отъ управленія экономическими отношеніями населенія. И при всемъ томъ это была лучшая изъ конституцій, порожденныхъ Великой революціей. Она создавала кое-какія гарантіи народоправленія, провозглашала, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ „право на трудъ“ и „право возстаній“. Фактически же, вмѣсто этой не введенной конституціи, установилась самая широкая свобода частно-правовыхъ отношеній безъ какихъ бы то ни было публично-правовыхъ гарантій для эксплуатируемыхъ.

И началась жестокая борьба частныхъ, групповыхъ, классовыхъ интересовъ. Былъ еще одинъ порывъ гражданъ къ установленію народнаго суверенитета. То было возстаніе бабувистовъ или такъ называемый „заговоръ равныхъ“. Онъ потерпѣлъ неудачу. Еще разъ Конвентъ употребилъ авторитетъ народнаго суверенитета, введя (декретомъ отъ 6 января 1794 г.) новыя и послѣднія ограниченія феодальныхъ наслѣдственныхъ правъ. Но этимъ уже на долгіе годы закончились проявленія суверенной воли и власти народа въ области соціальныхъ отношеній. Продолжалась только

эксплоатація авторитета народовластія со стороны правительствъ, которыя на дѣлѣ возродили многія худшія стороны абсолютизма и придавали государственной власти все болѣе частно-правовой характеръ. Но за нихъ Революція уже не отвѣтственна.

Прежде всего 9-е термидора дало Франціи конституцію III-ьяго (1795) года. При обсужденіи ея текста только одинъ единственный голосъ (монтаньяра Суэ) раздался въ защиту суверенныхъ правъ народа на всеобщее избирательное право. Но защитники классоваго господства не хотѣли и думать о поблажкахъ народу въ его стремленіяхъ къ суверенитету. Въ основу конституціи были положены цензъ имущественный, цензъ осѣдлости и двухстепенное голосованіе въ законодательный корпусъ, а также высокій имущественный цензъ для пассивнаго избирательнаго права (обладаніе имущественнымъ доходомъ, равнымъ по цѣнѣ 200 рабочимъ днямъ). Отъ этой конституціи, а не отъ руки Наполеона, погибла Великая революція.

Установленіемъ ценза въ выборахъ законодательнаго корпуса и должностныхъ лицъ было завершено установленіе классоваго господства буржуазіи въ капиталистическомъ обществѣ. Дальнѣйшая политическая исторія Франціи протекаетъ въ пестрой смѣнѣ правительственныхъ формъ, но общій характеръ общественной системы остается все тотъ же: отсутствіе мощныхъ проявленій суверенной воли народа, если не считать революціонныхъ ея проявленій; неограниченное господство частнаго права въ области соціально-экономическихъ отношеній, т. е. такъ называемая „свобода торговли и промышленности“. Въ этой послѣдней области государственная власть беретъ на себя властную (уголовную) защиту однихъ только законовъ обмѣна стоимости и основаннаго на этихъ „естественныхъ“ законахъ частнаго договора о наймѣ. Но она абсолютно не вмѣшивается въ самый договоръ, признавая его „свободнымъ“. Иными словами пропитанная частно-правовыми тенденціями государственная власть санкціонируетъ частно-хозяйственный произволъ.

Въ то время какъ конституція 1791 года была направлена противъ притязаній на власть со стороны феодальнаго абсолютизма, тѣ же принципы „конституціонности“ и раздѣленія властей въ 1795 году были выдвинуты какъ оплотъ разгула частно-правовыхъ силъ противъ стремленій къ суверенитету со стороны народныхъ массъ. Точно такъ же измѣнилась роль и другихъ учрежденій и законовъ, порожденныхъ Революціей. Въ 1791 году Учредитель-

ное собраніе, осуществлявшее верховную волю народа ополчилось противъ частныхъ группировокъ внутри государственной организаціи. Защитникамъ идеи суверенитета всякая такая группировка прежде всего представлялась возрожденіемъ феодальнаго строя. Когда же революціонное представительство перестало опираться на сплоченное большинство народа, оно само заняло частно-правовую позицію, борясь со своими политическими соперниками (каковыми были, напр., бабувисты и гербертисты) и даже противясь чужимъ притязаніямъ на фактическое возстановленіе суверенитета. Со стороны тогдашней государственной власти нечего было ожидать заступничества за суверенитетъ, и гоненіе на коалиціи теряло свое прежнее значеніе. Но власть, конечно, не отказалась ни отъ одного изъ орудій господства, врученныхъ ей суверенной волей народа, и сдѣлала ихъ орудіями собственной классовой и даже просто партійной борьбы. Въ такомъ именно смыслѣ она воспользовалась и закономъ, запрещавшимъ коалиціи. Законъ этотъ, извѣстный подъ именемъ „La loi le Chapelier", и вотированный 14 іюня (1791 года) гласилъ: „Граждане одинаковаго состоянія или профессіи, предприниматели, торговцы, рабочіе и подручные какихъ бы то ни было ремеслъ не имѣютъ права сообща избирать предсѣдателей, секретарей, синдиковъ, вести книги, предпринимать рѣшенія или дебаты, составлять регламенты относительно своихъ воображаемыхъ общихъ интересовъ" [1]).

Теперь этотъ законъ, изданный противъ дореволюціонныхъ цеховъ и корпорацій, былъ направленъ противъ зарождавшихся профессіональныхъ пролетарскихъ союзовъ. Но спрашивается, даетъ ли это обстоятельство современнымъ „синдикалистамъ" право приписывать народному суверенитету Революціи деспотическія тенденціи? Никоимъ образомъ. Практика того періода, когда революціонная власть дѣйствительно опиралась на волю *массъ*, доказываетъ прямо противоположное. Эта практика доказала, что вопреки пессимизму Руссо, суверенная организація народа могла мирно уживаться рядомъ съ свободными союзами. Парижскія „секціи" не только не были страшны для революціонной власти, но даже слу-

---

[1]) Les citoyens de même état ou profession, les entrepreneurs, ceux qui ont boutique ouverte, les ouvriers et compagnons d'un art quelquonque ne pourront, lorsqu'ils se trouvent ensemble, se nommer ni président, ni secrétaires, ni syndics, tenir des registres, prendre des arrêtés ou délibérations, former des réglements sur leurs prétendus intérêts communs". (Art. 2-me de la loi).

жили широкой опорой ея. Клубы управляли Парижемъ, направляя мысли и дѣйствія правительства своими петиціями и демонстраціями. Они представляли собой громадную силу, но сила эта даже и въ оппозиціонной формѣ модифицировалась стремленіемъ націи къ суверенитету. Поэтому даже противъ радикально оппозиціоннаго объединенія демократовъ въ формѣ „Общества Неимущихъ" правительство принимало только частныя административныя мѣры, несмотря на то, что это республиканское Общество ставило себѣ цѣлью „борьбу съ новой аристократіей богатыхъ".

Но зато именно власть, принявшая полуфеодальный, классовый характеръ, власть имперіи, задушила свободныя ассоціаціи и синдикаты мертвой петлей loi le Chapelier. И несмотря на то, что пресловутая эволюція права, воспѣваемая теоретиками синдикализма, продолжалась, псевдо-публичный законъ нисколько не ослабѣвалъ. Осенью 1791 года подъ него подводятся сельскохозяйственные рабочіе. Чрезвычайно суровую формулировку законъ противъ коалицій получаетъ при Наполеонѣ I въ Уголовномъ Сводѣ (Code pénal, статьи 414, 415, 416). По первой изъ этихъ статей предприниматели караются тюремнымъ заключеніемъ до 6 мѣсяцевъ или денежнымъ штрафомъ за всякую коалицію, стремящуюся незаконно и злостно понизить заработную плату. По двумъ другимъ статьямъ рабочіе за всякую коалицію караются заключеніемъ въ тюрьмѣ до 3-хъ мѣсяцевъ, а вожаки и организаторы, какъ „подстрекатели" караются *тюрьмой до 5 лѣтъ*. Революція не отвѣтственна за этотъ жестокій законъ, напротивъ того, революція оставила ему въ наслѣдіе принципъ обоюдности по отношенію къ обѣимъ сторонамъ, заключающимъ договоръ о наймѣ. А чудодѣйственныя побѣды частнаго права не только не смогли поколебать его суровость, но напротивъ того повлекли за собой усиленіе каръ за коалиціи. Съ 1864 года тѣ же статьи закона грозятъ тюрьмой до трехъ лѣтъ и штрафомъ до 3000 франковъ всякому, кто „насиліями, дѣйствіями, угрозами или обманными способами" вызоветъ пріостановку работъ съ цѣлью повышенія или пониженія заработной платы или ограниченія „*свободы труда*". И если за весь этотъ свыше полувѣковой періодъ народъ временно возстановилъ для себя свободу союзовъ, такъ это было только въ дни революціонной диктатуры 1848 года. Только мощь организованной общественной власти создала оплотъ для дѣйствительной свободы союзовъ.

Прошелъ почти вѣкъ, пока наконецъ ростъ публично-правовой силы рабочаго класса не вырвалъ изъ рукъ своего врага, буржуаз-

ной государственной власти, орудіе своего угнетенія, запретъ союзовъ. Законъ 21 марта 1884 года призналъ свободу „синдикатовъ“, т. е. свободу профессіональнаго объединенія. Это было бѣгство отъ псевдо-публичныхъ полицейскихъ законовъ на опасный просторъ свободы частно-правовыхъ притязаній.

Къ чему же привелъ при этомъ процессъ развитія частныхъ силъ? Онъ сдѣлалъ *обоюдной* свободу объединенія классовъ въ ихъ борьбѣ за свои частные интересы и тѣмъ самымъ создалъ условія для развитія классовыхъ противорѣчій. „Синдикалисты“ идеализируютъ этотъ процессъ. Но оцѣниваютъ ли они объективное, соціальное значеніе побѣдъ частнаго права? Повидимому, имъ не чуждо сознаніе противорѣчивости этого пути прогресса. Ньель какъ мы видѣли, забывается до того, что, позабывъ святой принципъ *аполитизма*, клянетъ *обоюдность* свободы синдикатовъ и требуетъ отъ государства соціальной регламентаціи, ограниченія правъ предпринимателей. Но это только *святая простота* одного изъ искреннихъ и способныхъ теоретиковъ школы. Офиціальная же мудрость „революціоннаго синдикализма“ провозглашаетъ принципъ непогрѣшимости этого процесса.

„Синдикалисты“ видятъ въ побѣдахъ частнаго права надъ буржуазно-государственнымъ неудержимое крушеніе фундамента всяческихъ насилій, *государства*, а въ синдикатахъ—ячейки новой общественности. Дѣйствительно ли государственная власть вырождается, слабѣетъ, разрушается? Отвѣтъ на это можно найти въ изученіи метаморфозъ этой государственности во Франціи.

М. Лероа правильно отмѣтилъ, что буржуазная государственная власть все болѣе и болѣе теряетъ характеръ власти публичной. Парламентаризмъ, этотъ очагъ публичнаго права, переживаетъ если не періодъ паденія, то безспорнаго застоя. Въ средѣ дѣятелей парламентской арены возникаетъ мысль о самоограниченіи народнаго представительства. Фактически парламентъ становится *„дѣловой комиссіей“* при министерскихъ канцеляріяхъ. Но развѣ вмѣстѣ съ тѣмъ отмираетъ *принудительная* власть государства? Нисколько, — потому что принудительная власть остается въ рукахъ кабинета министровъ, а этотъ органъ власти вовсе не атрофируется, а наоборотъ, усиливается за счетъ отмиранія парламентаризма. М. Лероа, къ сожалѣнію, не дѣлаетъ этого послѣдовательнаго вывода изъ цѣнныхъ данныхъ своего же собственнаго изслѣдованія.

Самое содержаніе законодательнаго творчества измѣнилось. Оно

поглощено переработкой старыхъ запретительныхъ нормъ уголовнаго права въ регулирующія нормы гражданскаго права. Это также правильно отмѣчено правовѣдами синдикалистской школы, какъ торжество частно-правовой „свободы“, но не понятно съ ихъ стороны превознесеніе этого процесса, какъ торжества *соціальной* свободы. Вѣдь въ большинствѣ случаевъ дѣло сводится къ тому, что „дѣловая комиссія при всевластномъ кабинетѣ министровъ“ занимается разработкой преторскаго законодательства и кодификаціей обычнаго, частнаго права. Но вспомнимъ, что эти законодательныя нормы черпаются изъ отношеній найма, изъ области чудовищнаго произвола эксплоататоровъ, и что законодательство это находится подъ деспотическимъ руководствомъ буржуазныхъ министерствъ! Чему же тутъ радоваться? Чего можно ждать при дальнѣйшемъ развитіи этого процесса въ томъ же направленіи?

Ясно, что абсолютнаго разрушенія государственной власти не происходитъ. Она только все болѣе и болѣе утрачиваетъ свой публичный характеръ и становится исполнительной комиссіей организованной буржуазіи. Но и это можно отмѣтить только какъ сильную тенденцію, проводимую въ жизнь буржуазной демократіей, преемницей былого жирондизма. На ряду съ этимъ радикализмъ старается повторить процессъ пробужденія королевской власти, наблюдавшійся наканунѣ Великой революціи. Министерство Вальдека-Руссо и затѣмъ Клемансо воскрешаетъ „соціальную регламентацію“, этотъ суррогатъ публичнаго права въ области соціальныхъ отношеній. Это обстоятельство несомнѣнно укрѣпляетъ прочность государственной власти. Такимъ образомъ, пресловутой эволюціи нѣтъ. Власть ежеминутно способна вмѣшаться въ частноправовую борьбу классовъ въ интересахъ буржуазіи.

Синдикалисты хотятъ увѣрить массу въ безсиліи врага и приглашаютъ игнорировать его. Они утверждаютъ, что одновременно съ разложеніемъ старой власти, въ самихъ синдикатахъ растутъ элементы новой власти, которая просто, безъ столкновенія съ старой властью идетъ ей на смѣну. Они при этомъ проводятъ историческую аналогію между современнымъ ростомъ синдикатовъ и предреволюціоннымъ ростомъ коммунъ. На это мы ставимъ вопросъ: развѣ частная борьба коммунъ, оппозиція парламентовъ, даже деревенская *action directe* 1789 г., т. е. *жакерія*, привели къ крушенію феодализма помимо столкновенія съ абсолютизмомъ, минуя захватъ власти?—Какъ мы видимъ аналогія приводитъ къ заклю-

ченію, которое прямо противоположно утвержденіямъ синдикалистскаго аполитизма.

У синдикалистовъ на это есть одно возраженіе. Они говорятъ, что пути освобожденія буржуазіи отъ феодальнаго гнета не вполнѣ аналогичны съ путями пролетарскаго самоосвобожденія. И претендуя на доказательство особыхъ свойствъ пролетарскаго освободительнаго движенія они ищутъ въ „сорока годахъ“ рабочаго движенія новѣйшаго времени тѣ силы и субъективныя способности, которыя якобы создаютъ для пролетаріата возможность обойтись безъ *опаснаго* для *„свободы“* осуществленія суверенитета, и достигнуть „федералистическаго коммунизма“ при посредствѣ патентованнаго синдикалистами средства „всеобщей соціальной стачки“.

Въ опроверженіе этого теоретическаго притязанія намъ здѣсь придется заняться посильнымъ изученіемъ этихъ новыхъ формъ рабочаго движенія. Мы это постараемся выполнить въ слѣдующей части нашей книги.

ЧАСТЬ III. СОРОКЪ ЛѢТЪ РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ.

ГЛАВА I.

Стачечная борьба.

Послѣдній періодъ рабочаго движенія со времени основанія „Международнаго союза рабочихъ", т. е. съ 1864 г., это и есть тѣ „сорокъ лѣтъ рабочаго движенія", въ которыхъ „синдикалисты" предлагаютъ видѣть подтвержденіе синдикалистской доктрины и опроверженіе научнаго соціализма. Надо, впрочемъ, замѣтить, что сами они не берутъ на себя *трудъ доказательства* своей доктрины на подобномъ изученіи новыхъ формъ рабочаго движенія. Тѣмъ не менѣе марксистамъ нѣтъ никакой надобности уклоняться отъ вызова брошеннаго ими. И мы, съ своей стороны, здѣсь тоже сдѣлаемъ попытку въ общихъ чертахъ проанализировать „новые методы" классовой борьбы послѣднихъ десятилѣтій.

Прежде всего и главнымъ образомъ это была *стачечная борьба*. Именно поэтому эмпирическій „соціализмъ" синдикалистовъ увѣнчался теоріей всеобщей стачки. Стачка, по ихъ мнѣнію, есть одно изъ проявленій революціоннаго „прямого дѣйствія", а такъ называемая „всеобщая" экономическая стачка есть чудодѣйственное средство для освобожденія пролетаріата изъ-подъ власти капитала.

Являясь страстными поклонниками всего *чисто пролетарскаго*, „синдикалисты" старательно подчеркиваютъ *пролетарское* происхожденіе этого магическаго средства осуществленія соціальнаго переворота. „Идея всеобщей стачки родилась не въ тиши кабинетовъ",—такъ на разные лады повторяютъ свою излюбленную мысль популяризаторы доктрины, французы, итальянцы и русскіе. На языкѣ „синдикалистовъ" такая аттестація является самымъ высшимъ дипломомъ для проповѣдуемой идеи. Идея родилась въ головахъ массы—это значитъ, что идея эта есть элементъ *новаго* правосознанія, а стало быть, она обладаетъ силой осуществить соціалистическій строй. Такъ говорятъ „синдикалисты". Но мы, нераздѣляющіе ихъ слѣпого преклоненія передъ субъективнымъ

самосознаніемъ массъ, прежде всего поставимъ себѣ задачей провѣрить ихъ утвержденіе относительно такого *сверхъ-капиталистическаго* происхожденія этой идеи пассивнаго сопротивленія угнетенію.

Тутъ необходимо оговориться, что особое изученіе правовыхъ опредѣленій не обѣщаетъ намъ никакихъ откровеній въ изслѣдованіи формъ рабочаго движенія. И въ сущности говоря, для объективнаго изслѣдователя безразлично, какъ отражается въ головахъ пролетаріевъ ихъ дѣятельность и борьба съ точки зрѣнія правосознанія: относятся ли они къ своимъ поступкамъ практически, утилитарно, или же идеализируютъ ихъ, окружаютъ ореоломъ святости. Но нашей задачей является, между прочимъ, и борьба съ морализированіемъ пресловутой новой школой, съ ихъ манерой расцвѣчивать въ яркіе цвѣта тѣ явленія повседневной жизни, которыя имъ „синдикалистамъ", желательно рекламировать въ массахъ. Поэтому-то мы хотимъ прежде всего очистить понятіе „стачки" отъ идеалистической схоластики, и тогда легче будетъ разсмотрѣть и охарактеризовать это крупное явленіе современной классовой борьбы.

Стачка—явленіе старое. Оставляя въ сторонѣ обычную для сторонниковъ всеобщей стачки экскурсію на „священную гору" древняго Рима и въ еще болѣе древній Египетъ, мы, конечно, не можемъ обойти безъ вниманія довольно частыя стачки въ борьбѣ средневѣковыхъ городовъ съ свѣтской и духовной феодальной властью. Эта эпоха далеко не такъ ужъ чужда нашему времени. И вотъ въ этой соціальной борьбѣ средневѣковья мы видимъ, что стачки тогдашнихъ жертвъ экономической эксплоатаціи, т. е. подмастерьевъ и учениковъ, устраиваются не по ихъ собственной иниціативѣ, а усиліями *мастеровъ*, т.-е. ихъ непосредственныхъ эксплоататоровъ. Отъ этихъ своихъ хозяевъ средневѣковые *рабочіе* и переняли этотъ способъ борьбы. Однако, такое происхожденіе стачки не является вовсе плодомъ исключительныхъ условій феодальнаго времени. Въ 1842 году, напримѣръ, въ Манчестерѣ иниціаторами своего рода всеобщей стачки явились фабриканты. Желая добиться отмѣны „хлѣбныхъ законовъ" для того, чтобы понизилась и заработная плата, они въ опредѣленный день закрыли свои фабрики. Къ тому же прибѣгли парижскіе предприниматели въ 1848 году для того, чтобъ усилить общій кризисъ и захватить въ свои руки политическую власть[1]). Когда соціальная борь-

[1]) Эти свѣдѣнія приведены П. Лафаргомъ въ анкетѣ о всеобщей стачкѣ, устроенной Г. Лагарделлемъ.

ба изъ конфликтовъ съ властью превратилась въ столкновенія частно-хозяйственныхъ силъ, стачки хозяевъ не прекратились, а только видоизмѣнились. Капиталисты закрывали свои предпріятія во Франціи, Бельгіи, Англіи, съ исключительной цѣлью повысить цѣны путемъ сокращенія количества производимыхъ продуктовъ. Въ новѣйшее время въ виду нѣкоторыхъ препятствій къ этому со стороны общественнаго мнѣнія эти *стачки предпринимателей* или *„локауты“* осуществляются путемъ провоцированія рабочихъ на стачечную борьбу.

Такимъ образомъ, наша небольшая историческая экскурсія приводитъ насъ прямо къ типичному случаю современной стачки и открываетъ намъ, что одушевленные самыми благородными иллюзіями рабочіе часто могутъ быть только слѣпой игрушкой въ рукахъ циничныхъ спекулянтовъ пролетарскими жизнями.

Съ другой стороны, теоретиками современнаго рабочаго движенія совершенно въ сторонѣ отъ какой бы то ни было фракціонной полемики довольно единодушно установлена природа коалиціоннаго права, какъ права общаго для буржуазіи и пролетаріата. Авторъ „Теоріи стачки“, А. Салюччи [1]) говоритъ: „подобно тому, какъ производитель имѣетъ право снимать съ рынка свои товары, для того, чтобы возвысить на нихъ цѣну, точно такъ же и рабочій имѣетъ право при благопріятныхъ обстоятельствахъ отказываться отъ предложенія своихъ услугъ съ цѣлью получить болѣе возвышенную плату и добиться вообще лучшихъ условій труда“. Здѣсь право стачекъ приравнивается даже къ тому сомнительному съ точки зрѣнія всякой гуманитарной морали праву, какъ право спекуляцій на повышеніе цѣнъ. Оставляя на отвѣтственности автора его двусмысленное выраженіе, слѣдуетъ тѣмъ не менѣе отмѣтить обоюдность коалиціоннаго права и его *буржуазное* происхожденіе. Это, впрочемъ, раздѣляется даже и сочувствующимъ „синдикализму“ В. Тотоміанцемъ [2]). Даже „чистый синдикалистъ“ [3]), А. Нѣдровъ, сначала не находитъ возможнымъ оспаривать *буржуазное* происхожденіе коалиціоннаго права, а затѣмъ опредѣляетъ его какъ *„право на продуктъ своего труда“*; а это право вполнѣ доказательно было охарактеризовано К. Марксомъ, какъ *буржуазное* право. Итакъ, въ коалиціонномъ правѣ мы имѣемъ дѣло съ *бур-*

---

[1]) „La teoria dello sciopero“ A. Salucci. Genova, 1902; русскій переводъ въ изд. Коренева. СПБ. 1906 г.

[2]) Формы рабочаго движенія. В. Тотоміанцъ. Изд. Глаголева. СПБ. стр. 8.

[3]) Правда,—русскаго производства, школы В. Поссе.

жуазнымъ правомъ, а въ стачкѣ — нужно считаться съ данными объективными условіями, отъ которыхъ зависитъ реальный смыслъ ея, иногда жалкій, иногда важный и прогрессивный. Коалиціонное право есть *буржуазное* право. Тѣмъ лучше для пролетаріевъ, которые стало быть могутъ надѣяться на полную и скорую реализацію его! И въ силу того же вывода съ насъ снимается запретъ касаться этого священнаго атрибута синдикалистской доктрины.

Впрочемъ, *буржуазное* происхожденіе коалиціоннаго права еще не означаетъ того, что стачка не могла, развиваясь, выйти изъ границъ буржуазной правомѣрности коалицій и стать по природѣ разрушительной для существующихъ соціальныхъ отношеній. Это не противорѣчитъ и общимъ положеніямъ марксизма, который далеко не отрицаетъ діалектическаго развитія элементовъ современнаго строя. Именно по закону этого *діалектическаго* развитія современная стачка могла бы возымѣть революціонное дѣйствіе. Но ясно, что для разрѣшенія вопроса о революціонномъ или оппортунистическомъ теченіи стачки нельзя довольствоваться указаніемъ на то, что она есть „истинно-пролетарскій способъ борьбы", а нужно считаться съ ея реальной силой и ролью въ современныхъ производственныхъ отношеніяхъ. Поэтому едва ли можно согласиться съ „синдикалистами", которые опредѣляютъ природу стачки, независимо отъ ея результатовъ, по тому возбуждающему дѣйствію, которое она оказываетъ на психику вовлеченныхъ въ борьбу пролетаріевъ, порождая въ нихъ „боевое настроеніе",—*сознаніе своей силы* при удачѣ, *гнѣвъ* и *солидарность* при неудачѣ. Предоставимъ субъективистамъ и „эмпирикамъ" руководиться этимъ сомнительнымъ критеріемъ объективной революціонности стачки, а сами будемъ судить о ея соціальной силѣ *по ея результатамъ*. И прежде всего классифицируемъ извѣстныя намъ стачки въ зависимости отъ условій, въ которыхъ онѣ осуществлялись и результатовъ, которые онѣ имѣли.

Въ исторіи стачекъ ясно выдѣляются два типа таковыхъ. Къ первому типу относятся всѣ тѣ стачки, которыя происходятъ въ періоды максимальнаго *расцвѣта* промышленности. Въ этихъ случаяхъ сознательной цѣлью вожаковъ движенія, рабочихъ союзовъ и массы является увеличеніе нормы заработной платы или сокращеніе рабочаго дня за счетъ избыточной прибыли предпринимателей. Въ такіе періоды стачки почти всегда являются *наступательными*, такъ какъ предприниматели въ годы расцвѣта рѣдко сбавляютъ плату, и стало быть обороняться не приходится. И

вотъ эти то *активныя* стачки на дѣлѣ являются чрезвычайно *оппортунистическими*. Рабочій взвѣшиваетъ и размѣряетъ. Онъ оцѣниваетъ капиталистическія возможности проектируемой забастовки. Онъ копитъ деньги въ разсчетѣ на то, что средства потраченныя на стачку возвратятся сторицей въ повышенной заработной платѣ. Онъ борется за соотвѣтственное моменту распредѣленіе стоимостей между своимъ желудкомъ и несгораемымъ шкапомъ хозяина. Это даже и не борьба „за полный продуктъ труда". Стачечникъ нисколько не посягаетъ на законы капиталистическаго обмѣна и тѣмъ болѣе—производства. Онъ только вводитъ—устанавливаетъ *коллективный договоръ*, опираясь на *коалиціонное* право, словомъ—не выходя изъ рамокъ консервативнаго буржуазнаго права.

Ко второму типу относятся всѣ тѣ стачки, которыя происходятъ въ періоды наибольшаго угнетенія промышленности, въ годы кризисовъ. Происходящее въ такихъ случаяхъ пониженіе нормы годовой прибыли побуждаетъ капиталистовъ уменьшать заработныя платы. Рабочіе стремятся нарушить тотъ „естественный законъ" капиталистической нормы прибыли, котораго продолжаетъ придерживаться капиталистъ, уменьшающій заработную плату. Но и эта стачка тоже не можетъ быть названа *революціонной*, въ виду того, что она также не пытается разрушить обычныя отношенія найма и также стремится только къ поддержанію силы коллективнаго договора. Но зато она безспорно можетъ быть названа *оппозиціонной* въ виду тенденціи сопротивляться упомянутымъ „естественнымъ законамъ" нормы прибыли, капиталистическаго распредѣленія и т. д.

Нетрудно убѣдиться, что два указанные нами типа стачки дѣйствительно являются преобладающими. Пользуясь данными за послѣднія десятилѣтія минувшаго вѣка [1]), можно вывести для С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ слѣдующія среднія цифры за 14 лѣтъ съ 1880 г. по 1893 г. включительно: среднее количество стачекъ бывшихъ въ годы промышленнаго застоя составляетъ только *663 стачки* въ годъ за *семилѣтній* періодъ; среднее годовое за три года кризисовъ (1884, 1892 и 1893 г.г.) равно 1015 стачкамъ въ годъ; наконецъ, на каждый изъ четырехъ годовъ промышленнаго расцвѣта (1886, 1887, 1890 и 1891 г.г.) пришлось въ среднемъ по 1605 стачекъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что стачечная борьба въ годы кризисовъ обостряется почти

---

[1]) Здѣсь и ниже пользуемся таблицами, составленными А. Саллючи въ его „Теоріи стачки" для различныхъ странъ.

вдвое противъ обычной нормы; а оппортунистическія стачки періодовъ промышленнаго расцвѣта почти въ 2,5 раза многочисленнѣе обычныхъ стачекъ за равные промежутки времени и въ полтора раза многочисленнѣе оппозиціонныхъ стачекъ. Еще рѣзче оказываются эти контрасты, если сравнивать соотвѣтственныя числа рабочихъ, вовлекаемыхъ въ эти стачки. Словомъ, преобладающими типами являются именно эти указанныя нами *оппозиціонныя стачки*, а еще болѣе—стачки *оппортунистическія*. И каждый изъ нихъ заслуживаетъ болѣе близкаго ознакомленія съ нимъ.

Оппортунистическая стачка до такой степени преобладаетъ среди стачекъ другого характера, что ее принимаютъ за образецъ стачки вообще. Фр. Энгельсъ возводитъ взвѣшиваніе обстоятельствъ и выгодъ стачки въ основной принципъ стачечной борьбы. А. Салюччи говоритъ, что стачки *„въ томъ случаѣ, если онѣ начинаются въ благопріятные моменты и ведутся умѣло*, могутъ доставить выгоды побѣдителямъ и побѣжденнымъ и рабочимъ и хозяевамъ“ [1]). Исторія стачекъ не только подтверждаетъ это тактическое правило, но и дѣлаетъ его въ глазахъ изслѣдователя закономъ стачечной борьбы. И мы убѣждаемся, что стачки въ самомъ дѣлѣ *учащаются* и *развиваются* преимущественно въ *благопріятные* моменты. Приведемъ примѣры.

Очень поучительно сравненіе въ Сѣв.-Амер. Соединенныхъ Штатахъ стачечнаго періода 1886—1887 гг., т.-е. годовъ наибольшаго за десятилѣтіе промышленнаго расцвѣта, съ 1884 годомъ кризиса. Въ то время какъ на 1884 годъ пришлось минимальное количество стачекъ за все предыдущее пятилѣтіе—и къ тому же эта слабая борьба была встрѣчена наибольшимъ за тотъ же періодъ локаутнымъ отпоромъ хозяевъ,—два года расцвѣта дали больше стачекъ (2868), нежели предшествующіе пять лѣтъ, вмѣстѣ взятыхъ (2491 ст.). Предприниматели не сразу подчинились. Они отвѣтили на стачечную борьбу громаднымъ количествомъ (2790) локаутовъ. И тѣмъ не менѣе стачки проходили по свидѣтельству проф. Виржилія (Virgili) съ громаднымъ успѣхомъ. Затѣмъ наступаетъ періодъ промышленнаго застоя, и число стачекъ значительно сокращается. Но новый подъемъ промышленнаго благосостоянія (1890—1891 гг.) приноситъ съ собой и новую волну оппортунистическихъ стачекъ. Число ихъ (въ 1890 г.—1833 стачки) превосходитъ всѣ предыдущіе годовыя цифры, и однако же промыш-

---

[1]) „Теорія стачки“. А. Салюччи стр. 58. курсивъ подлинника.—П. С.

ленники не пробуютъ больше оказывать безполезное сопротивленіе этому стремленію рабочихъ установить „естественныя“ отношенія распредѣленія. Поэтому число локаутовъ въ 1890 году оказывается меньше, нежели даже въ 1884 году, когда число стачекъ было вчетверо меньше.

Приведенный примѣръ изъ исторіи стачекъ въ заокеанской республикѣ особенно цѣненъ тѣмъ, что мы въ немъ видимъ до извѣстной степени будущее соціально-экономической борьбы пролетаріата другихъ странъ, болѣе отсталыхъ въ промышленности. Однако же аналогичные примѣры могли бы быть приведены и изъ исторіи стачечной борьбы на материкѣ Европы. И мы дѣйствительно видимъ у нѣкоторыхъ писателей обобщающія заключенія относительно стачечнаго оппортунизма европейскихъ рабочихъ. Такъ напримѣръ, В. Тотоміанцъ указываетъ на склонность рабочихъ къ стачкамъ въ теплые мѣсяцы года, что, по его словамъ, наблюдалось во многихъ государствахъ Европы; и онъ же приводитъ тѣ соображенія, которыя руководятъ рабочимъ въ выборѣ времени года для стачекъ: принимается въ разсчетъ давленіе со стороны повышенія заработной платы въ лѣтнее время въ сельско-хозяйственной промышленности, нуждающейся въ этотъ періодъ въ значительномъ количествѣ рабочихъ рукъ. Словомъ,— мы видимъ все тотъ же разсчетъ на расцвѣтъ промышленности, —на этотъ разъ *сезонный* расцвѣтъ, и притомъ только въ спеціальной сельскохозяйственной области, отчего, впрочемъ, дѣло нисколько не мѣняется. По свидѣтельству В. Тотоміанца, „нѣкоторые профессіональные союзы (въ Англіи) дошли даже до того, что опредѣляютъ при помощи ловкаго контроля размѣръ прибыли предпринимателей, ея колебаніе и, на основаніи вычисленій, регулируютъ свои требованія“. Одинъ изъ примѣровъ, приводимыхъ при этомъ, чрезвычайно поучителенъ. Такъ, каменноугольные рабочіе Анзена во Франціи *добровольно возобновили работу* послѣ нѣсколькихъ дней стачки, такъ какъ убѣдились въ томъ, что положеніе дѣлъ не даетъ возможности повысить плату [1]). Точно такъ же широта и успѣшность борьбы англійскихъ рабочихъ за девятичасовой рабочій день въ 1871 годы приписывается Іеккомъ, авторомъ книги: „Интернаціоналъ“, тому обстоятельству, что это былъ періодъ громаднаго оживленія промышленности. Дѣло дошло до того, что фабриканты сокращали рабочій день безъ стачекъ. Такое трезвое отношеніе къ природѣ крупнаго стачечнаго движенія осо-

[1]) „Форма рабочаго движенія“, В. Тотоміанцъ. СПБ. 2-е изд., стр. 16, 27.

бенно знаменательно въ устахъ историка „Интернаціонала“, который тутъ же рядомъ, по поводу Ньюкестльской стачки отмѣтилъ важную роль въ ней Международнаго Союза рабочихъ, и тѣмъ не менѣе не упустилъ изъ виду вліянія промышленныхъ факторовъ.

Такова *въ большинствѣ случаевъ* экономическая стачка. Рѣже стачка начинается изъ оборонительныхъ соображеній и является, какъ мы сказали, *оппозиціонной*. Но несмотря на сравнительно меньшее значеніе ея въ пролетарской борьбѣ, эта стачка заслуживаетъ особеннаго вниманія со стороны всѣхъ тѣхъ, кто ищетъ въ стачкѣ элементовъ революціонности, кто прочитъ стачкѣ великое соціальное будущее. Дѣйствительно. Въ наиболѣе распространенномъ типѣ стачки мы не нашли никакихъ признаковъ революціонности со стороны борющихся пролетаріевъ. Теперь естественно искать этихъ признаковъ во второмъ типѣ ея.

Что же мы видимъ при бѣгломъ разсмотрѣніи примѣровъ этого рода стачекъ? Стачка сопротивленія въ самомъ дѣлѣ заходитъ дальше оппортунистической стачки. Рабочіе, вступающіе въ подобную стачку, уже вовсе не соображаются съ прибылями капиталиста; они въ этихъ случаяхъ бываютъ исполнены рѣшимости „бороться до конца“, къ чему ихъ принуждаетъ необходимость. Такимъ образомъ, *субъективно* они являются борцами, посягающими на „естественные законы“ капитализма. Но зато по объективнымъ результатамъ этого рода стачки едва ли могутъ быть признаны разрушительными для системы эксплоатаціи наемнаго труда. И вотъ почему.

Прежде всего эти стачки сопротивленія въ большинствѣ случаевъ оканчиваются неблагопріятно для рабочихъ. Капиталъ обнаруживаетъ почти полную неуязвимость противъ этого средства пролетарской борьбы. И исторія рабочаго движенія пестритъ примѣрами неудачъ этихъ стачекъ. Такъ, въ Сѣв.-Америк. Соединен. Штатахъ тотчасъ послѣ двухъ лѣтъ процвѣтанія начался въ 1892 году жестокій промышленный кризисъ. Предприниматели прибѣгли къ классическому средству повышенія нормы своей прибыли за счетъ пониженія нормъ заработной платы. Рабочіе, опьяненные успѣхомъ предыдущихъ лѣтъ, не ослабили своей борьбы, какъ то было въ кризисъ 1884 года. Конечно, число стачекъ сократилось (на одну треть ихъ числа по сравненіи съ предшествующими годами расцвѣта), и тѣмъ не менѣе это количество оказалось значительно выше обычной годовой нормы. Фабриканты отвѣчали локаутами, число которыхъ въ 1892 году достигло макси-

мума за все предшествующее пятилѣтіе. Результаты были чрезвычайно печальны для рабочихъ: 62,47% всѣхъ стачекъ окончились полной неудачей и только 29,58% ихъ имѣли вполнѣ благопріятный исходъ. То же самое продолжалось и въ слѣдующіе годы кризиса.

Второй примѣръ стачекъ сопротивленія мы видимъ въ Англіи въ кризисъ 1894 года. Здѣсь число полныхъ пораженій рабочихъ доходитъ до 42,1% тогда какъ число побѣдъ *вдвое* меньше. При этомъ такое число стачечныхъ неудачъ является наибольшимъ для всего десятилѣтія 1890—1900 г.г. Поучительно также сравнить этотъ годъ съ предыдущимъ, когда соотношеніе числа благопріятныхъ и неблагопріятныхъ для рабочихъ стачекъ было рѣзко обратное: рабочіе выиграли 62,9% всѣхъ стачекъ, а хозяева только 12,1%.

Къ тому же типу стачекъ, которыя не считаются съ положеніемъ промышленности и выгодами предпринимателей, нужно отнести большинство французскихъ стачекъ, хотя и здѣсь абсолютное большинство и притомъ удачныхъ забастовокъ послѣдняго времени приходится на 1889 годъ, когда расцвѣтъ промышленности достигъ высшей точки и въ Парижѣ происходила всемірная выставка. Но въ то же время мы констатируемъ, что зато во Франціи число неудачныхъ стачекъ всегда сильно превосходитъ число стачечныхъ побѣдъ. Тѣмъ самымъ и на примѣрѣ Франціи подтверждается фиктивность, иллюзорность *революціонной силы* стачечнаго метода пролетарской борьбы съ капиталомъ.

Аналогичную картину представляетъ и 1896 г. въ Италіи, т. е. годъ рѣзкаго кризиса итальянской промышленности. Количество стачекъ въ этомъ году достигаетъ 210, т. е. почти удваивается по сравненію съ предыдущимъ годомъ и болѣе нежели вдвое превышаетъ число стачекъ 1888 г., т. е. года предыдущаго кризиса. Еще знаменательнѣе стачечная статистика этого года въ цифрахъ числа забастовщиковъ и потерянныхъ дней: та и другая являются исключительными для цѣлаго двадцатилѣтія (1879—1899 г.) одинаково для предыдущихъ и для послѣдующихъ лѣтъ. Этимъ лучше всего характеризуется высота стачечной волны этого года. Настроеніе итальянскаго пролетаріата, непрерывно революціонизирующееся всѣ эти двадцать лѣтъ, очевидно, достигло въ годъ кризиса своего апогея. Кромѣ того, 1896 годъ былъ годомъ злополучной колоніальной авантюры итальянской буржуазіи, и за нее, какъ и за всѣ войны, приходилось расплачиваться пролета-

ріату. Итальянскія войска потерпѣли жесточайшее пораженіе подъ Адуа [1]). Это обстоятельство должно было повысить правосознаніе пролетаріата и создать уступчивое настроеніе въ рядахъ виновницы національнаго несчастія, буржуазіи. Военный разгромъ долженъ былъ увеличить соціальный вѣсъ итальянскаго пролетаріата, подобно тому, какъ онъ наклонялъ въ сторону народныхъ массъ вѣсы соціальнаго равновѣсія въ 1871 году въ Парижѣ, въ 1905 г. послѣ Цусимы въ Петербургѣ. Такимъ образомъ, 1896 годъ и ближайшіе послѣдующіе, должны служить образчикомъ соціальной мощи итальянскаго пролетаріата въ его стачечной, *прямой борьбѣ* съ буржуазіей. И что же? Этотъ годъ далъ только 38% вполнѣ удачныхъ для пролетаріата стачекъ. Остальныя были болѣе или менѣе проиграны. Въ слѣдующемъ 1897 г. итальянскіе рабочіе выиграли только 33%, въ 1898—только 27% всего годичнаго количества стачекъ.

Итакъ, передъ нами довольно краснорѣчивый фактъ слабости этого рода *прямого дѣйствія* пролетаріата, поскольку въ стачечной борьбѣ нѣтъ чисто оппортунистическихъ тенденцій, которыя, въ сущности говоря, иногда даже дѣлаютъ самую стачку излишней, какъ то показалъ примѣръ 1871 года въ Англіи. Но еще болѣе очевиднымъ станетъ отсутствіе соціальной разрушительной силы въ стачкѣ, когда мы убѣдимся въ природной закономѣрности, неизбѣжности худого конца для всѣхъ этихъ оборонительныхъ стачекъ. А между тѣмъ чрезвычайно легко убѣдиться въ этомъ. Когда разражается промышленный кризисъ, капиталъ тотчасъ же *сжимается, съеживается*, сокращаетъ свои обороты. Этимъ онъ спасаетъ себя отъ безплодной растраты запаса своихъ экономическихъ силъ при отсутствіи рынка для сбыта продуктовъ. Какой же смыслъ можетъ имѣть въ такой моментъ *пассивная* борьба пролетаріата, которая цѣликомъ сводится къ самоустраненію массъ отъ производства, къ сокращенію оборотовъ и только потому—замѣтимъ—въ годы расцвѣта бьетъ по карману капиталиста, сокращая его прибыли? Очевидно, что пролетаріатъ, примѣняющій это традиціонное орудіе въ годы кризиса, очень помогаетъ самому капиталу въ его борьбѣ за существованіе, *но нисколько не себѣ*. Сокращая самъ свое потребленіе, онъ только маскируетъ противообщественную роль капитала, для котораго объективно необходимо такое голоданіе массъ во время кризиса.

---

[1]) Адуа—главный городъ абессинской провинціи Тигрэ.

Если бы пролетаріатъ не увлекался заманчивой фразеологіей профессіоналистовъ, онъ въ періоды кризисовъ не спѣшилъ бы своими стачками уравновѣшивать и сглаживать вопіющее соціальное противорѣчіе, а громко требовалъ бы отъ общества устраненія его. Самъ же капиталъ превосходно пользуется такимъ самообманомъ со стороны массъ и съ большимъ успѣхомъ провоцируетъ своихъ рабочихъ на стачечную борьбу, если они сами не спѣшатъ въ дни кризисовъ начинать стачки сопротивленія, на которыя онъ съ большой пользой для себя отвѣчаетъ обширными локаутами.

Эти свойства, проявляемыя капиталомъ въ его борьбѣ съ условіями рынка и—пролетаріатомъ въ его борьбѣ съ капиталомъ, имѣютъ болѣе, нежели частное значеніе. Дѣло въ томъ, что развитіе соціальныхъ противорѣчій есть исходная точка того столкновенія классовъ, которое должно привести пролетаріатъ къ „экспропріаціи экспропріаторовъ“, а затѣмъ и къ реорганизаціи производства на соціалистическихъ началахъ. Такимъ образомъ, *кризисы современнаго производства* въ самомъ широкомъ смыслѣ этихъ словъ должны служить той мишенью, на которой испытывается боевая пригодность различныхъ орудій классовой пролетарской борьбы. И вотъ методъ пассивнаго сопротивленія, такъ называемая *стачка*, оказывается чрезвычайно непригоднымъ средствомъ для этой цѣли, поскольку рѣчь идетъ о сопротивлечіи труда насилію со стороны раненаго кризисомъ капитала. А надо полагать, что, умирая, чудовище окажется еще болѣе страшнымъ. При видѣ растущаго примѣненія локаутовъ со стороны безотвѣтственнаго передъ пролетаріатомъ капитала, при видѣ тѣхъ ужасовъ варварства, которые были порождены, напримѣръ, лодзинскимъ локаутомъ 1906 года, приходится думать не то что о попыткахъ сломить капиталъ этой „*экономической*“ или „*прямой*“ борьбой, словомъ, борьбой частно-хозяйственной, а о томъ, какъ предотвратить возможныя для трудящагося человѣчества послѣдствія такой „*прямой*“ или „*экономической*“ борьбы со стороны самого капитала, на которую онъ несомнѣнно рѣшится въ моментъ зрѣлости соціальныхъ противорѣчій, т. е. въ моментъ одного изъ тѣхъ соціально-экономическихъ (а не только торговыхъ) кризисовъ, которыми такъ чревато будущее мірового капитализма.

Для болѣе близкаго изученія вопроса о соціальной мощи пролетарской стачки въ борьбѣ съ произволомъ капитализма намъ необходимо выйти изъ предѣловъ намѣченной нами классификаціи

извѣстныхъ намъ стачекъ. Это слѣдуетъ изъ того, что оба отмѣченные нами, наиболѣе распространенные типа стачекъ слишкомъ далеки отъ *стачки-идеи*, которой многіе въ наше время ласкаютъ свое воображеніе. Мы же не въ правѣ отрицать осуществимости подобной стачки на одномъ томъ основаніи, что этотъ видъ борьбы не получилъ еще широкаго распространенія. Будемъ же искать его возможно внимательнѣе, и быть можетъ найдемъ среди историческихъ примѣровъ стачечной *„прямой борьбы“* хотя бы зародыши ея дѣйствительной соціальной мощи. Тогда, имѣя въ виду законы развитія, можно будетъ намѣтить и вѣроятный путь дальнѣйшей эволюціи этого способа борьбы вплоть до осуществленія соціальнаго переворота. Поэтому мы продолжимъ наше бѣглое изученіе типичныхъ стачекъ, пользуясь принятымъ нами мѣриломъ ихъ соціальной мощи, и группируя ихъ соотвѣтственно цѣлямъ, которыя ими преслѣдуются.

Если послушать „авторитетныхъ“ людей, то сила стачки окажется безпредѣльна. Маститый Брентано утверждаетъ, что рабочіе путемъ союзовъ и коалицій могутъ добиться такого увеличенія заработной платы, какого имъ желательно. Степенный Бріанъ увѣренно предлагаетъ пролетаріату „всеобщую стачку“, какъ средство патентованное „синдикализмомъ“, а потому „соціалистическое“, и какъ средство „легальное“, т. е. патентованное *государствомъ*. Но не надо забывать, что Брентано—буржуазный писатель, а синдикалистъ Бріанъ засѣдалъ въ кабинетѣ Клемансо, который преслѣдовалъ вожаковъ синдикалистскаго движенія. Если же обходиться безъ „авторитетовъ“ и самому углубиться въ изученіе вопроса хотя бы и по скуднымъ источникамъ разбросанной, популяризаціонной литературы предмета, то вопросъ о соціальной мощи стачекъ вообще окажется не менѣе сложенъ, чѣмъ въ разсмотрѣнныхъ нами случаяхъ.

Сила стачечнаго сопротивленія рабочихъ капиталу разбивается о тысячи препятствій. Первымъ изъ нихъ, какъ это слѣдуетъ изъ предыдущаго, является извѣстный минимальный предѣлъ нормы предпринимательской прибыли, ниже котораго капиталистъ, при современной легкости мобилизировать капиталъ, едва ли станетъ возиться съ предпріятіемъ и во всякомъ случаѣ на время пріостановитъ его. Это препятствіе ясно сказывается при кризисахъ. Но изъ изслѣдованій Баули (Bowley) надъ ростомъ промышленности въ Англіи можно заключить, что это препятствіе не является единственнымъ. Дѣло въ томъ, что по вычисленіямъ Баули, несмотря

на относительную успѣшность стачечной борьбы трэдъ-юніоновъ[1]), которая повысила заработную плату рабочихъ въ среднемъ на 40%, процентъ, получаемый изъ общаго дохода націи англійскимъ пролетаріатомъ, уменьшился за то же время на 45%. Отсюда естественно предположить, принимая даже во вниманіе накопленіе прибыли на расширеніе основного и постояннаго капитала, что существуютъ причины, которыя оказываются сильнѣе стачечнаго пыла массъ и трэдъ-юніонистской „боевой готовности".

Мы не будемъ вести читателя черезъ пни и кочки частныхъ случаевъ изъ исторіи стачекъ, а намѣтимъ сразу двѣ существенныя группы препятствій, о которыя разбиваются усилія борющагося пролетаріата и въ обходъ которыхъ онъ самъ на глазахъ историковъ пробуетъ различные, болѣе или менѣе новые пути къ соціальному освобожденію. Первымъ такимъ общимъ препятствіемъ является конкуренція на рынкѣ труда, т. е. конкуренція въ средѣ самихъ же рабочихъ. Второй колоссальной преградой на путяхъ экономической, „прямой" борьбы рабочихъ съ капиталомъ служитъ возрастающая организованность капитала.

Первое изъ указанныхъ соціальныхъ препятствій имѣетъ особенно зловѣщее значеніе для современнаго сознательнаго пролетарія. Оно прекрасно отмѣчено *Парвусомъ* въ его статьѣ для лагарделевской анкеты о „всеобщей стачкѣ". Парвусъ тамъ говоритъ: „забываютъ, что оба класса, какъ классъ капиталистовъ, такъ и пролетаріатъ, порождены *соціальной системой производства*, которая господствуетъ какъ надъ тѣмъ, такъ и надъ другимъ. Трагизмъ положенія пролетарія состоитъ не въ томъ, что его эксплоатируютъ, а въ томъ, что въ капиталистическомъ обществѣ онъ вынужденъ, для добыванія средствъ къ жизни, давать себя эксплоатировать" [2]).

Это трагическое обстоятельство забывается иногда теоретиками при ихъ отвлеченныхъ разсужденіяхъ, но зато оно всегда стоитъ передъ глазами пролетарія практика, такъ какъ во всякой рѣшительно стачкѣ надъ борцами виситъ угроза штрейкбрехерства со стороны болѣе слабыхъ, неорганизованныхъ и наконецъ пришлыхъ, иностранныхъ рабочихъ. Насколько это препятствіе играетъ важную роль въ стачечной борьбѣ можно судить по тому, что обыкновенное штрейкбрехерство является такъ сказать естественной смертью почти всѣхъ стачекъ, окончившихся неудачно. По-

---

[1]) Заимствуемъ эти свѣдѣнія изъ „Теоріи стачки" А. Салюччи.

[2]) Губ. Лагарделль „Всеобщая стачка". СПБ. 1907 г., стр. 168.

этому вопросъ объ устраненіи штрейкбрехерства съ пути рабочаго движенія является центральнымъ пунктомъ тактическихъ заботъ профессіоналистовъ и „синдикалистовъ“. Угроза штрейкбрехерства побуждаетъ рабочихъ ограничивать примѣненіе стачки, разочаровываться въ ней или примѣнять „тиранническое“ принужденіе по отношенію къ нарушителямъ стачечной солидарности. И тѣмъ не менѣе штрейкбрехерство торжествуетъ, а предприниматели уже научились искусно употреблять въ свою пользу отмѣченный Парвусомъ „трагизмъ положенія пролетарія“, эту *необходимость* „давать себя эксплоатировать для добыванія средствъ къ жизни“. Законъ конкуренціи въ средѣ пролетаріевъ оказывается достаточной гарантіей побѣдъ капитала въ „прямой борьбѣ“ съ трудомъ; и буржуазное законодательство вполнѣ довольствуется замѣной запрета коалицій запретомъ *„посягать на свободу труда“*. Этой юридической нормой оно съ успѣхомъ охраняетъ „естественный законъ“ конкуренціи на рынкѣ труда. А тамъ, гдѣ мѣстныя или временныя условія, какъ напримѣръ, недостатокъ рабочихъ рукъ или достаточная организованность обученныхъ рабочихъ нѣсколько ослабляетъ эту конкуренцію, тамъ капиталъ самъ *организуетъ* штрейкбрехерство.

Это *организованное штрейкбрехерство* за послѣднее время примѣняется все чаще и чаще. Примѣровъ его можно привести чрезвычайно много. Напомнимъ хотя бы его примѣненіе въ стачкахъ портовыхъ рабочихъ: въ Марселѣ, Антверпенѣ, Роттердамѣ и, наконецъ, въ стачкѣ моряковъ[1]) въ 1906 г. въ Одессѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ оно оказывалось непобѣдимымъ и губило стачку. Наиболѣе свѣжимъ въ памяти русскаго читателя долженъ быть печальный опытъ борьбы одесскихъ моряковъ за такъ называемую „регистрацію“, или коллективный договоръ судовыхъ командъ черноморскаго флота съ судовладѣльцами. Договоръ этотъ былъ очень неудобенъ для хозяйскаго кошелька и кулака, но обстоятельства революціоннаго времени принудили уступить первой дружной стачкѣ организованныхъ рабочихъ. Договоръ былъ принятъ пароходными обществами и утвержденъ мѣстнымъ генералъ-губернаторомъ. А между тѣмъ договоръ этотъ представлялъ собой образчикъ доподлинной „конституціи въ отношеніяхъ найма“, что, какъ извѣстно, составляетъ предметъ самыхъ страстныхъ мечтаній

[1]) Интересующихся подробностями этой странички исторіи „прямой борьбы“ труда съ капиталомъ отсылаемъ къ нашей статьѣ: „Драма тружениковъ моря“ въ журн. „Образованіе“, мартъ 1907 г.

соціалъ-реформистовъ Запада. Но и „революціонные синдикалисты“ могли бы легко усмотрѣть въ этой побѣдѣ одесскихъ моряковъ блестящее доказательство осуществимости „action directe“, захвата пролетаріатомъ руководящей роли въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ. Дѣло въ томъ, что одесскіе моряки, казалось, захватили въ свои руки не только распоряженіе всѣмъ рынкомъ труда черноморскаго пароходства, но даже наложили руку на „перемѣщеніе и увольненіе служащихъ“ въ самихъ судовыхъ командахъ. Такимъ образомъ, Одесская стачка моряковъ въ 1906 г. какъ будто бы опровергла пессимистическое отношеніе къ *революціонной силѣ* стачки вообще. Она была революціонна по субъективнымъ цѣлямъ борющихся рабочихъ и оказалась побѣдоносной! Но увы, она не надолго опровергла этотъ пессимизмъ. Менѣе, нежели черезъ полгода, оправдались самыя худшія наши предположенія относительно соціальной силы подобныхъ стачекъ. Капиталисты рука объ руку съ добровольцами изъ лагеря политической реакціи организовали правильное штрейкбрехерство, и тогда коллективный договоръ былъ прерванъ. Нечего и прибавлять, что провоцированная этими мѣрами стачка была задушена штрейкбрехерствомъ. Но къ сожалѣнію, смыслъ всѣхъ этихъ событій, повидимому, остался скрытымъ отъ пониманія практиковъ рабочаго движенія. Трагическая „естественность“ штрейкбрехерства въ средѣ обнищавшихъ массъ русскаго юга была замаскирована тѣмъ обстоятельствомъ, что организаторами его явились мѣстные черносотенцы, и пораженіе моряковъ было приписано злой волѣ политической реакціи. А мѣстные „синдикалисты“ воспользовались этимъ доказательствомъ безсилія пассивнаго сопротивленія для того, чтобы вовлечь наиболѣе преданныхъ рабочему дѣлу моряковъ въ „экономическій терроръ“. И черезъ годъ послѣ этого точно такая же драма разыгралась среди судовыхъ командъ каспійскаго флота.

Депутатъ отъ Лилля на Парижскомъ соціалистическомъ конгрессѣ 1899 г., *Делори*, возражалъ противъ цѣлесообразности всеобщей стачки, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ: Въ случаѣ если конгрессъ рѣшитъ „испытать всеобщую стачку“ и объявитъ ее, „всѣ борцы сѣверной Франціи выйдутъ изъ мастерскихъ, но такъ какъ въ современномъ буржуазномъ обществѣ существуетъ постоянная армія безработныхъ, которые ждутъ мѣста въ мастерской, то они и поступятъ на мѣста борцовъ, такъ что послѣдніе не найдутъ потомъ работы“. Можно еще не соглашаться съ такимъ пессимизмомъ французскаго соціалиста; можно надѣяться на успѣхи

профессіональнаго объединенія въ борьбѣ съ неорганизованными рабочими, но трудно отрицать непреодолимость *организованнаго штрейкбрехерства*. Поскольку „синдикалисты“ предлагаютъ бороться съ нимъ *тиранническими* средствами, мы еще вернемся къ этому вопросу; но здѣсь мы уже устанавливаемъ тотъ фактъ, что въ теченіе послѣднихъ *„сорока лѣтъ рабочаго движенія“* борьба съ этимъ зломъ была безуспѣшна. Мы, правда, знаемъ одинъ довольно яркій случай отстраненія иностранныхъ штрейкбрехеровъ еще въ 1871 г., но обстоятельства той стачки были исключительныя. То была знаменитая *Ньюкестльская* стачка машиностроительныхъ рабочихъ. Въ ней принималъ живое участье Интернаціоналъ. Стачка эта была чрезвычайно популярна въ Англіи, и мѣстное штрейкбрехерство ей не угрожало. Когда же въ Англію пріѣхали сманенные капиталистами иностранные рабочіе, то вмѣшался „Общій Совѣтъ“, и эти пришлецы, снабженные деньгами на обратный путь, отказались отъ роли штрейкбрехеровъ.

Однако, замѣтимъ, что здѣсь не было настоящаго организованнаго штрейкбрехерства, и за стачкой была сила общественнаго мнѣнія настолько большая, что даже вліятельная буржуазная печать (Times, Spectator) высказывалась противъ штрейкбрехерства иностранцевъ.

Словомъ, ясно, что такъ или иначе рабочій классъ принужденъ искать особыхъ мѣръ для борьбы съ конкуренціей „рабочихъ всѣхъ странъ“ между собою. Онъ ищетъ ихъ въ „тиранніи синдикатовъ“, въ „экономическомъ террорѣ“, въ денежной поддержкѣ конкурирующихъ безработныхъ, онъ находитъ себѣ опору въ широко организованномъ общественномъ мнѣніи, наконецъ, по примѣру сѣв.-американскаго пролетаріата онъ ищетъ законодательной защиты противъ ввоза иностранныхъ рабочихъ, — но всѣ эти мѣры являются уже примѣненіемъ средствъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ пассивному *стачечному* сопротивленію. Стачка же, какъ таковая, остается безсильна въ борьбѣ съ организованнымъ штрейкбрехерствомъ.

Но если такъ вліяетъ на исходъ пролетарской борьбы одно только косвенное вмѣшательство буржуазіи въ „естественные законы“ конкуренціи среди рабочихъ, то нетрудно себѣ представить, насколько могучимъ препятствіемъ для *пассивнаго* сопротивленія массъ является вообще организація капитала въ ея всеоружіи. Лѣтопись пролетарскихъ пораженій при столкновеніяхъ съ „главной арміей“ современнаго капитала достаточно поучительна въ

этомъ отношеніи; и только погоня за „агитаціонными“ выводами, которыми такъ пестритъ, напримѣръ, исторія стачекъ Вл. Поссе, можетъ затемнить ясный смыслъ этого явленія. Напомнимъ длинную вереницу несчастныхъ стачекъ первой половины девятнадцатаго вѣка въ Англіи, пораженія англійскихъ стачекъ въ пятидесятыхъ годахъ. Перенесемся въ страну сильно организованнаго, бронированнаго трестами капитала, въ С.-Ам. Соединенные Штаты. Вспомнимъ гигантскую стачку рабочихъ стального треста. Сотни тысячъ прекрасно организованныхъ рабочихъ вступили въ борьбу съ *однимъ человѣкомъ*, Пирпонтомъ Морганомъ. Но въ рукахъ этого человѣка былъ колоссальный *организованный* капиталъ, и стачечники должны были приняться за работу на худшихъ противъ прежняго условіяхъ. Не менѣе поучительна и исторія Пульмановской стачки (1894 г.), которой на помощь пришла Чикагская желѣзно-дорожная стачка, но которая тѣмъ не менѣе потерпѣла пораженіе. Впрочемъ, не разбираясь даже въ частныхъ примѣрахъ, достаточно отмѣтить то обстоятельство, что въ Соединенныхъ Штатахъ, въ этой странѣ сильныхъ рабочихъ союзовъ и громадныхъ трестовъ, странѣ прямой борьбы труда и капитала, стачки даютъ меньшій процентъ успѣшныхъ, нежели другія націи, и процентъ этотъ медленно *уменьшается*. Напомнимъ также недавнюю стачку рурскаго углепромышленнаго пролетаріата (въ Германіи). Она была раздавлена мощнымъ синдикатомъ „угольныхъ бароновъ“. Французская буржуазія, помнящая въ своемъ прошломъ походъ своихъ отцовъ и дѣдовъ противъ ліонскихъ ткачей (1831 г.) умѣетъ и по сейчасъ прибѣгать къ помощи „исполнительнаго комитета“ по дѣламъ своего класса, т. е. къ кабинету министровъ, для подавленія стачекъ несмотря на то, что „синдикалисты“ настойчиво зовутъ ее на преднамѣченный ими путь „прямой борьбы“. У Шарля Гіейса мы видѣли описаніе одной изъ такихъ стачекъ, а именно—сѣверной стачки углепромышленниковъ въ 1902 г. Можно было бы продолжать перечисленіе подобныхъ примѣровъ, но мы ограничиваемся приведенными и спрашиваемъ: что будетъ дальше, напримѣръ, въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ организованность капитала возрастаетъ съ громадной быстротой, гдѣ теперь желѣзнодорожный трестъ объединилъ 24 компаніи, а скоро, повидимому, объединитъ и всѣ остальныя? Факты эти достаточно краснорѣчивы для того, чтобы мы раздѣлили опасенія голландскаго соціалистическаго ежемѣсячника „Die Niewe Tijd“, который въ лягарделлевской анкетѣ о всеобщей стачкѣ, говоритъ: „стоитъ бросить только одинъ взглядъ на тресты,

этого столь безпокойнаго сфинкса, и мы спросимъ себя, не представляютъ ли они собою того механизма, назначеніе котораго— сокрушить борьбу профессіональныхъ союзовъ и, слѣдовательно, *сдѣлать невозможной всякую борьбу* [1]).

Такимъ образомъ, становится ясно, что съ ростомъ и объединеніемъ капитала стачка вообще становится все менѣе дѣйствительнымъ средствомъ прямой борьбы съ нимъ. Ея соціальная сила и разрушающее вліяніе убываютъ. Даже могучее международное объединеніе рабочихъ еще не рѣшаетъ вопроса объ устраненіи штрейкбрехерства, такъ какъ одновременно съ объединеніемъ пролетаріевъ идетъ объединеніе капиталистовъ, и эти послѣдніе прибѣгаютъ ко всяческимъ ухищреніямъ для осуществленія организованнаго штрейкбрехерства. Въ другихъ случаяхъ объединенный капиталъ прибѣгаетъ къ другимъ средствамъ и, въ концѣ концовъ, парализуетъ пролетарскій метолъ чисто-пассивнаго сопротивленія. Поэтому побѣдоносными стачки остаются только въ двухъ случаяхъ. Во-первыхъ тогда, когда онѣ являются *оппортунистичными* и, слѣдовательно, не выходятъ изъ рамокъ разсудительной борьбы за лучшее распредѣленіе. Во-вторыхъ тогда, когда классовая солидарность буржуазіи почему-нибудь нарушается, и въ средѣ ея начинается естественная конкурренція между различными, напримѣръ, областями промышленности. Примѣромъ этого второго положенія дѣлъ можетъ быть противорѣчіе интересовъ между углепромышленниками, съ одной стороны, и остальными фабрикантами и заводчиками—съ другой стороны. Первые иногда намѣренно провоцируютъ стачку въ своихъ предпріятіяхъ для того, чтобы взвинтить почему-нибудь слабѣющія цѣны на уголь. Но для промышленниковъ, нуждающихся въ топливѣ, такая спекулятивная стачка оказывается прямо разорительной. Тогда „общественное мнѣніе“ склоняется на сторону „симпатичныхъ углекоповъ-стачечниковъ“, и шансы этихъ послѣднихъ на побѣду сильно повышаются. Такъ чрезмѣрная жадность Пульмановской вагоностроительной компаніи (въ Соед. Штатахъ въ 1894 г.)тоже учитывалась на вѣсахъ буржуазнаго общественнаго мнѣчія послѣ того, какъ повлекла за собой невыгодную для большинства предпринимателей желѣзнодорожную стачку. Впрочемъ, на этотъ разъ и столкновеніе интересовъ различныхъ категорій предпринимателей не помогло. Какъ примѣръ удачныхъ результатовъ такого положенія можно привести стачку 150.000 угле-

[1]) „Всеобщая стачка и соціализмъ“ Г. Лягарделля, СПБ. 1907 г. Стр. 90. Курсивъ нашъ—П. С.

коповъ шт. Пенсильваніи и Западной Виргиніи въ 1902 году. Чрезмѣрная эксплоатація углекоповъ въ конечномъ счетѣ была невыгодна остальной буржуазіи и устроенное президентомъ республики Рузвельтомъ третейское вмѣшательство въ классовый конфликтъ привело къ удовлетворенію требованій стачечниковъ.

Но даже и относительно этого рессурса соціальной силы стачекъ слѣдуетъ замѣтить, что хотя при подобныхъ обстоятельствахъ частная стачка и способна вырвать уступки у предпринимателей одной отрасли промышленности, безъ соображеній съ ихъ интересами и вопреки имъ, все же она является „революціонной" только весьма относительно, такъ какъ побѣду ей приноситъ благопріятное положеніе остальной промышленности. А стало быть по отношенію ко всему національному капиталу она оказывается оппортунистичной.

Все это заставляетъ насъ отрицать разрушительную силу стачки, какъ таковой. И, дѣйствительно, отмѣченныя нами категоріи стачекъ разбиваются о внутреннія сопротивленія капиталистическаго производства, которыя играютъ здѣсь роль какъ бы физическихъ препятствій. А стачки удачныя оказываются нисколько не разрушительны для капитала и системы эксплоатаціи. Совсѣмъ даже наоборотъ. Цѣлый рядъ теоретиковъ профессіональной борьбы доказываетъ благотворность стачекъ для развитія національнаго богатства и капитала. А. Салюччи свидѣтельствуетъ, что стачки имѣютъ слѣдствіемъ лучшее распредѣленіе богатствъ". Но это „лучшее распредѣленіе богатствъ" вовсе не является уравнительнымъ въ смыслѣ обогащенія труда въ абсолютный ущербъ капиталу. Салюччи прибавляетъ, что это „лучшее распредѣленіе служитъ лучшей побудительной причиной къ большей производительности". Сами враги стачекъ, руководители и защитники буржуазнаго строя не умѣютъ скрыть этотъ прекрасно извѣстный имъ секретъ „прямого дѣйствія" пролетаріата. Буржуа-консерваторъ, Пьеръ Франческо Казаретто, говоритъ о послѣдствіяхъ бельгійскихъ углепромышленныхъ стачекъ 1886 года, что, несмотря на постоянное повышеніе заработныхъ платъ, возрастала и чистая прибыль на тонну угля при неизмѣнныхъ цѣнахъ продукта. А весь секретъ заключался въ томъ, что „общества *сумѣли повысить производительность* труда". [1]) Никто, конечно, не станетъ мѣшать Казаретто восторгаться энергіей обществъ, но для насъ фактъ остается фак-

---

[1]) Pier Francesco Casaretto „Influenze reciproche fra movimento operaio, produzione e richezza", 1893. Цит. По Salucci.

томъ: производительность капитала возросла не *вопреки* стачкамъ, а *благодаря* имъ. Вѣдь безъ вынужденнаго повышенія заработныхъ платъ, — при отсутствіи необходимости понижать цѣны производства угля—этомъ преимуществѣ промышленныхъ синдикатовъ, гдѣ жало промышленной конкуренціи притуплено—господа промышленники ни за что не обнаружили бы похвальнаго усердія по части повышенія производительности труда! Но если мы даже допустимъ, что производительность и доходность предпріятій возрастаетъ *вопреки* стачечнымъ побѣдамъ рабочихъ, то все же остается несомнѣнной способность приспособленія капитала къ ударамъ „прямого воздѣйствія". А стало быть въ этихъ ударахъ не оказывается ничего разрушительнаго. То же самое подтверждено и голландской соціалисткой Г. Роландъ-Гольстъ, которая въ книгѣ „Всеобщая стачка" дѣлаетъ тотъ выводъ [1]) что всѣ попытки стачекъ, занимающія середину между крайними типами—мирной (оппортунистической) стачкой и стачкой революціонно-политической, протекли безуспѣшно и кончились полнымъ пораженіемъ пролетаріата.—Но послѣдняя категорія стачекъ уже не относится къ методу прямого дѣйствія, а стало быть, по утвержденію Роландъ-Гольстъ, всѣ *не оппортунистическія* стачки обречены на безсиліе. Этотъ выводъ, какъ видимъ, вполнѣ подтверждаетъ наши соображенія.

„Синдикалисты", какъ извѣстно, возлагаютъ чрезвычайно много надеждъ на революціонную мощь стачки въ воображаемомъ ими процессѣ дезорганизаціи капитала. [2]) Интересно сопоставить это съ тѣмъ обстоятельствомъ, что для нихъ нѣтъ ничего страшнѣе, нежели возрастающая концентрація капитала и призракъ государственнаго соціализма на закатѣ современной государственности. Поэтому-то такъ комично положеніе „синдикалиста" Л. Ньеля, который при видѣ благопріятныхъ для капитала послѣдствій свободы коалицій обращается къ государству съ просьбой взнуздать капиталъ. Теперь то же повторяется съ Ар. Лабріолой по отношенію къ аналогичнымъ результатамъ стачечной борьбы. Дѣло въ томъ, что упорная стачечная борьба влечетъ за собой отливъ капиталовъ изъ пораженныхъ стачками областей промышленности. При этомъ капиталъ перемѣщается въ государственный банкъ, а предпріятія переходятъ въ руки городскихъ управленій. Иными словами пас-

---

[1]) Цит. соч., стр. 73.

[2]) Въ этомъ отношеніи теорія „action directe" ушла далеко отъ „синдикализма" Бербере (1872 г.).

сивное „прямое дѣйствіе“ пролетаріата толкаетъ капиталъ въ руки государства и муниципалитетовъ. Въ констатированіи этого факта, непріятнаго для анти-этатистовъ, мы можемъ сослаться на нихъ же самихъ. Такъ напримѣръ, это явленіе не ускользаетъ отъ вниманія Артура Лабріолы. И вотъ онъ высказываетъ по этому поводу такія, неподобающія для „синдикалиста“ мысли: „Несомнѣнно, что рабочее движеніе, слишкомъ рѣшительное и выставляющее слишкомъ большія требованія, носящія чисто революціонный характеръ, можетъ подорвать начинающееся развитіе промышленности (Лабріолѣ слѣдовало бы сказать: *частной* промышленности.— П. С.). Осторожность и умѣренность являются необходимостью для всякаго рода рабочаго движенія, а въ особенности для такой страны, гдѣ промышленность развита недостаточно. Чрезмѣрныя и безпрерывныя требованія, безпорядочныя демонстраціи, сопровождающіяся насиліемъ, и тому подобные факты могутъ испугать промышленниковъ и заставить ихъ покинуть рынокъ“. [1]).

Лабріола указываетъ только одну сторону явленія, а именно отливъ капиталовъ изъ частной промышленности подъ вліяніемъ излишествъ въ action directe. Это ставитъ его въ еще болѣе комическое положеніе. Выходитъ такъ, какъ будто въ рукахъ пролетаріата слишкомъ много разрушительной силы, и онъ долженъ обращаться чрезвычайно бережно съ этимъ могучимъ орудіемъ изъ опасенія смести преждевременно съ лица земли самое промышленность. Но спрашивается, куда удаляются „покидающіе рынокъ“ промышленники? Не думаетъ ли А. Лабріола, что они завѣщаютъ монастырямъ свои надоѣвшіе имъ капиталы? Но если даже и такъ, то концентрація капитала продолжается въ рукахъ Ватикана. Впрочемъ, Лабріола прекрасно видитъ, что деньги ушедшихъ съ поля битвы капиталистовъ превращаются въ рукахъ ихъ въ государственную ренту, а въ рукахъ государства идутъ на всякаго рода націонализацію и націонализмъ.

Какъ бы то ни было, положеніе „синдикализма“ плачевно: патентованное его „школой“ средство соціальнаго прогресса, *стачка*, ведетъ прямо въ адъ государственнаго соціализма, противъ котораго „синдикалисты“ такъ горячо возстаютъ. Пусть же А. Лабріола подѣлится плодами своей собственной наблюдательности со своими товарищами по школѣ. Это облегчитъ нашу задачу.

---

[1]) „Avanti“, № 1861. (12 февраля 1902 г.), цитир. по А. Салючъ.

Итакъ, приходится констатировать, что экономическая стачка оказывается средствомъ *чрезмѣрнаго* роста и усиленія капитала. Мы говоримъ такъ потому, что вопреки сплетнѣ, пущенной апостолами синдикализма, марксисты относятся отрицательно къ государственному соціализму, т. е. къ концентраціи орудій производства и обмѣна въ рукахъ современной государственной власти, которая de facto принимаетъ все болѣе и болѣе частноправовой классовый характеръ.

Конечно, стачка отъ этого нисколько не теряетъ своего значенія въ борьбѣ пролетаріата за улучшеніе его настоящаго экономическаго положенія, т. е. въ борьбѣ за лучшее распредѣленіе. Приведенный выше итогъ статистическихъ вычисленій Баули показываетъ, что ростъ нормы заработной платы далеко не поспѣваетъ за ростомъ нормы капиталистической прибыли. И слѣдовательно, рабочія массы могутъ съ громадной пользой для себя примѣнять *оппортунистическую* стачку. И мы нисколько не солидарны съ „*революціоннымъ* синдикалистомъ“ А. Лабріолой, который путается у борцовъ подъ ногами съ жалобнымъ причитаніемъ: „ради бога, полегче! не испугайте, молъ, капитала“.—Нѣтъ, мы полагаемъ, что стачка *очень сильна* въ ея первой указанной роли. Но зато мы приходимъ здѣсь къ логической необходимости отрицать революціонное, разрушительное дѣйствіе экономической стачки.

За насъ, впрочемъ, говоритъ и сознаніе рабочихъ массъ. Стачка, какъ мы это видѣли даже на приводимыхъ нами примѣрахъ наиболѣе „чистыхъ“ экономическихъ стачекъ, все болѣе и болѣе осложняется другими пріемами борьбы, которые не имѣютъ ничего общаго съ самой стачкой. Мы имѣемъ въ виду, какъ случаи вмѣшательства властей въ стачечные конфликты, такъ и тѣ особые пріемы рабочихъ въ борьбѣ съ капиталомъ и штрейкбрехерствомъ, которые тщательно культивируются „синдикалистами“ подъ общимъ названіемъ „action directe“. Первое явленіе слишкомъ очевидно и „синдикалисты“, конечно, не смогутъ отрицать его наличности. При томъ же оно одинаково поучительно какъ въ томъ случаѣ, когда самъ капиталъ, не внемля проповѣди „action directe“, призываетъ власть себѣ на подмогу, такъ и въ томъ случаѣ когда къ посредничеству демократическихъ властей прибѣгаютъ рабочіе. А это второе явленіе подчеркивается и даже преувеличивается самими синдикалистами.

Но спрашивается, направлялось ли бы современное рабочее движеніе на эти особые пути борьбы, если бы стачка была дѣй-

ствительно универсальнымъ средствомъ въ борьбѣ труда съ капиталомъ? Не ясно ли уже и сейчасъ, что рекламируемый „синдикалистами“ магическій „антикапитализмъ“ пассивнаго экономическаго сопротивленія имѣетъ совсѣмъ не то значеніе, которое, они ему приписываютъ, такъ что даже несвѣдующій въ соціологіи пролетарій принужденъ въ врачеваніи своихъ бѣдъ усложнять себѣ задачу одновременнымъ примѣненіемъ различныхъ другихъ средствъ и способовъ борьбы.

Таково свидѣтельство фактовъ. И теперь мы должны будемъ, насколько возможно при нашихъ скудныхъ научныхъ средствахъ, познакомиться съ тѣмъ, куда ведутъ эти новые пути пролетарскаго движенія. Не заканчивается ли тупикомъ путь новыхъ попытокъ исключительнаго примѣненія „прямого дѣйствія“? И куда ведетъ процессъ осложненія и видоизмѣненія современной стачки?

ГЛАВА II.

Прямое и политическое дѣйствіе.

Что такое „прямое дѣйствіе“ въ словоупотребленіи „синдикалистовъ“? Изъ сравненія различныхъ мѣстъ синдикалистской литературы можно установить, что подъ именемъ „прямого дѣйствія“, или „action directe“, „синдикалисты“ понимаютъ *всякій актъ борьбы труда съ капиталомъ, если только онъ происходитъ непосредственно между трудомъ и капиталомъ и обладаетъ соціальной, реорганизаторской мощью.* Поэтому даже революціонная борьба Парижской Коммуны и парижскихъ массъ 1871 г., по ихъ опредѣленію, не есть „прямое дѣйствіе“, такъ какъ это была борьба политическая; а съ другой стороны, и третейское разбирательство экономическихъ конфликтовъ, по убѣжденію „синдикалистовъ“, не есть прямое дѣйствіе, потому что этотъ актъ разграниченія классовыхъ интересовъ, хотя и совершается непосредственно между заинтересованными, однако же соціальной мощью не обладаетъ: „синдикалисты“ вѣдь исповѣдуютъ принципъ абсолютной реакціонности буржуазіи! Всякая экономическая стачка, по ихъ опредѣленію, есть „прямое дѣйствіе“, такъ какъ всякой стачкѣ приписывается революціонная роль.

Антипарламентаристъ и защитникъ всеобщей стачки голландскій „соціалистъ-революціонеръ“, Христіанъ Корнелиссенъ, говоритъ объ элементахъ „прямого дѣйствія“ въ стачкѣ слѣдующимъ образомъ: „она съ самаго начала является и все болѣе становится *борьбой за высшее управленіе всѣмъ тѣмъ, что относится къ установленію отношеній труда* [1]). Другіе теоретики идеализируютъ въ этомъ смыслѣ только *всеобщую* стачку, но они, конечно, уже не располагаютъ соотвѣтственнымъ историческимъ опытомъ для обоснованія этого своего утвержденія. Поэтому они такъ же голословно взываютъ къ этому магическому средству соціальнаго переворота, какъ и Сорель. Наконецъ, большинство современныхъ проповѣдни-

---

[1]) Лягарделль. „Всеобщая стачка“, стр. 100. Курсивъ подлинника.

ковъ „революціоннаго синдикализма“ усматриваетъ элементы „прямого дѣйствія“ въ тѣхъ отдѣльныхъ актахъ пролетарской борьбы, къ которымъ прибѣгаютъ рабочіе, разувѣрившись въ соціально-экономической силѣ чистой стачки.

Мы имѣли уже достаточно доказательствъ иллюзорности подобнаго отношенія къ стачкѣ, и если хотимъ говорить съ „синдикалистами“ ихъ же языкомъ,—имѣемъ право возразить имъ, что экономическая стачка не есть *„прямое дѣйствіе“*, такъ какъ она оппортунистична. А затѣмъ мы послѣдуемъ за теоретиками синдикализма въ область тѣхъ новыхъ явленій пролетарской борьбы, которыя, по ихъ мнѣнію, являются образцами чистаго „прямого дѣйствія“.

Надо замѣтить, что „синдикалисты“ по крупицамъ выискиваютъ подобные факты и стремленія изъ множества другихъ явленій и тенденцій, которыми изобилуетъ современная борьба классовъ. Они проходятъ безъ вниманія мимо громадныхъ событій или бросаютъ вскользь пренебрежительныя замѣчанія по ихъ адресу, и въ то же время указываютъ пальцемъ на всякую мелочь, похожую на пресловутое „прямое дѣйствіе“.

Посмотримъ, что это за факты, и какова ихъ дѣйствительная роль въ классовой борьбѣ. Выдѣлить ихъ изъ среды другихъ пріемовъ пролетарской борьбы не трудно. Это прежде всего попытки со стороны одиночекъ, группъ и синдикатовъ непосредственно осуществить свои частно-правовыя притязанія. Мы говоримъ такъ на томъ основаніи, что, во-первыхъ, всякая апелляція къ *государству* и *обществу* уже не будетъ *прямымъ* дѣйствіемъ, а стало быть рѣчь идетъ исключительно о частно-правовыхъ притязаніяхъ. Во-вторыхъ, мы приписываемъ этимъ явленіямъ *частный*, *обособленный* характеръ, такъ какъ къ такимъ именно явленіямъ и отсылаютъ насъ синдикалисты, говоря о дѣйствіяхъ *синдикатовъ* или даже только ихъ *меньшинства*. Теперь мы можемъ классифицировать этого рода явленія, взявъ за основу ихъ группировки два главнѣйшія препятствія, стоящія передъ трудомъ въ его борьбѣ съ капиталомъ. Этими препятствіями, какъ мы уже знаемъ, являются: во-первыхъ, конкуренція въ средѣ самихъ рабочихъ, во-вторыхъ,— то прямое насиліе капиталистовъ, которое выражается въ примѣненіи ими грубой физической силы для достиженія своихъ частно-правовыхъ притязаній на одномъ единственномъ основаніи „естественныхъ законовъ“ капиталистическаго строя. Источникомъ физической силы капитала въ этомъ случаѣ является организован-

ность его; орудіями борьбы—„черные списки“, шпіонство, учрежденія въ родѣ американскаго агенства Пинкертона и т. д., и т. п. Сообразно съ этими двумя главнѣйшими препятствіями и всѣ акты „прямого дѣйствія“ можно свести къ двумъ главнымъ группамъ, а именно—къ такъ называемымъ: „тиранніи синдикатовъ“ и „экономическому террору“. Таковы *формы* „прямого дѣйствія“ или, вѣрнѣе сказать—*средства*, которыми рабочіе пользуются въ указанныхъ нами попыткахъ индивидуальной или синдикальной борьбы съ капиталомъ.

Къ этому, собственно говоря, сводится все, что есть неоспоримаго, реальнаго въ примѣрахъ „action directe“. Все остальное якобы *внутреннее содержаніе прямого* метода пролетарской борьбы опредѣляется „синдикалистами“ крайне субъективно, благодаря чему ходячія опредѣленія „новыхъ формъ“ борьбы далеко не соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

Кое въ чемъ синдикалисты видятъ „борьбу за высшее управленіе всѣмъ тѣмъ, что относится къ установленію отношеній труда“; кое въ чемъ они усматриваютъ всевозможные захваты: захватъ рынка труда, захватъ организаторской роли въ производствѣ, за которымъ логически слѣдуетъ захватъ самихъ орудій производства въ данномъ, частномъ предпріятіи и т. д.

Исходной точкой всѣхъ субъективныхъ поползновеній подобнаго рода является то инстинктивное стремленіе къ собственности, которое еще не умерло въ груди пролетарія, вчерашняго крестьянина или владѣльца ремесленныхъ инструментовъ. Въ то время какъ соціалисты стараются вырвать изъ пролетарской души этотъ пережитокъ прошлаго, сулящій рабочему одни только горькія разочарованія—синдикалисты, особенно Сорель, всячески воспѣваютъ это чувство собственника, обѣщая ему въ будущемъ полное удовлетвореніе и приписывая ему роль творческаго стимула. То субъективное ощущеніе возросшей экономической силы, которое рождается у рабочихъ, объединившихся въ синдикатъ, способствуетъ возрожденію стараго индивидуалистическаго инстинкта въ формѣ вѣры во всемогущество синдикатовъ. Синдикалистская фраза какъ нельзя больше способствуетъ укрѣпленію этого группового индивидуализма, и благодаря этому, любая удачная стачка порождаетъ радужныя иллюзіи. Характерный примѣръ такой иллюзорности самосознанія рабочихъ приводитъ Левассеръ въ исторіи крупной стачки сталелитейныхъ рабочихъ въ Гомстедѣ (Соед. Штаты). Стачка была сломлена, и тѣмъ не менѣе, по словамъ Левассера, „среди рабочаго

населенія долго еще сохранилось сильное возбужденіе; опьяненные событіями, рабочіе дошли до того, что стали смотрѣть на заводъ, какъ на свою собственность, считали узурпаціей возвращеніе правъ настоящимъ собственникамъ и непростительнымъ оскорбленіемъ появленіе другихъ рабочихъ, принявшихъ новый тарифъ"[1]). Въ этомъ фактѣ есть чему радоваться демагогу, но нѣтъ ничего утѣшительнаго для марксиста, который въ „чувствѣ собственника" не видитъ гарантій соціалистическаго, т. е. общественно-правового сознанія пролетаріевъ.

Но если гомстедскіе мечтатели способны были послѣ пораженія стачки подъ градомъ полицейскихъ и судебныхъ репрессій воображать себя акціонерами сталелитейнаго предпріятія, то большинство рабочихъ лишено такого пылкаго воображенія. И синдикалистамъ придется еще много потрудиться надъ насажденіемъ въ нихъ подобныхъ иллюзій. Зато гораздо легче прививаются другія иллюзіи, и прежде всего притязаніе на *властное регулированіе распредѣленія*. Эта субъективная тенденція возникаетъ непосредственно изъ удачъ стачечной борьбы за распредѣленіе. Невредная сама по себѣ, эта иллюзія порождается даже и соціалистами помимо ихъ воли въ погонѣ за агитаціонностью, когда они приписываютъ успѣхи оппортунистическихъ стачекъ революціонной доблести стачечниковъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи это стремленіе приводитъ къ тому, что проповѣдуетъ въ своей „Исторіи биржъ труда" синдикалистъ Пеллютье, ставя цѣлью биржъ труда *борьбу противъ чрезмѣрнаго повышенія цѣнъ на предметы потребленія*. Въ полномъ объемѣ эта идея граничитъ съ Прудоновской идеей о соціалистическомъ регулированіи „конституированной стоимости" или же формулируетъ стремленіе къ управленію распредѣленіемъ изъ синдикальныхъ норокъ.

Болѣе сложный и еще болѣе иллюзорный характеръ имѣетъ стремленіе синдикатовъ къ организаторской и распорядительской роли въ самомъ производствѣ. Задача эта практически сводится синдикатами прежде всего къ захвату въ свои руки даннаго рынка труда. Въ этомъ случаѣ организованные рабочіе подобно старымъ трэдъ-юніонистамъ въ своемъ субъективномъ сознаніи преслѣдуютъ выполненіе самыхъ высокихъ принциповъ и прежде всего принципа профессіональной солидарности. Профессія сплачивается и объединяется съ цѣлью солидарнаго давленія на капиталъ. Ка-

---

[1]) Levasseur. „L'ouvrier americain"; цит. по В. Поссе: „Рабочія стачки", I, 27.

питалиста принуждаютъ руководиться указаніями „биржъ труда“ въ дѣлѣ найма. Биржа труда указываетъ предпринимателямъ очередныхъ кандидатовъ для замѣщенія вакантныхъ мѣстъ организованными рабочими. Помимо биржъ труда предприниматель обязуется не принимать неорганизованныхъ рабочихъ. Всѣ методы давленія, оказываемые на предпринимателя, съ которымъ синдикатъ намѣренъ заключить коллективный договоръ, относятся къ „прямому дѣйствію“. Это стачка, бойкотъ, саботтажъ, а иногда — въ особыхъ условіяхъ—„экономическій терроръ“. Но главнымъ образомъ—„тираннія синдикатовъ“ по отношенію къ неорганизованнымъ рабочимъ. Такимъ образомъ, здѣсь субъективныя стремленія „синдикалистовъ“ приводятъ къ обоимъ указаннымъ видамъ борьбы, т. е. къ борьбѣ съ конкуренціей въ средѣ самихъ рабочихъ и къ борьбѣ съ произволомъ хозяина.

Но увы, даже родина синдикализма, Франція, чрезвычайно бѣдна примѣрами хотя бы илюзорныхъ *захватовъ рынка труда.* Система учрежденій по пріисканію занятій, созданная федеральнымъ комитетомъ биржъ труда, чрезвычайно далека отъ дѣйствительнаго вторженія въ предпринимательское командованіе наймомъ. Здѣсь дѣло сводится исключительно къ организаціи справочныхъ бюро при биржахъ труда и къ организаціи матеріальной помощи ищущимъ работъ при ихъ переѣздахъ изъ города въ городъ. Не даромъ вся эта сѣть учрежденій находится подъ покровительствомъ парижскаго министерства торговли! Нужно поистинѣ французское богатство воображенія для того, чтобы видѣть во всемъ этомъ захватъ рынка труда.

Даже русскіе „синдикалисты“ могутъ кичиться передъ своими французскими товарищами. Въ исторіи нашего молодого профессіональнаго движенія уже есть примѣры почище французскихъ, могущіе дать богатѣйшій матеріалъ для синдикалистской фантазіи. Достаточно вспомнить хотя бы борьбу одесскихъ моряковъ за „регистрацію“. Упомянутый нами выше вскользь уставъ регистраціи представлялъ собой коллективный договоръ не совсѣмъ обычнаго содержанія. Рядъ удачно подобранныхъ статей устава оставлялъ за одесскимъ синдикатомъ моряковъ исключительное и почти неограниченное право назначенія судовыхъ командъ. Точно такъ же „регистрація“ пріобрѣтала право на перемѣщеніе моряковъ и повышеніе ихъ въ должностяхъ или „классахъ“. Это уже дѣйствительно было посягательство моряковъ на отстраненіе власти капитала отъ распоряженія наймомъ. Любопытно то, что соотвѣтствующее

этому притязанію правосознаніе авторовъ устава отразилось и въ другихъ мелкихъ, но характерныхъ чертахъ договора. Напримѣръ, уставъ гласитъ, что кража карается „регистраціей“, но независимо отъ этого *оговаривается право* судовой администраціи преслѣдовать виновнаго установленнымъ уголовнымъ порядкомъ. Здѣсь рабочій союзъ беретъ на себя нѣкоторыя функціи уголовнаго суда, такъ сказать, на *равныхъ правахъ* съ этимъ послѣднимъ. Далѣе, таможенные штрафы, которымъ судно могло подвергнуться въ случаѣ обнаруженія на немъ контрабанды, подвергаются по уставу особой раскладкѣ. Тутъ „синдикатъ“ еще разъ вторгается въ область судебной власти, замѣняя договоромъ общія нормы закона. Такимъ образомъ, одесскій *синдикатъ* моряковъ ставитъ себѣ цѣлью дѣйствительно монопольное распоряженіе всѣмъ рынкомъ труда черноморскаго флота, пытаясь даже съ высоты своего частнохозяйственнаго величія регламентировать всякое вмѣшательство въ его царство со стороны властей.

„Регистрація“ осуществилась и просуществовала около полу-года. Но вѣдь *осуществилась* и „Люксембургская синагога“ (какъ Марксъ называетъ рабочую комиссію при революціонномъ правительствѣ 1848 года), а равно и миніатюрные опыты соціалистовъ-утопистовъ въ различныхъ странахъ при различныхъ, такъ сказать, *экзотическихъ* условіяхъ! И всѣ они существовали одинъ мигъ для того, чтобы вслѣдъ затѣмъ разложиться и погибнуть. Существовали затѣмъ, чтобы опровергнуть иллюзіи ихъ учредителей, а не для ихъ оправданія. Такъ же поучительна была и гибель „регистраціи“. Коллективный договоръ этотъ, какъ мы уже говорили, фактически былъ разрушенъ *организованнымъ штрейкбрехерствомъ*. Иными словами, противъ него поднялась та стихійная сила, противъ которой на дѣлѣ одесскій синдикатъ только и боролся, *воображая, что борется противъ злой воли капиталистовъ*. И такъ какъ эта иллюзія не была тотчасъ же задушена пораженіемъ, то моряки, вдохновляемые наивными русскими „синдикалистами“, руководясь своими личными субъективными представленіями, ринулись наряду съ новой стачкой на два другіе пути „прямого дѣйствія“. Началось осуществленіе „экономическаго террора“ и „тиранніи синдикатовъ“. Терроръ и „тиранія“ (убійства и покушенія на нихъ) были направлены противъ чиновъ судовой администраціи и противъ жалкихъ штрейкбрехеровъ, такъ называемыхъ „союзниковъ“, т. е. членовъ „союза русскаго народа“. Впрочемъ, на долю этихъ послѣднихъ удары „прямого дѣйствія“ пришлись только попутно, когда дове-

денные до отчаянія борцы за регистрацію, рѣшились на рядъ взрывовъ и поджогъ пароходовъ, находящихся въ плаваніи съ командами штрейкбрехеровъ; и были взорваны пароходы: „Императоръ Николай II“, пароходъ „Аю-Дагъ“ и т. д., и сожженъ пароходъ „Новороссійскъ“. Наконецъ, дѣло дошло до *прямой* кровопролитной схватки между враждующими рабочими при нападеніи на океанскій пароходъ „Григорій Меркъ“. Словомъ, „экономическій терроръ“ и „тиранія синдикатовъ“ нашли себѣ прекрасное примѣненіе въ общемъ хаосѣ русской революціонной борьбы. И что же? Могутъ ли теперь теоретики *прямого дѣйствія* ссылаться на эту страницу изъ исторіи его проявленій?—*Мы констатируемъ, что вся эта прямая борьба ни къ чему хорошему не привела.* Черноморскіе моряки оказались снова отброшены въ свое первобытное состояніе, лишились даже того, что имъ первоначально далъ полицейскій уставъ офиціальнаго союза. Всѣ три способа „прямой борьбы“: *стачка, экономическій терроръ* и *тиранія синдикатовъ* ни къ чему не привели въ борьбѣ противъ могущества капитала и конкуренціи въ рабочей средѣ. Замѣтимъ себѣ это!

„Синдикалисты“ любятъ говорить объ идейно-агитаціонномъ значеніи всякаго революціоннаго шага со стороны массъ, даже и въ томъ случаѣ если подобный шагъ терпитъ пораженіе. Не переоцѣнивая этого взгляда, съ нимъ можно согласиться *вообще*, но можно и оспаривать его примѣнимость, напримѣръ, *въ данномъ случаѣ*. „Борьба за высшее управленіе всѣмъ тѣмъ, что относится къ установленію отношеній найма“ есть дѣйствительно революціонная борьба. Но необходимо, чтобы дѣйствія, направляемыя противъ соціальнаго порабощенія были дѣйствительной *борьбой*, а не покушеніемъ съ *негодными средствами*. Однако, во всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами групповыхъ попыткахъ борьбы съ „естественными законами капиталистическаго строя“ мы видѣли только такія *покушенія* на борьбу, причемъ средства оказывались негодными. Поэтому мы не можемъ признать этихъ шаговъ пролетарскаго дѣйствія *революціонными*. Но хуже всего то, что изъ этихъ часто вынужденныхъ, иногда инстинктивныхъ, движеній масса не выноситъ яснаго сознанія того, что именно происходитъ съ ней и вокругъ нея на самомъ дѣлѣ. Такъ напримѣръ, одесскіе моряки, повидимому, остались безъ пониманія безплодности ихъ изолированной борьбы съ основами соціальнаго строя; не поняли они и трагизма ихъ борьбы съ штрейкбрехерами изъ полу-босяцкой среды. Поэтому урокъ исторіи рабо-

чаго движенія прошелъ для нихъ даромъ, а можетъ быть, и съ нѣкоторымъ агитаціоннымъ вредомъ.

Но теоретики синдикализма не унываютъ и двигаютъ массу на еще болѣе иллюзорную борьбу, называемую у насъ *захватной борьбой*, на основѣ *новаго* „захватнаго права". Это „захватное право" можно опредѣлить какъ *субъективное стремленіе пролетаріевъ къ непосредственному переустройству существующихъ производственныхъ отношеній*. При этомъ масса пытается сразу *на практикѣ* ограничить число рабочихъ часовъ, осуществить какой-нибудь удобный ей распорядокъ и т. п.

Теорія синдикализма, какъ мы видѣли, обосновываетъ этотъ методъ на своей *философіи субъективнаго дѣйствія* и на исторической аналогіи, существующей якобы между *насильственнымъ* установленіемъ производственныхъ отношеній буржуазіей на зарѣ капитализма и современнымъ *пролетарскимъ насиліемъ* труда, устанавливающаго соціалистическій строй. Мы уже доказывали ложность этихъ предпосылокъ.

Но нетрудно убѣдиться, что иллюзія личной силы въ дѣлѣ установленія желательныхъ производственныхъ отношеній черпается пролетаріемъ не изъ теоріи, а изъ своего личнаго опыта, извращаемаго ложнымъ пониманіемъ дѣйствительности. Помимо обманчивыхъ надеждъ, выносимыхъ организованными рабочими изъ частныхъ побѣдъ въ повседневной борьбѣ за лучшее распредѣленіе, въ случаяхъ пролетарскихъ пораженій создаются иллюзіи о *могуществѣ капиталистовъ*. Прежде всего кажется будто бы капиталистъ въ силахъ дѣлать все, что ему угодно въ опредѣленіи заработной платы, продолжительности труда, распорядка и т. д. Затѣмъ это по аналогіи переносится рабочимъ и на себя. Между тѣмъ нѣсколько простыхъ соображеній способны разрушить этотъ самообманъ. Дѣйствительно. Можетъ ли отдѣльный предприниматель чрезмѣрно, хотя бы въ полтора раза *увеличить* рабочій день?— Увы, къ великому огорченію его, онъ также мало способенъ осуществить это, какъ мало могъ бы удовлетворить по доброй волѣ желаніе рабочихъ работать у него одного *семь часовъ* вмѣсто десяти. Въ первомъ случаѣ онъ рисковалъ бы остаться безъ рабочихъ, во второмъ случаѣ его убила бы промышленная конкуренція его же собратій, и онъ пошелъ бы съ сумой по міру. Словомъ, даже предприниматель, этотъ *господинъ жизни*, не абсолютно властенъ надъ производственными отношеніями [1]). Но все же онъ,

[1]) Это, однако, не мѣшаетъ ему извлекать выгоду даже и изъ своихъ разглагольствованій по поводу даннаго „закона производства", околпачивая рабо-

особенно вкупѣ и влюбѣ со своими собратіями, представляетъ собою соціально-экономическую силу безличнаго капитала. Другое дѣло—рабочій. Онъ не имѣетъ никакого основанія распространять даже и относительное могущество капиталиста по аналогіи на себя. Онъ вовсе не представляетъ всей совокупности элементовъ капитала, а только одинъ изъ ихъ числа: *наемный трудъ*, какъ орудіе буржуазнаго производства. И, какъ таковой, онъ уже вполнѣ пассивенъ по отношенію къ производственнымъ отношеніямъ *непосредственно*. Даже измѣненіе ихъ *въ предѣлахъ естественныхъ законовъ капитализма* онъ не осуществляетъ *непосредственно*, а черезъ буржуазію (оппортунистическая стачка) или—государственную власть (соціальная регламентація). Когда же онъ пытается наложить руку на производственныя отношенія безъ всякихъ соображеній о „нуждахъ промышленности", буржуазія заносчиво указываетъ ему его *мѣсто*.

Уже изъ этихъ общихъ соображеній относительно природы капитализма можно видѣть, насколько *нереволюціоннымъ* долженъ оказаться путь подобныхъ попытокъ со стороны массъ. Ихъ нужно назвать *нереволюціонными* потому же, почему мы назвали этимъ именемъ *экономическій терроръ и тиранію синдикатовъ*, а именно потому, что онѣ являются точно такими же покушеніями на борьбу съ примѣненіемъ негодныхъ средствъ. Приходится предположить, что истинно революціонный путь классовой борьбы идетъ во всякомъ случаѣ не черезъ рядъ попытокъ *захвата*.

Эти наши общія, обоснованныя марксизмомъ положенія, до сихъ поръ оправдываются на дѣйствительной исторіи классовой борьбы. „Сорокъ лѣтъ рабочаго движенія" и въ этомъ отношеніи нисколько не подтверждаютъ фантастической теоріи синдикалистовъ. Лѣтопись захватовъ чрезвычайно скудна, и данныя ея, казалось, должны были бы обезкуражить проповѣдниковъ прямого дѣйствія.

Укажемъ, какъ на одинъ изъ немногихъ примѣровъ такихъ „*захватовъ*", на объявленное Всеобщей Конфедераціей Труда „явочное" установленіе французскимъ пролетаріатомъ восьмичасоваго рабочаго дня 1 мая 1906 года. Организація этой захватной борьбы очень характерна. Рѣшеніе Конфедераціи было принято еще въ іюлѣ 1905 года. Проведеніе въ жизнь этого общаго, такъ сказать, *унитарнаго* рѣшенія подготовлялось нечатью, которая,

---

чаго тамъ, гдѣ хозяйская власть достаточно сильна для удовлетворенія требованій труда.

конечно, воздѣйствовала на *общественное мнѣніе* страны. Буржуазные органы заранѣе начали контръ-агитацію противъ этого плана, запугивая воображеніе обывателя угрозой соціальной революціи. Такимъ образомъ, Федерація синдикатовъ, нехотя, изъ практическихъ соображеній стала на путь своего рода общественныхъ актовъ и создала вокругъ данной идеи борьбу *общественнаго*, а потому и *политическаго* характера. Поэтому мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло уже не съ чисто — „прямымъ" дѣйствіемъ. Но все же по цѣлямъ своимъ оно оставалось таковымъ, а потому, несмотря на стройную организованность дѣйствій, потерпѣло полнѣйшую неудачу.

Другой еще болѣе печальный примѣръ представляетъ собой ноябрьская борьба петербургскихъ рабочихъ въ 1905 году за восьмичасовой рабочій день. Это было поистинѣ „прямое дѣйствіе". Въ дни революціоннаго сплоченія демократіи, въ нѣсколькихъ, такъ сказать, шагахъ отъ предполагаемаго и возможнаго созыва Учредительнаго Собранія петербургскій пролетаріатъ обнаружилъ революціонное нетерпѣніе въ своихъ соціальныхъ притязаніяхъ. Но въ то время какъ онъ, гордый послѣ 17 октября сознаніемъ своей силы, былъ настроенъ чрезвычайно революціонно, методъ борьбы избранный имъ для осуществленія нормальнаго рабочаго дня былъ „революціоненъ" развѣ только въ иллюзорномъ смыслѣ синдикалистской терминологіи. Соціалдемократическая газета „Начало" писала, что восьмичасовой рабочій день должно будетъ установить Учредительное Собраніе. На этотъ путь и слѣдовало массамъ направить всю свою энергію, растраченную — увы! — на частно-правовыя дѣйствія *„захватной"* кампаніи. Направленныя на осуществленіе Учредительнаго Собранія усилія столичнаго пролетаріата, быть можетъ, привели бы ихъ къ ихъ соціальной цѣли нормировки труда, а въ то же время они вдохнули бы новую энергію въ общереволюціонную борьбу. Но субъективное сознаніе и темпераментъ увлекли массу на путь прямой борьбы, и „Совѣтъ рабочихъ депутатовъ" объединилъ эти стремленія въ одномъ общемъ лозунгѣ. Промышленники при посредствѣ властей отвѣтили угрозой локаута. Тогда раздались призывы: „не дожидаясь разсчета, сами бросайте работу, чтобы показать заводчикамъ и фабрикантамъ единеніе всѣхъ пролетаріевъ Петербурга и ихъ рѣшимость до конца бороться за восьмичасовой рабочій день... Объединяйтесь и снова на борьбу *вплоть до побѣды*"! Но не побѣда ждала ихъ на этомъ пути, а немедленное пораженіе. Совѣтъ раб. депутатовъ

объявилъ отступленіе въ этой „прямой борьбѣ“ и звалъ къ борьбѣ политической. Однако, было уже поздно: какъ соціальная борьба момента, такъ и тогдашній политическій подъемъ были погублены.

Интересно то, что французскіе пролетаріи, приступая къ своей попыткѣ захвата 1 мая 1906 года, имѣли передъ глазами печальный урокъ петербургской захватной борьбы. И вотъ они его игнорировали, а въ то же время чуть ли не всѣ популяризаторы французскаго синдикализма ссылаются въ обоснованіи захватнаго права на „явочный порядокъ“ установленія русскихъ гражданскихъ свободъ“. Несомнѣнно также, что и петербургскіе рабочіе дѣйствовали осенью 1905 года по аналогіи со своими же и общегражданскими дѣйствіями въ до-октябрьскій періодъ того же года, разсуждая, что раньше ими было захвачено право союзовъ—почему бы теперь не осуществить „явочнымъ порядкомъ“ и нормировку труда?

Иллюзія сложилась изъ простой логической аналогіи. Но аналогія эта была совершенно неумѣстна. Дѣло въ томъ, что въ первомъ случаѣ рѣчь шла объ устраненіи старой правовой надстройки самодержавнаго права для того, чтобы дать мѣсто свободному развитію частно-правовыхъ силъ въ полномъ соотвѣтствіи съ наличными „естественными законами“ капиталистическаго строя. Во второмъ же случаѣ выдвигалась задача посягательства на эти „естественные законы“ для свободнаго проявленія организаторской и распорядительской воли пролетаріата. Аналогію этому новому положенію можно искать развѣ только въ крестьянской „жакеріи“ Великой революціи или въ русскихъ „аграрныхъ безпорядкахъ“, гдѣ рѣчь шла и идетъ дѣйствительно о разрушеніи старыхъ соціально-экономическихъ, *производственныхъ* отношеній для основанія новаго соціальнаго, а затѣмъ и политическаго строя. Но при проведеніи этой другой аналогіи и выводы получились бы обратные. Вѣдь не жакерія уничтожила феодальную собственность, а революціонныя дѣйствія суверенной власти. Нація въ концѣ концовъ выдвинула „короля революціи“, и подъ этой формулой старой власти осуществился народный суверенитетъ, который перестроилъ производственныя отношенія. А на основѣ новыхъ соціальныхъ отношеній уже даже въ теченіе немногихъ лѣтъ революціи сложились новыя формы политической и гражданской жизни. Такимъ образомъ, правильная аналогія въ виду очевидной невозможности немедленнаго соціалистическаго переворота привела бы къ отрицанію цѣлесообразности оказавшагося роковымъ для массъ

„прямого дѣйствія“ [1]). Ту же ошибку дѣлаютъ и теоретики синдикализма при своихъ ссылкахъ на „захватное право“ русской революціи. Любопытно, наконецъ, отмѣтить, что и наши демократическіе захваты 1905 года нѣсколько *опередили* окончательное низверженіе стараго строя, а потому вскорѣ и были во многомъ уничтожены напоромъ реакціи. И если послѣ этого лозунгъ: „учредительное собраніе“ не сходитъ съ устъ пролетарскихъ массъ, то только потому, что для установленія и закрѣпленія необходимыхъ гражданскихъ свободъ, въ соотвѣтствіи съ „естественными законами“ капиталистическаго производства, намъ также нужно проявленіе суверенной воли и власти народа.

Теперь мы можемъ считать историческій матеріалъ, могущій служить для попытокъ обоснованія „синдикализма“, въ общихъ чертахъ исчерпаннымъ. И въ итогѣ можно признать, что „исторія сорока лѣтъ рабочаго движенія“ оказываетъ чрезвычайно плохую услугу „революціонному синдикализму“. Она богата только примѣрами крушенія синдикалистскихъ иллюзій. А тѣ случаи успѣшной стачечной борьбы, которымъ „синдикалисты“ приписываютъ *революціонное* значеніе, относя ихъ въ то же время къ методу „прямого дѣйствія“, оказываются либо чрезвычайно *опортунистичны*, либо же осложнены другими пріемами борьбы, чуждыми *„прямому дѣйствію“*. Выше уже были кое-гдѣ отмѣчены побочныя обстоятельства, въ которыхъ сказывались публично-правовыя тенденціи въ классовой борьбѣ современнаго пролетаріата. Нами отмѣчены изъ нихъ только немногія, но это только потому, что въ интересахъ истины мы обсуждали наиболѣе чистыя проявленія „прямого“, т. е. прежде всего экономическаго, дѣйствія массъ. А между тѣмъ эти публично-правовыя стремленія пролетаріата чрезвычайно преобладаютъ надъ частно-хозяйственными притязаніями массъ. И приходится только удивляться „своеобразію“ мышленія „синдикалистовъ“, не замѣчающихъ верблюда и оцѣживающихъ муху. Но

[1]) Никто не станетъ утверждать, что захватъ въ 1905 г. восьмичасового рабочаго дня носилъ характеръ той борьбы, которая выше названа терминомъ „опортунистической“. Страшный промышленный кризисъ меньше всего былъ подходящимъ временемъ для подобныхъ разсчетовъ на „промышленную возможность“ этой нормировки рабочаго дня. Но вообще случаи „опортунистическихъ дѣйствій“ могутъ по формѣ своей походить на захваты. Сюда, напримѣръ, относится и сокращеніе рабочаго дня марсельскими портовыми рабочими (въ 1903 г.). Однако, этотъ случай ближе стоитъ къ установленію девятичасового рабочаго дня англійскими фабрикантами въ 1871 году, нежели къ „революціонному прямому дѣйствію“.

да будетъ намъ здѣсь позволено бѣгло упомянуть о цѣлой громадной категоріи „незамѣченныхъ“, хотя и очень замѣтныхъ, фактовъ изъ исторіи пролетарской борьбы послѣднихъ десятилѣтій.

Прежде всего мы на каждомъ шагу исторіи стачекъ наталкиваемся на такъ называемые „стачки по симпатіи“ (англ. sympathetic) или „стачки сочувствія“. Тутъ мы сразу сходимъ съ почвы того объединенія „по интересамъ“ или „чисто-экономическаго“ объединенія, съ которымъ такъ носятся синдикалисты, и вступаемъ въ область „идеологическаго объединенія“, относимаго самими „синдикалистами“ къ явленіямъ *политическаго* свойства. И въ самомъ дѣлѣ, если чикагскую желѣзнодорожную стачку (1894 г.), пришедшую на помощь стачкѣ въ родственной отрасли вагоностроительной промышленности, на Пульмановскомъ вагонномъ заводѣ, можно еще съ натяжкой отнести къ объединенію „по интересамъ“, то что можно сказать объ австралійской *всеобщей* стачкѣ 1890 г., которая была вызвана увольненіемъ *одного* судового служащаго за принадлежность къ союзу! Вспомнимъ также, что стимуломъ чисто „политическаго дѣйствія“ 9 января 1905 г. въ Петербургѣ было также увольненіе нѣсколькихъ рабочихъ путиловскаго завода! Что же послѣ этого является болѣе могучимъ стимуломъ къ объединенію и источникомъ соціальной мощи пролетаріата: та ли „связь по необходимости“, т. е. профессіональная связь, которая по собственному признанію синдикалистовъ объединила во Франціи въ Конфедераціи Труда не больше 25% синдикированныхъ рабочихъ, приблизительно 107.000 изъ 420.000, или же „идеологическая связь“, подобная указанной?

Но и помимо этого „идеологическаго“ происхожденія, стачки сочувствія играютъ большую роль въ развитіи публично-правовыхъ тенденцій рабочаго движенія. Эти стачки являются однимъ изъ звеньевъ въ цѣпи развитія отъ частной стачки къ всеобщей, а эта цѣпь развитія есть въ то же время развитіе публично-правовыхъ стремленій пролетаріата. Процессъ этотъ совершается обыкновенно слѣдующимъ образомъ. Отдѣльная изолированная стачка все больше и больше оказывается безсильной въ борьбѣ съ концентрированными силами государства. Поэтому рабочіе каждой отдѣльной отрасли промышленности и даже отдѣльнаго предпріятія все болѣе и болѣе нуждаются *для защиты своихъ интересовъ* въ стачкѣ болѣе или менѣе всеобщей (grève généralisée). Но ошибочно было бы думать, что другіе союзы и предпріятія, вовлекаемыя при этомъ въ „стачки сочувствія“ извлекаютъ изъ этого объединенія

одинаковую выгоду. Такъ именно представляютъ себѣ дѣло „синдикалисты“ въ построеніи своей теоріи всеобщей стачки. Но это вовсе не вѣрно. Примыкающіе изъ сочувствія союзы почти всегда оказываются въ положеніи „альтруистовъ“. Ихъ связь съ борцами первой категоріи оказывается „идеологической“. И потому-то всякая такая всеобщая стачка обыкновенно не удерживается въ рамкахъ интереса какой-нибудь отдѣльной, хотя бы и обширной категоріи рабочихъ, а выдвигаетъ принципы, общіе всему пролетаріату. А такъ какъ эти обобщающіе принципы въ любой данный моментъ практически связаны съ *общественнымъ положеніемъ* пролетаріата, то стачка принимаетъ *политическій* характеръ. Впрочемъ, съ „синдикалистами“ не приходится спорить относительно того, что всякое *идеологическое* объединеніе людей, преслѣдующихъ *соціальныя* цѣли, носитъ политическій характеръ, такъ какъ они сами установили антитезу „объединенія по интересамъ“ [1]) и „идеологическаго объединенія“, рекомендуя пролетаріату исключительно первое, какъ *синдикалистское*, и предостерегая противъ второго, какъ *политическаго*.

Что же касается того, что во всеобщей стачкѣ связь между „стачечниками изъ сочувствія“ и „стачечниками по необходимости“ обыкновенно является *идеологической* связью, то въ этомъ мы можемъ сослаться на свидѣтельство добросовѣстныхъ изслѣдователей исторіи стачекъ. Такъ напримѣръ, Роландъ-Гольстъ и Луи-де-Бруккеръ, участники анкеты Лягарделля о всеобщей стачкѣ, указываютъ, что моментъ, наиболѣе благопріятный для того, чтобы вырвать уступки у хозяевъ, никогда не наступаетъ одновременно для всѣхъ отраслей промышленности. Отсюда же неопровержимо слѣдуетъ, что многіе изъ вошедшихъ въ стачку по сочувствію оказываются связаны съ иниціаторами стачки только *идеологически*.. Въ силу этого наиболѣе умѣстнымъ руководителемъ такихъ массовыхъ движеній должна явиться не профессіональная федерація союзовъ, а партійное объединеніе наиболѣе активныхъ борцовъ за общія соціальныя цѣли пролетаріата всѣхъ профессій, т.е. *соціалистическая партія*. Карлъ Каутскій въ той же анкетѣ Лягарделля отмѣчаетъ еще одну сторону стачекъ сочувствія. Каждая изъ такихъ стачекъ бьетъ не ту группу предпринимателей, у которой иниціаторы стачки хотѣли

---

[1]) Конечно, они имѣютъ здѣсь въ виду ближайшій практическій интересъ рабочихъ, иначе всякій смыслъ противоположенія утрачивается, такъ какъ и „коллективизмъ“ можетъ быть отнесенъ къ категоріи пролетарскихъ интересовъ.
П. С.

вырвать уступки, а другія вѣтви буржуазіи, какъ класса. При этомъ разсчетъ рабочихъ основанъ на томъ, что интересы первой группы предпринимателей будутъ принесены капиталистами общимъ интересамъ своего класса. Такимъ образомъ, прямое дѣйствіе замѣняется здѣсь давленіемъ на общественное мнѣніе. Массы становятся на публично-правовой путь, а отсюда логически послѣдовательными являются съ ихъ стороны и попытки оказать давленіе на государственную власть.

Этотъ элементъ общественнаго сочувствія становится все болѣе необходимъ для стачекъ, по мѣрѣ того, какъ размѣры ихъ возрастаютъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаютъ передъ ними и препятствія въ лицѣ организующейся буржуазіи. Странно даже подвергать сомнѣнію преобладающее значеніе этого элемента въ современныхъ стачкахъ передъ побочными пріемами „прямого дѣйствія". И несомнѣнно, что эти публично-правовыя потребности стачечной борьбы не только не вытѣсняются новыми пріемами, а наоборотъ замѣтно и повсемѣстно возростаютъ. Пусть тѣ, кто желаетъ возражать на это, возьмутъ на себя трудъ доказать что-либо противоположное! Мы же ограничимся здѣсь нѣкоторыми изъ многочисленныхъ примѣровъ подобныхъ явленій.

Въ 1871 году въ Англіи движеніе въ пользу девятичасового рабочаго дня обошлось почти вовсе безъ стачекъ. Побѣда рабочихъ была достигнута однимъ лишь давленіемъ общественнаго мнѣнія въ странѣ и общественной авторитетностью Интернаціонала. О лондонскихъ стачкахъ спичечныхъ фабрикъ въ 1888 г. и портовыхъ рабочихъ въ 1889 г. Г. Роландъ-Гольстъ пишетъ: „Общественное мнѣніе рѣшительно стало на сторону рабочихъ, публика жертвовала значительныя суммы на ихъ поддержку, и концентрированное давленіе вліятельныхъ слоевъ общества въ большей степени принудило предпринимателей удовлетворить предъявленныя требованія, нежели собственная сила борющихся" [1]). Въ 1877 году одна изъ стачекъ въ Соедин. Штатахъ приняла бурный характеръ. То была знаменитая стачка желѣзнодорожныхъ служащихъ. Она вспыхнула въ годы промышленнаго кризиса и, конечно, была обречена на неудачу. Но если стачечникамъ все-таки удавалось обезсилить полицію и найти въ себѣ рѣшимость оттѣснить въ уличной борьбѣ войска и артиллерію, то надо замѣтить, что на ихъ сторонѣ было

---

[1]) „Всеобщая стачка". Г. Роландъ-Гольстъ. Перев. въ изданіи „Знаніе" СПБ. 1906 г., стр. 27.

широкое общественное мнѣніе и въ ихъ рядахъ стояли многіе горожане. Желѣзнодорожная стачка 1894 г., начатая изъ сочувствія Пульмановскимъ забастовкамъ тоже сдѣлалась скоро центромъ общей симпатіи.

Вообще, по мѣрѣ того, какъ система властей демократизировалась, и городское самоуправленіе стало очагомъ хозяйственной власти населенія,—исходъ стачекъ часто сталъ рѣшаться поддержкой со стороны муниципалитетовъ. Примѣръ этому блестящій исходъ стачки миланскихъ газовыхъ рабочихъ въ 1901 г., когда мѣстная городская дума—municipalita—взяла сторону забастовщиковъ.

Защитники всеобщей стачки любятъ еще ссылаться на примѣръ побѣдоносной всеобщей стачки въ октябрѣ 1905 года въ Россіи. А между тѣмъ уже одно простое сопоставленіе этой стачки съ другими чисто-пролетарскими стачками въ ноябрѣ и декабрѣ того же года показываетъ, что она стоитъ въ сторонѣ отъ обычныхъ пролетарскихъ стачекъ, и является формой проявленія суверенной воли народа. Революціонная всероссійская стачка была дѣйствительно пролетарской. Но она была таковой по методу дѣйствій, по глубоко соціальному содержанію своихъ цѣлей, потому, что идея пролетарской демократіи подчинила себѣ въ этотъ моментъ средніе слои городского населенія. Но непобѣдима она была при незначительной численности россійскаго пролетаріата именно тѣмъ, что воплощала въ себѣ суверенную волю народа. Въ ней особыя условія русской революціи [1]) создали явленіе, чрезвычайно близкое къ проявленію пролетарской суверенной власти и воли въ недостаточно еще пролетаризированной странѣ.

Зависимость исхода стачекъ отъ органовъ общественнаго мнѣнія (періодическая печать) и общественной власти ((мѣстное самоуправленіе) устанавливается изъ исторіи стачекъ Западной Европы самымъ несомнѣннымъ образомъ. Еще болѣе несомнѣнна зависимость исхода отдѣльныхъ вспышекъ пролетарской борьбы отъ органовъ центральной государственной власти. Но репрессіи властей противъ стачки убиваютъ ее или *превращаютъ въ политическую стачку*. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ административная и судебная власти, эти вѣрные приказчики капиталистической буржуазіи, спѣшатъ на помощь частно-правовымъ притязаніямъ промышленниковъ

---

[1]) См. брошюра автора: „За или противъ насъ“. Изд. Петровской Библіотеки въ Москвѣ, перепеч. изъ „Образованія“. 1905 г.

и обрушиваются на забастовщиковъ со всей силой буржуазнаго государственнаго аппарата. Вмѣшательство властей въ естественный ходъ пролетарской борьбы до такой степени обычная вещь, что для доказательства указанной нами зависимости достаточно просто отослать читателя къ исторіи стачекъ [1]).

Тогда передъ читателемъ пройдетъ цѣлая вереница болѣе или менѣе значительныхъ стачекъ, которыя неизмѣнно сопровождаются вмѣшательствомъ властей для защиты предпринимательскихъ правъ. Характернѣе всего въ этомъ отношеніи примѣръ Сѣв.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, этой гордой своимъ *демократизмомъ* республики. Начиная отъ стачки желѣзнодорожниковъ въ 1877 г. и кончая стачкой углекоповъ 1902 года, каждый разъ въ рѣшительный моментъ на сцену появлялась полиція и милиція державнаго народа и пускали въ ходъ шашки и ружья. О нашемъ Старомъ Свѣтѣ нечего и говорить! Въ тѣхъ же случаяхъ, когда такое вмѣшательство своевременно не удавалось, мы видимъ послѣдующее выступленіе власти съ законами карательнаго или запретительнаго свойства. Къ этимъ средствамъ борьбы чаще всего прибѣгала южно-американская буржуазія: въ 1902 г. аргентинская, въ 1903 г. чилійская. Въ томъ же году урокъ *„политическаго дѣйствія“* былъ преподанъ пролетаріату „ультра-демократической“ буржуазіей австралійскаго штата Викторіи, гдѣ парламентъ послѣ желѣзнодорожной забастовки вотировалъ ad hoc драконовскій законъ, запрещающій стачку лицамъ, которые состоятъ на службѣ у государства. Въ Сѣв.-Америк. Соединенныхъ Штатахъ очень поучительно вмѣшательство судебныхъ властей, которые направили воспѣваемое „синдикалистами“ (напр. Максимомъ Лероа) преторское законодательство—въ формѣ судебныхъ приказовъ—противъ различныхъ актовъ классовой борьбы. Въ этомъ случаѣ частно-правовую позицію заняла „судебная власть“, а ея пресловутая независимость отъ государства сдѣлала ее могущественной. Побѣда частнаго права надъ публичнымъ привела къ побѣдѣ частнаго произвола надъ пролетаріемъ. Лишь изрѣдка эта поучительная лѣтопись *„непрямого дѣйствія“* буржуазіи различныхъ странъ украшается фактами двусмысленнаго заступничества центральныхъ властей за забастовщиковъ. Въ этомъ отношеніи органы буржуазно-демократическаго самоуправленія оказываются гораздо благосклоннѣе къ борьбѣ тружениковъ съ капиталомъ.

---

[1]) Напр. „Рабочія стачки“ В. Поссе. СПБ. 1906.

Эта зависимость пролетарской борьбы отъ политической власти устанавливается самымъ неоспоримымъ образомъ въ статистикѣ стачекъ. Возьмемъ, напримѣръ, статистику итальянскихъ стачекъ. Максимумъ числа неблагопріятныхъ стачекъ за десятилѣтіе 1890—1899 г. приходится на 1892 г. Почему?—Это годъ наибольшаго торжества реакціонной политики министерства Криспи. Въ эти годы реакціи, кромѣ того, значительно падаетъ и общее число стачекъ. Во Франціи массы вообще довольно мало соображаются съ положеніемъ промышленности, и стачки ихъ поэтому болѣе, нежели гдѣ-либо „революціонны". Но зато какъ бросается въ глаза ихъ подчиненность политикѣ! 1899 и 1900 годы приносятъ съ собою небывалое по сравненію съ прошлымъ количество стачекъ. Гдѣ же причина? — Причина въ либеральной политикѣ кабинета Вальдекъ-Руссо—Мильерана. [1])

Однако же система репрессивнаго вмѣшательства до такой степени преобладаетъ, что остается только удивляться той бездоказательности, съ которой „синдикалисты" проповѣдуютъ *„прямое" аполитическое дѣйствіе*. Увы,—совершенно роковымъ образомъ большинство бывшихъ возстаній труда становилось передъ дилемой: итти противъ государственной власти, обращая по ея адресу и натискъ и требованія посредничества, или же отказаться отъ борьбы. Вездѣ дѣло сводится въ концѣ концовъ къ выбору между *политическимъ* дѣйствіемъ, или пассивнымъ *бездѣйствіемъ*. И только въ политической формѣ стачка становится сильной, активной, революціонной.

Случаи проявленія симпатій населенія иногда манили пролетаріатъ въ сторону заискиваній передъ буржуазнымъ общественнымъ мнѣніемъ. Жоресъ даже рекомендуетъ массамъ ставить себѣ такое завоеваніе сочувствія прямой субъективной цѣлью. Нѣчто въ этомъ родѣ проповѣдовали и „синдикалисты" въ трэдъ-юніонистскій періодъ своего прозябанія, и проповѣдывали не даромъ, такъ какъ безъ этого суррогата публичной поддержки единственное орудіе борьбы—пассивная стачка—играло чрезвычайно незначительную роль. Однако, несомѣнно, что публично-правовыя потребности въ рабочемъ движеніи не могутъ быть удовлетворены этимъ, т. е. онѣ нисколько не ведутъ пролетаріатъ въ плѣнъ фиктивнаго суверенитета буржуазной націи. И надо замѣтить, что симпатіи буржуазной прессы и органовъ самоуправленія склоняются иногда на сторону

---

[2]) См. статистическія таблицы въ „Теоріи стачекъ" Салюччи.

рабочихъ стачекъ только потому, что стачка оказывается оппортунистична. А всякій разъ, когда пролетаріатъ въ своей борьбѣ съ капиталомъ занимаетъ сколько-нибудь революціонную позицію по отношенію къ буржуазному обществу, тонъ этой печати рѣзко мѣняется. Вспомнимъ хотя бы нашу печать и нашу пролетарскую борьбу за восьмичасовой рабочій день въ ноябрѣ 1905 года. И можно быть увѣреннымъ, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше филистерское общественное мнѣніе буржуазіи будетъ отказываться отъ пролетаріата послѣ всякаго его сколько-нибудь революціоннаго шага. Но, конечно, массы, лишенныя даже суррогата публичной поддержки, тѣмъ сильнѣе устремятся на путь *политически*-классоваго дѣйствія.

Не ясно ли, что эти публично-правовыя тенденціи рабочаго движенія, поневолѣ все сильнѣе преобладающія надъ его частно-правовыми тенденціями, приведутъ его къ общественной власти. Только цѣлью его явится не существущая власть, которая сама въ дѣйствительности занимаетъ частно-правовую позицію, а иной, неподдѣльный суверенитетъ пролетаризированнаго народа. Конечно, при этомъ скорѣе всего путь пролетаріата лежитъ черезъ осуществленіе его частно-правового притязанія узурпировать эту власть, т. е. сдѣлать ее диктатурой своего класса. Но дѣло отъ этого не мѣняется, и мы говоримъ: *трудъ въ борьбѣ съ капиталомъ тяготѣетъ къ суверенной общественной власти.*

ГЛАВА III.

Объединеніе и сектантство.

„Синдикалисты“ непримиримые враги организованной общественной власти. Положимъ, они довольно близко подходятъ къ идеѣ власти, объединяющей общество и служащей ему, когда защищаютъ всеобщую стачку. Противъ своей воли и ложнымъ путемъ, но все же они въ этомъ случаѣ способны двигать послушные имъ элементы массъ къ публично-правовой дѣятельности, такъ какъ на этотъ путь ведетъ, независимо отъ субъективныхъ стремленій доктринеровъ, стачечная борьба въ ея развитіи. Однако, стачечная борьба есть только одно изъ проявленій классовой борьбы. Параллельно ей и слѣдомъ за ней въ исторіи рабочаго движенія шла гигантская работа самоорганизаціи пролетаріата. И въ этой области „синдикалисты“, какъ мы знаемъ, заявляютъ притязаніе на дѣятельную роль „объединителей“. Самое названіе ихъ группы: „синдикалисты“ значитъ—сторонники чисто-профессіональнаго объединенія рабочихъ въ синдикаты и въ федераціи синдикатовъ. Такимъ образомъ, „синдикалистъ“ является передъ нами въ костюмѣ „объединителя“ рабочихъ массъ на пути къ соціализму и мечетъ громы и молніи противъ губительнаго дробленія, вызываемаго въ рядахъ пролетаріата соціалистическими фракціями. Въ одной рукѣ „объединителя“ фетишъ физическаго труда и скрижали заповѣдей: *аполитизма* и *федерализма*, другой рукой онъ указываетъ намъ на исторію рабочаго движенія, какъ на доказательство правоты своихъ принциповъ. Но не маскарадный ли это костюмъ?

Дробленіе пролетаріата, дѣйствительно, есть преступленіе или несчастье, и не мѣшаетъ остерегаться его. Вѣрно и то, что дѣятельность соціалистическихъ фракцій порождала это дробленіе въ предыдущія десятилѣтія рабочаго движенія. И защитникамъ революціоннаго марксизма менѣе всего подобаетъ легкомысленно отмахиваться и пренебрежительно отмалчиваться отъ укоровъ подобнаго рода. Поэтому, несмотря на неудовлетворительное обоснованіе

„революціоннаго синдикализма“ его теоретиками, нельзя обойтись безъ отдѣльной перепровѣрки этихъ его положеній на примѣрахъ той же „исторіи сорока лѣтъ“.

Если вѣрить „синдикалистамъ“, готовыя ячейки новаго общества уже выросли въ тѣлѣ современнаго пролетаріата. Это—*синдикаты*. Теперь, по ихъ мнѣнію, задачи субъективной дѣятельности пролетаріевъ сводятся: во-первыхъ, къ *аполитизму*, или къ разрушенію всѣхъ другихъ элементовъ общественной организаціи, какъ-то государства, политическихъ партій, всѣхъ видовъ демократическаго (по большинству) самоуправленія, и къ поглощенію синдикатами ихъ власти; а во-вторыхъ — къ *федерализму*, какъ единственно якобы возможному объединенію массъ черезъ связь между синдикатами. Дальнѣйшее же развитіе синдикатовъ, по мнѣнію „синдикалистовъ“, должно итти въ одномъ и томъ же неизмѣнномъ направленіи, при чемъ существуетъ увѣренность, будто бы синдикаты въ ихъ теперешнемъ видѣ уже являются совершенными носителями революціонной энергіи, нужной для переустройства капиталистическаго общества въ соціалистическое. Все это якобы совершается вокругъ насъ. Посмотримъ, такъ ли обстоитъ дѣло въ дѣйствительности.

Осуществляются ли на нашихъ глазахъ „аполитизмъ“ и „федерализмъ“ пролетарскихъ организацій хотя бы въ формѣ объективныхъ *тенденцій?* Въ предыдущей части этой книги: „Государство и произволъ“ уже было показано, что государство, *какъ организація суверенной воли народа*, въ данное время разлагается; что частное право одерживаетъ постоянныя побѣды надъ публичнымъ правомъ; что такъ называемая государственная власть, прикрываясь фикціей публичнаго права, фактически стоитъ на почвѣ частно-правовыхъ притязаній класса буржуазіи и даже отдѣльныхъ партій или просто бюрократической касты. Однако же, нельзя не замѣтить, что одновременно съ разложеніемъ суверенной власти, созданной революціями въ борьбѣ съ произволомъ, сохраняется и развивается противорѣчивый по природѣ своей *парламентаризмъ*, который по примѣру феодальнаго абсолютизма носитъ въ себѣ зачатки суверенной воли и власти народа, могущей осуществить предстоящій соціальный переворотъ, а прежде всего—„экспропріацію экспропріаторовъ“ и соціализацію производства.

Но доказать наличность этихъ послѣднихъ публично-правовыхъ тенденцій въ происходящемъ теперь процессѣ экономическаго перерожденія общества можно, только отмѣтивъ неизбѣжность развитія

этихъ тенденцій въ новыхъ соціальныхъ слояхъ, порожденныхъ капиталистическимъ производствомъ, т. е. прежде всего въ промышленномъ пролетаріатѣ. И наоборотъ, нежизненность ихъ въ рабочемъ движеніи доказывала бы, что пролетаризованное общество находится не на пути къ проявленію своей суверенной воли и власти. Тогда дѣйствительно было бы умѣстно искать возможностей соціальнаго переустройства только въ одномъ непрерывномъ и неизмѣнномъ процессѣ частно-правоваго дробленія общественныхъ силъ, какъ это и дѣлаютъ „синдикалисты", усматривая полную тождественность, какъ въпроцессѣ буржуазной демократизаціи государства (отъ публичнаго права къ частному), такъ и въ ходѣ *борьбы* и *самоорганизаціи* пролетарскихъ массъ. Но одинъ бѣглый обзоръ стачечной борьбы уже открылъ въ ней публично-правовыя тенденціи, находящіяся въ прямомъ противорѣчіи съ тенденціями буржуазной демократіи. Теперь намъ предстоитъ опредѣлить роль пролетарской самоорганизаціи въ этомъ процессѣ.

Собственно, весь этотъ вопросъ сводится къ исторической перепровѣркѣ одного общаго *экономическаго* закона развитія капитализма. Этотъ законъ, указанный К. Марксомъ, есть законъ фактическаго обобществленія труда и всего процесса производства въ нѣдрахъ старой капиталистической системы. Этотъ законъ служитъ существенной предпосылкой научнаго соціализма, такъ какъ онъ исключаетъ объективную возможность основанія новаго общества на принципѣ частнаго или группового владѣнія орудіями производства, а стало быть исключаетъ и возможность построенія соціалистической теоріи путемъ слѣпого воспроизведенія субъективныхъ, частно-правовыхъ стремленій отдѣльныхъ индивидовъ или группъ, подобно тому какъ строятъ свою теорію „синдикалисты". Перепровѣрка этого закона на фактахъ цѣнна не только, какъ перепровѣрка неоспоримости положеній научнаго соціализма. Она интересна для насъ потому, что доказываетъ иллюзорность и *субъективизмъ* нѣкоторыхъ фазъ въ психологіи и идеологіи массъ, а тѣмъ самымъ выясняетъ и роль „синдикализма" въ рабочемъ движеніи. Но такое объективное обобществленіе труда и соотвѣтствующее ему развитіе публично-правоваго сознанія въ пролетаріатѣ уже достаточно подтверждено на фактахъ исторіи соціализма. И мы отсылаемъ туда читателя. Здѣсь же умѣстно будетъ только рѣшить, не поглощается ли теперь это центростремительное движеніе массъ другимъ—центробѣжнымъ, не вытѣсняется ли соціалистическое объединеніе класса синдикальной группировкой профессій.

Итакъ, обратимся опять къ исторіи „сорока лѣтъ“ для того, чтобы убѣдиться, глохнетъ ли въ рабочихъ массахъ стремленіе къ публично-правовой дѣятельности, преобладаетъ ли тотъ групповой аполитизмъ и *„федерализмъ“*, который проповѣдуютъ „синдикалисты“ и, наконецъ, является ли „синдикалистская школа“, какъ она на то претендуетъ, дѣйствительнымъ *объединителемъ* рабочаго класса или же, наоборотъ, она только путается подъ ногами гиганта-пролетаріата, идущаго къ завѣтной цѣли соціализма.

Едва ли не общепризнаннымъ является то, что синдикализмъ уже скомпрометтировалъ себя въ первой формулировкѣ своей теоріи [1]). Эта первая формулировка, какъ мы уже знаемъ, представляла собой не что иное, какъ старый, замкнутый трэдъ-юніонизмъ. Система взаимопомощи и борьбы за улучшеніе условій труда обосновывалась на частно-правовомъ притязаніи синдикатовъ монополизировать трудъ. Для этого было организовано „ученичество“, закрытъ доступъ въ профессію женщинѣ. Но всѣ эти трэдъ-юніонистскія притязанія закрыть доступъ въ профессію неквалифицированнымъ рабочимъ разбились о неудержимую силу конкуренціи среди рабочаго класса [2]). Трудъ оказался *соціализованнымъ* хотя бы въ томъ смыслѣ, что нельзя помѣшать каждому пролетарію время отъ времени получать работу въ данной профессіи. Цеховыя привилегіи ремесленниковъ стали немыслимы въ развитомъ капиталистическомъ производствѣ. Интересно то, что эти общественно-правовыя свойства обобществленнаго труда обнаружились съ особенной силой въ моментъ максимальнаго развитія экономическихъ противорѣчій существующей системы производства. И трэдъ-юніонистскія притязанія на профессіональную замкнутость рушились въ періодъ промышленной депрессіи послѣднихъ годовъ. При этомъ не только были отброшены старые методы трэдъ-юніонизма, но самые трэдъ-юніоны сократились въ количествѣ и численности. Такъ кризисъ, грозный для старой экономической системы, раскрываетъ зрѣлость элементовъ новой систе-

---

[1]) Соотвѣтственная теорія „синдикализма“ изложена была Ж. Сорелемъ въ его брошюрѣ: „Соціалистическое будущее синдикатовъ“. Теперь, когда старый синдикализмъ видоизмѣнился подъ новой кличкой революціоннаго синдикализма, Сорель, по слухамъ, отказывается переиздавать опровергнутую жизнью брошюру.

[2]) См. популярное изложеніе этихъ метаморфозъ пролетарской самоорганизаціи въ книжкѣ автора: „Самоорганизація рабочаго класса“, изд. „Просвѣщенія“. 1906 г.

мы производства. А общій соціально-экономическій кризисъ запутавшагося въ противорѣчіяхъ порядка будетъ моментомъ рожденія новаго строя.

Синдикализмъ пережилъ свою первую теорію, и возродился въ новомъ исправленномъ и дополненномъ видѣ „революціоннаго синдикализма". Замкнутость синдикатовъ пришлось отвергнуть. Но отъ покровительства ихъ частно-правовымъ притязаніямъ „новая школа" не подумала отказаться. Только старыя вещи были заново перекрашены. Замкнутость возродилась подъ новымъ громкимъ названіемъ „*захвата* рынка труда". Старое откровенное стремленіе каждаго опытнаго практика трэдъ-юніониста конкурировать съ другими союзами, а особенно съ неквалифицированными массами, теперь сообразно духу времени была замаскировано названіями „новой морали" „связи по интересамъ", синдикалистской *солидарности*. Но объективные результаты всѣхъ этихъ притязаній были все тѣ же. Рынокъ труда нисколько не переходилъ въ руки пролетаріата, а по-прежнему одна часть пролетаріевъ преграждала доступъ въ профессію другой части. Условіе современнаго производства есть *соціализація труда* и всѣ попытки монополизировать рынокъ труда остаются реакціонно-утопическими. Поэтому онѣ или терпятъ неудачу, или достигаютъ нѣкотораго успѣха, но только цѣной значительнаго ущерба для неорганизованной массы [1]). Примѣромъ перваго можетъ служить одесская „регистрація судовыхъ командъ", примѣромъ второго любой *аристократизованный* синдикатъ.

Итакъ, всѣ старанія синдикалистовъ не приводятъ къ главной цѣли, и процессъ обобществленія труда продолжается, опираясь подчасъ даже и на плоды синдикалистской работы, тѣмъ путемъ, что объективная природа синдикатовъ пріобрѣтаетъ характеръ, противоположный субъективнымъ стремленіямъ вожаковъ. Такъ напримѣръ, „захватъ рынка труда" однимъ синдикатомъ является сильнымъ стимуломъ къ притоку въ такой синдикатъ новыхъ элементовъ массы. Но недаромъ Сорель подчеркивалъ необходимость естественнаго психологическаго отбора въ процессѣ расширенія синдикатовъ. Поступленіе въ его ряды элементовъ „недоброкачественныхъ" (съ точки зрѣнія синдикалистовъ) и вообще чрезмѣрное расширеніе синдиката, ослабляетъ его экономическое дѣйствіе, выдвигая неразрѣшимую задачу обслуживанія организованныхъ безработныхъ.

---

[1]) Сравн. „Самоорганизацію рабочаго класса", стр. 89.

Но синдикализмъ упирается не только въ одно это противорѣчіе. Къ тому же приводитъ косвенно и штрейкбрехерство, усиливаемое обостреніемъ конкуренціи между организованными и неорганизованными рабочими. Штрейкбрехерство само пріобрѣтаетъ *организованную* форму въ рукахъ воинствующей буржуазіи. Оно становится предметомъ особой законодательной публично-правовой защиты со стороны государства. Такимъ образомъ, въ результатѣ частно-правовыхъ притязаній синдикированныхъ рабочихъ, въ жизнь рабочаго класса вторгается *публичное* право въ новой формѣ лицемѣрнаго покровительства одной категоріи рабочей массы. Вторымъ такимъ косвеннымъ послѣдствіемъ практическаго синдикализма является „*огосударствленіе*“ важныхъ отраслей производства и распредѣленія, и въ частности—„*милитаризація*“ труда въ этихъ областяхъ. Это „огосударствленіе“ состоитъ въ томъ, что важныя для нерушимости капитализма отрасли производства, какъ напримѣръ, *желѣзныя дороги* переводятся изъ подчиненія частно-правовымъ нормамъ въ область публичнаго права, и прежде всего запрещаются стачки въ „производствахъ, имѣющихъ важное общественное значеніе“. Это опять—вторженіе въ область *частнаго права*,—независимо отъ того, находятся ли эти производства въ собственности государства или частныхъ компаній и лицъ, такъ какъ и монополизированныя государствомъ отрасли промышленности въ настоящее время находятся на частно-правовомъ положеніи, подобно остальной промышленности. Но уголовный запретъ свободы коалицій и синдикатовъ для всѣхъ этихъ производствъ ставитъ ихъ въ особое положеніе,—создаетъ теченіе, обратное общему демократическому высвобожденію жизни изъ подъ произвола властей.

Такимъ образомъ, синдикальныя притязанія приводятъ совсѣмъ не туда, куда хотятъ вести рабочее движеніе „синдикалисты“. Главный процессъ побѣдъ частнаго права надъ буржуазно-государственнымъ нарушается обратными теченіями. Конечно, современное государственное право не есть публичное право и упомянутыя отрасли труда попросту подпадаютъ подъ настоящее иго классоваго деспотизма буржуазіи. Но этимъ какъ бы то ни было опровергается доказываемая синдикалистами непрерывность *индивидуализаціи* общественныхъ отношеній. Личность германскаго и австралійскаго желѣзнодорожнаго служащаго нисколько не стала свободнѣе отъ побѣдъ синдикализма, а совершенно наоборотъ,—утратила тѣ свободы, которыя на материкѣ Европы были пріобрѣтены политическими революціями. Наивно было бы думать, что процессъ

развитія практическаго синдикализма въ неизмѣнномъ направленіи можетъ уничтожить эти послѣдствія своего собственнаго существованія. Зато естественно предположить, что эти явленія потребуютъ отъ организованнаго пролетаріата общественно-политической дѣятельности.

Но способенъ ли къ этой дѣятельности синдикатъ, какъ таковой? Синдикатъ въ сущности есть явленіе частно-правовое. Онъ выросъ на почвѣ промышленнаго произвола въ процессѣ оппортунистическаго приспособленія къ условіямъ капиталистическаго строя. Онъ порожденъ скрытой и явной конкуренціей въ средѣ самихъ рабочихъ и растетъ, соперничая съ капиталомъ въ распредѣленіи стоимостей. Онъ даетъ рабочимъ только групповое объединеніе. Истинное объединеніе массъ начинается только тамъ, гдѣ типичныя частно-хозяйственныя притязанія синдиката исчезаютъ,— тамъ гдѣ „связь по интересамъ“ замѣняется „*идеологической* связью“. Федеративное объединеніе является только суррогатомъ этой послѣдней связи.

Синдикатъ по своему назначенію и органической природѣ является антиподомъ народнаго суверенитета. Это свойство его отмѣчено Ж.-Ж. Руссо и дѣятелями Великой революціи. Но онъ свободно существуетъ при современномъ господствѣ частнаго права. Онъ автономенъ до такой степени, что пользуется свободой дѣйствій даже и въ томъ случаѣ, когда функціонируетъ нелегально, т. е. не считаясь съ закономъ и даже вопреки ему. Примѣръ этого мы видимъ въ американскихъ желѣзнодорожныхъ союзахъ, въ незарегистрованныхъ властями французскихъ синдикатахъ. При этомъ онъ является „лишеннымъ всѣхъ правъ“, но связь его со всѣмъ остальнымъ обществомъ такъ мала, что онъ отлично мирится со своимъ нелегальнымъ положеніемъ. Но свободно онъ развивается только въ условіяхъ господства родственнаго ему частнаго произвола.

Какъ указано выше, онъ развиваетъ антагонизмъ между организованными и неорганизованными рабочими, который принимаетъ въ минуты конфликтовъ форму „организованнаго штрейкбрехерства“. Вмѣсто объединенія пролетаріата онъ приводитъ его къ распаденію на двѣ организованныя враждебныя силы: одна—предоставленные себѣ синдикаты, другая—штрейкбрехеры (иногда профессіональные, какъ напримѣръ, агенты Пинкертона въ Соединенныхъ Штатахъ), покровительствуемые даже государствомъ. Вмѣсто послѣдовательной классовой борьбы возникаетъ борьба братоубій-

ственная. Но въ этой борьбѣ, разъ она становится борьбой физической, перевѣсъ никогда не оказывается на сторонѣ „синдикатовъ“. Не удается и поддерживать солидарность, создаваемую денежной помощью безработнымъ, по мѣрѣ того какъ число этихъ послѣднихъ растетъ. Нечего надѣяться и на дальнѣйшее развитіе синдикализма, такъ какъ вмѣстѣ съ нимъ растутъ и эти противорѣчія. Синдикатъ есть „связь по интересамъ“. Но „интересы“ эти органически противоположны у двухъ неуничтожимыхъ категорій рабочихъ: работающихъ и безработныхъ. Синдикатъ можетъ оставаться основой оппортунистической борьбы рабочихъ группъ за лучшее распредѣленіе, но по мѣрѣ того какъ борьба эта превращается изъ групповой въ классовую, синдикатъ, какъ групповое явленіе, долженъ отступить передъ идеологическимъ объединеніемъ класса.

Однако же, эта неприспособленность профессіональной организаціи къ громаднымъ задачамъ будущаго нисколько не умаляетъ ихъ историческаго значенія въ настоящемъ. Нѣтъ только тѣхъ тенденцій въ синдикализмѣ, которыя приписываются ему Сорелемъ и его школой подъ громкимъ названіемъ *аполитизма* и *федерализма*. Существуетъ дѣйствительно индифферентность союзовъ къ политикѣ, но она вызывается исключительно узостью частно-правовой дѣятельности союзовъ. Это, если угодно, можно назвать *аполитизмомъ*, но въ этомъ аполитизмѣ вовсе нѣтъ процесса *поглощенія власти*, о которомъ толкуетъ Сорель. Не замѣтно никакихъ проявленій *власти* и въ такъ называемой „тираніи синдикатовъ“. Мало похожъ на принудительную власть буржуазіи періода первоначальнаго накопленія пресловутый „экономическій терроръ“. А прямой результатъ синдикальнаго объединенія, иллюзорный „захватъ рынка труда“ менѣе всего напоминаетъ проявленіе власти. Если же, наконецъ, въ „тираніи“ и „захватѣ рынка“ сказывается нѣкоторое воздѣйствіе на окружающую среду, то это воздѣйствіе обрушивается исключительно на головы неорганизованныхъ пролетаріевъ. Но такая ли власть нужна пролетаріату, какъ классу?

Равнымъ образомъ и *федерализмъ* является только освѣдомительнымъ и координирующимъ учрежденіемъ. И весь онъ сводится къ тому, что четвертая часть французскихъ организованныхъ рабочихъ объединена во Всеобщую Конфедерацію Труда [1]). Сумма

[1]) 107.000 изъ 420.000 — по свѣдѣніямъ П. Луи (Исторія соціализма во Франціи). Къ 1906 году число это опредѣляется въ 203.000 чел., но и общее количество организованныхъ рабочихъ возросло.

лишенныхъ общественной силы единицъ не создаетъ никакой *власти*, никакого *строя*.

Остается только все возрастающее стремленіе самыхъ широкихъ массъ къ объединенію въ борьбѣ за лучшее распредѣленіе. Это процессъ экономической самоорганизаціи, который на дѣлѣ ведетъ не къ фактическому *объединенію класса*, а только къ упорядоченію конкуренціи въ рабочей средѣ. Въ этомъ процессѣ достигаются всѣ завоеванія рабочаго класса, дающія ему то, что можетъ ему уступить развивающійся капитализмъ, но не болѣе этого. Зато въ этомъ послѣднемъ смыслѣ ни въ коемъ случаѣ нельзя отрицать громадной исторической роли профессіональнаго объединенія.

Надо помнить только одно. Субъективная цѣль сознательной части пролетаріата—классовое объединеніе—не дается на этомъ пути. И рабочія массы приближаются къ завѣтному предѣлу только путемъ ряда крушеній синдикалистскихъ иллюзій, внѣ „связи по интересамъ“, и стало быть внѣ синдикатовъ и ихъ федерацій. Отсюда ясно, что старательное выращиваніе этихъ иллюзій только задерживаетъ процессъ дѣйствительнаго объединенія. Оно влечетъ рабочія массы на путь замаскированной, но на дѣлѣ чрезвычайно жестокой конкуренціи въ своей же средѣ. Оно порождаетъ такія язвы, какъ *организованное штрейкбрехерство*, а загнавъ массу въ этотъ тупикъ, не даетъ противоядія противъ болѣзни. И только въ *идеологическомъ*, т. е. соціалистическомъ объединеніи массы находятъ исходъ изъ этихъ противорѣчій. Переживаемый нами моментъ, когда на историческую сцену выступаетъ организованное штрейкбрехерство, является моментомъ наибольшаго разгула частноправовыхъ силъ: организованная синдикально часть пролетаріата противостоитъ другой его части, организованной обманно ея врагами. Въ такой моментъ призывать къ групповому дробленію или превращать классовую борьбу въ междоусобную борьбу въ самомъ пролетаріатѣ—это измѣна рабочему дѣлу.

Отсюда ясно, что пресловутые *объединители* на дѣлѣ являются худшими разъединителями рабочаго класса, а ихъ доктринерскій „синдикализмъ“ порождаетъ худшій видъ *сектантства*.

Но это какъ нельзя больше подтверждается и всей дѣятельностью этой группы во французскомъ рабочемъ движеніи. Еще *К. Марксъ* сказалъ объ ихъ идейныхъ предшественникахъ въ своемъ письмѣ къ Кугельману: „они пренебрегаютъ всякимъ *революціоннымъ*, т.е. вытекающимъ изъ самой классовой борьбы, дѣйствіемъ,

всякимъ *сосредоточеннымъ общественнымъ движеніемъ*, а стало быть и такимъ, которое пользуется для достиженія своихъ цѣлей политическими средствами (каково, напр., законодательное сокращеніе рабочаго дня)". Какъ мы видимъ, современные „синдикалисты" тянутъ все ту же старую пѣсню, но они, кромѣ того, имѣютъ смѣлость ссылаться на Маркса.

Лягарделль увѣряетъ читателя, будто бы „революціонному синдикализму" всего только нѣсколько лѣтъ отъ роду. Но это не болѣе, какъ отказъ отъ родства. Новое изданіе доктрины носитъ черты чисто родственнаго сходства со старымъ. А безпрестанное фракціонное соперничаніе „синдикалистовъ" подъ разными предлогами съ соціалистами, какъ нельзя болѣе, напоминаетъ самую обычную, грѣшную борьбу за вліяніе. Фразеологія *высокой* и *новой* морали въ данномъ случаѣ не помогаетъ имъ.

Началась эта борьба между прудонистами и марксистами уже съ 1871 года, если не вспоминать аналогичную ей борьбу бакунистовъ съ Интернаціоналомъ въ шестидесятыхъ годахъ. Но по мѣрѣ того, какъ пролетаріатъ вопреки частно-правовымъ тенденціямъ буржуазной демократіи, начиналъ все сильнѣе и сильнѣе обнаруживать публично-правовыя стремленія — марксизмъ сталъ брать верхъ надъ прудонизмомъ. О французскомъ пролетаріатѣ, который вообще отличался политической революціонностью, можно было бы, пожалуй, сказать, что послѣ нѣкоторой депрессіи семидесятыхъ годовъ онъ опять *вернулся къ старымъ* революціоннымъ традиціямъ. Но это по существу было бы не вполнѣ вѣрно, такъ какъ въ прежнихъ революціяхъ онъ и въ политической борьбѣ выступалъ только какъ защитникъ *частнаго права* противъ буржуазно-государственнаго. Теперь же, реализовавъ частно-правовую свободу въ синдикальномъ объединеніи и стачечной борьбѣ, и изживъ въ томъ и другомъ свои групповыя, частно-хозяйственныя иллюзіи, онъ обращаетъ свои взоры къ общественно-правовому пути разрѣшенія историческихъ вопросовъ уже съ другими, чисто-соціальными цѣлями. Другая разница между политицизмомъ прежнихъ лѣтъ и политицизмомъ новаго времени заключается въ слѣдующемъ. Прежній политицизмъ былъ преимущественно дѣятельностью пролетарскихъ верховъ. Теперь синдикальная дѣятельность массъ и опытъ, вынесенный ими изъ этого періода, сдѣлали *широкую массу* способной къ сознательной политической дѣятельности. Это было основой успѣховъ и быстраго роста соціалистическихъ партій. „Синдикалистамъ" пришлось стушеваться.

Позднѣе, на рубежѣ новаго столѣтія третья республика во главѣ съ министерствомъ Вальдека-Руссо и Мильерана стала обнаруживать нѣкоторый либерализмъ въ области рабочаго вопроса. Вмѣстѣ съ тѣмъ создалась возможность богатаго расцвѣта оппортунистической тактики рабочихъ массъ. Профессіонализмъ сталъ процвѣтать какъ никогда. Участившіяся стачки имѣли относительно большой успѣхъ. Знакомая намъ идеализація этой борьбы не только со стороны синдикалистовъ, но и со стороны соціалистовъ должна была укрѣплять въ рабочихъ массахъ ихъ естественныя индивидуалистическія стремленія, какъ-то стремленіе захватить всю капиталистическую прибыль въ свои руки, распоряжаться рынкомъ труда и т. п. Для синдикалистовъ настало, казалось, время богатой жатвы. Но, къ несчастью, для нихъ, какъ для группы, претендующей на верховодство, соціалисты оказывались еще болѣе способны къ руководству экономической борьбой рабочаго класса, нежели „синдикалисты". Ихъ революціонное міровоззрѣніе нисколько не мѣшало имъ руководить процессомъ классовой сомоорганизаціи и борьбы за распредѣленіе, который шелъ параллельно промышленной революціи, т.е. параллельно процессу обобществленія элементовъ производства.

Такимъ образомъ, „синдикалисты", какъ таковые, оказывались по меньшей мѣрѣ ненужными. Они не могли сказать о себѣ словами „коммунистическаго манифеста", что они „представляютъ самую рѣшительную, самую передовую часть рабочихъ партій во всякой странѣ" и „не провозглашаютъ сектантскихъ принциповъ, съ которыми они хотѣли бы сообразовать рабочее движеніе". Они не могли сказать о себѣ этого потому, что объявляли себя врагами всѣхъ партій и боролись съ очевидными проявленіями публично-правовыхъ политическихъ тенденцій въ рабочемъ классѣ. Собственная ихъ сектантская природа толкала ихъ на путь форменнаго, откровеннаго сектантства. И вотъ начались разговоры о „чистотѣ синдикализма", объ отмежеваніи отъ всѣхъ группировокъ и т.п. Стали искать повода къ открытой войнѣ съ соціалистами и агитаціи противъ нихъ среди массъ.

Въ то же время расцвѣтъ рабочаго оппортунизма отозвался и на настроеніи нѣкоторыхъ руководителей соціалистическихъ фракцій. Пресловутый Мильеранъ взялъ портфель въ буржуазномъ министерствѣ Вальдека-Руссо. Затѣмъ этотъ господинъ велъ себя какъ ренегатъ соціалистическаго дѣла. „Синдикалисты" ухватились за этотъ фактъ и сдѣлали не только практическій соціализмъ, но даже и теорети-

ческій марксизмъ отвѣтственнымъ за поведеніе господина Мильерана. Трудно безъ улыбки читать этотъ „наиболѣе сильный“ аргументъ ихъ противъ соціализма, особенно когда встрѣчаешь его чуть ли не въ каждой брошюрѣ синдикалистской литературы. Надо надѣяться, что, по крайней мѣрѣ, теперь, когда „синдикалистъ“ и ярый поборникъ всеобщей стачки, Бріанъ, вошелъ въ буржуазное министерство Клемансо, „синдикалисты“ безъ портфелей оставятъ этотъ дѣтскій способъ запугиванія воображенія читателя.

Конечно, не благодаря ренегатству Мильерана, а вслѣдствіе указанныхъ общихъ причинъ, синдикализмъ, терпѣвшій до тѣхъ поръ пораженія на общихъ конгрессахъ французскихъ синдикатовъ, началъ подымать голову. Этотъ успѣхъ его былъ подготовленъ уже съ 1894 года пропагандой идеи всеобщей стачки, которая даже въ иллюзорной формѣ революціонно-экономической стачки до сихъ поръ продолжаетъ порабощать воображеніе рабочей массы, и, вѣроятно, будетъ господствовать надъ умами до тѣхъ поръ, пока не разобьется объ уроки жестокой дѣйствительности или пока Клемансо и Бріанъ, эти преемники Тюрго въ предверіи Великой соціальной революціи, не превратятъ своимъ либерализмомъ одну изъ попытокъ „всеобщей экономической стачки“ въ революціонное возстаніе класса противъ буржуазнаго „публичнаго“ права во имя пролетарскаго, истиннаго публичнаго права.

Въ послѣднее время „синдикалисты“, отрекаясь отъ прошлаго, выступаютъ подъ фирмой „новая школа французскаго рабочаго движенія“, и наводняютъ рынокъ популярной литературы критикой соціалдемократіи, словомъ—усердно трудятся надъ работой *разъединенія пролетарскихъ массъ*. И Жюль Гедъ заходитъ въ обвиненіи ихъ такъ далеко, что (на Лильскомъ конгрессѣ 1904 года) находитъ возможнымъ бросить имъ въ лицо тяжелый упрекъ. Онъ говоритъ: „лозунгъ: „въ биржахъ труда не должно быть политики“ — очень часто объясняется *субсидіями*, отпускаемыми биржамъ труда буржуазными муниципалитетами, а не собственными взглядами профессіонально организованныхъ рабочихъ“. Такое толкованіе „эмпиризма французскихъ синдикалистовъ“ со стороны хорошо знакомаго съ ихъ нравами, посѣдѣвшаго въ непримиримой классовой борьбѣ Жюля Геда, конечно, не увеличиваетъ обаянія ихъ историческаго облика. Но допустимъ, что этого даже и нѣтъ, и что болѣе близокъ къ истинѣ англійскій соціалистъ Гайндманъ, который видитъ въ „революціонномъ синдикализмѣ“ не болѣе какъ „сентиментальныя попытки произвольно ускорить развитіе человѣчества“. Пусть

ихъ субъективныя стремленія рисуютъ имъ впереди идеалъ объединенія пролетарскихъ массъ,—дѣло отъ этого нисколько не меняется. Объективный смыслъ ихъ дѣятельности есть разъединеніе, *сектантство*. Передъ нами не болѣе, какъ *новая секта*, подобная тѣмъ, которыя бичуетъ „коммунистическій манифестъ". И эта секта настойчиво вговариваетъ и навязываетъ пролетарскимъ массамъ въ качествѣ панацеи два иллюзорныя средства: объединеніе въ рамкахъ профессій, и экономическую всеобщую стачку. Первое средство уничтожаетъ якобы конкуренцію въ средѣ пролетаріевъ, второе средство съ добавленіемъ „террора" и „тираніи" разрушаетъ будто бы буржуазный строй. На дѣлѣ же и то и другое въ роли панацеи, только дробитъ и кастрируетъ полноту исторической дѣятельности и борьбы рабочаго класса. Однако, не этой кучкѣ плагіаторовъ буржуазно-демократической идеологіи одолѣть законы историческаго развитія. Независимо отъ вліянія сектъ и фракцій, пролетарскія массы сами инстинктивно приспособляются къ условіямъ частно-хозяйственнаго произвола буржуазной эпохи. Но процессъ обобществленія труда и производства преднамѣтилъ ихъ путь къ осуществленію соціальнаго переворота: это путь политическаго объединенія въ новомъ Интернаціоналѣ.

Заключеніе.

Мы считаемъ свою задачу въ намѣченныхъ нами предѣлахъ выполненной, если намъ удалось хоть сколько-нибудь научно освѣтить слѣдующіе факты.

1) Теоретическій или такъ называемый *революціонный синдикализмъ* представляетъ собой отдѣльную соціально-философскую доктрину, которая является идеологическимъ выраженіемъ процесса буржуазной демократизаціи капиталистическаго общества, но не выражаетъ собой законовъ развитія современнаго рабочаго движенія. Эта доктрина навязывается „синдикалистами“ пролетаріату, а сама въ лучшемъ случаѣ служитъ только формулировкой субъективныхъ и во многомъ иллюзорныхъ взглядовъ массы, не поднявшейся выше интересовъ борьбы за ближайшія профессіональныя требованія.

Отсюда слѣдуетъ, что вопросъ объ отношеніи соціалистическихъ партій къ профессіональнымъ союзамъ долженъ быть отдѣленъ отъ вопроса о научно-общественной доброкачественности пресловутой доктрины „революціоннаго синдикализма“. Новая школа синдикалистовъ, поскольку она принимаетъ программу „революціоннаго синдикализма“ является не болѣе какъ *новой сектой* въ рядахъ соціалистовъ. Субъективныя стремленія этой секты направлены на борьбу съ марксистами за вліяніе на массы и на демагогическое превозношеніе сознанія и побужденій широкихъ и отсталыхъ массъ пролетаріата. Методы дѣятельности „синдикалистовъ“,—независимо отъ ихъ субъективныхъ стремленій объединить весь пролетаріатъ вокругъ синдикальныхъ ячеекъ,—на самомъ дѣлѣ ведутъ къ дробленію и кастрированію силъ пролетарской классовой борьбы. Поэтому проповѣдь нейтральности съ ихъ стороны является сознательнымъ или безсознательнымъ лицемѣріемъ, и синдикаты, объявляющіе положенія „революціоннаго синдикализма“ обязательными для своихъ членовъ, ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть признаны нейтральными.

2) Нѣкоторые виды такъ называемаго „прямого дѣйствія“, т. е. непосредственной борьбы между рабочими и предпринимателями или

между синдикатами и федераціями синдикатовъ тѣхъ и другихъ,— каковыми является, напримѣръ, экономическая стачка, — имѣютъ чрезвычайно важный характеръ въ борьбѣ труда съ капиталомъ за непосредственныя улучшенія жизни рабочихъ за счетъ непрерывно (абсолютно) возрастающей капиталистической прибыли. При этомъ, съ одной стороны, общія тенденціи развитія требуютъ расширенія базы стачечной борьбы, влекутъ массу отъ частичной стачки къ всеобщей; но, съ другой стороны, расширеніе стачечной борьбы (généralisation de la grève) сопровождается возрастаніемъ трудностей въ веленіи стачки и развитіемъ внутри ея противорѣчій въ видѣ расхожденія интересовъ отдѣльныхъ профессій; благодаря этому стачка, оставаясь экономической, теряетъ свое значеніе или же перестаетъ быть орудіемъ экономическихъ, т. е. частно-хозяйственныхъ притязаній, и пріобрѣтаетъ характеръ классовый, публично-правовой и прежде всего форму *политической* стачки.

Другіе виды прямого дѣйствія, носящіе индивидуальную или групповую форму,—какъ напримѣръ, „экономическій терроръ“,— или направляемые „синдикалистами“ сознательно противъ несогласномыслящихъ пролетаріевъ, — какова насильственная „тиранія синдикатовъ“,—ничтожны по своему дѣйствію и дальнѣйшаго полезнаго развитія имѣть не могутъ.

Что касается *синдикатовъ*, какъ формы организаціи массъ, то они имѣютъ безусловно частно-хозяйственное значеніе, являются продуктомъ приспособленія массъ къ современнымъ условіямъ частно-хозяйственнаго дробленія общества, и, какъ таковые, не способны послужить ячейкой будущаго соціалистическаго общества, а тѣмъ болѣе стать орудіемъ предстоящаго соціальнаго переворота. Являясь необходимымъ и незамѣнимымъ средствомъ *приспособленія* пролетарской массы къ условіямъ современной жизни, они служатъ основой организаціи массъ и исходной точкой коалицій, но не обнаруживаютъ никакихъ революціонныхъ свойствъ, и измѣняются только по численности членовъ и по количеству ихъ въ странѣ, не пріобрѣтая при этомъ никакихъ элементовъ власти, кромѣ частно-хозяйственной, денежной и координирующей силы.

3) Соціально-революціонная, разрушающая и реорганизующая сила рабочаго движенія всегда проявлялась исключительно только въ революціяхъ и выражалась въ попыткахъ вызвать проявленія суверенной воли народа или же узурпировать его суверенную власть. Въ промежуточные, *конституціонные* періоды она только намѣчалась въ публично-правовыхъ тенденціяхъ рабочаго движе-

нія, и черезъ парламентаризмъ достигала частно-правовыхъ уступокъ буржуазіи въ формѣ *соціальной регламентаціи*.

Эти выводы поскольку они обоснованы могутъ служить частной перепровѣркой исторической правильности отдѣльныхъ положеній революціоннаго марксизма. Они, мы думаемъ, даютъ и логическое оружіе въ руки тѣмъ, которые возьмутъ на себя задачу полемизировать съ проповѣдниками пресловутаго „революціоннаго синдикализма". Конечно, на нихъ еще нельзя строить полной теоріи соціальнаго переворота въ противоположность синдикалистской панацеѣ „всеобщей стачки". Но уже достаточно ясно становится, что такой панацеи вообще не можетъ быть. Соціальная борьба настоящаго и будущаго является передъ нами въ формѣ сложнаго историческаго процесса, и только одинъ *обобщающій* законъ этой соціальной борьбы подтверждается изученіемъ формъ ея въ настоящемъ и прошломъ. Этотъ законъ, формулированный Карломъ Марксомъ гласитъ: „классовая борьба есть борьба политическая".

Но если не хватаетъ данныхъ для обширнаго научнаго прогноза относительно грядущей соціальной революціи, то зато могутъ быть сдѣланы нѣкоторые резюмирующіе, обобщенные выводы изъ всего предыдущаго. Намѣченныя тенденціи развитія современнаго капиталистическаго строя могутъ быть положены въ основу догадокъ о дальнѣйшемъ пути этого развитія и, наконецъ, при помощи осторожной исторической аналогіи можетъ быть нарисована правдоподобная характеристика великаго, манящаго сердца пролетаріевъ историческаго переворота, т. е. соціальной революціи.

Да будетъ это намъ здѣсь позволено.

Передъ нами хаосъ „свободы промышленности и торговли". Возьмемъ примѣръ передовой Франціи. Черезъ рядъ десятилѣтій хозяйничанья капиталистовъ въ рамкахъ различныхъ конституцій страна пришла путемъ особой эволюціи, которую можно назвать *буржуазной демократизаціей* къ анархіи частно-хозяйственныхъ силъ. Эволюція эта не шла плавно и непрерывно. Она неоднократно прерывалась *революціями*, когда публичное право народнаго суверенитета брало верхъ надъ всякимъ частнымъ произволомъ. Но революціи не успѣвали даже установить общихъ публично-правовыхъ нормъ, и падали подъ натискомъ частно-хозяйственныхъ силъ, направлявшихъ свой контръ-революціонный ударъ противъ народнаго суверенитета. Послѣ этого побѣда надъ суверенитетомъ закрѣплялась соотвѣтствующей *конституціей* и *раздѣленіемъ* властей, нормы революціоннаго права приспосабливались къ частнымъ нуж-

дамъ захватившей власть партіи, и возобновлялась достохвальная *„эволюція“*.

Партіи вырывали власть изъ рукъ другъ у друга, предприниматели конкурировали между собой въ національной, синдикально-организованной и неорганизованной формѣ изъ-за присвоенія лакомыхъ кусковъ неоплаченной прибавочной стоимости, пролетаріи соперничали между собой—точно такъ же въ организованной и неорганизованной формѣ—изъ страха голодной смерти и въ погонѣ за полу-сытымъ существованіемъ. Чѣмъ дольше застаивалась каждая отдѣльная конституція, тѣмъ нестерпимѣе становилась грызня шакаловъ капитализма надъ трупами пролетаріевъ. „Законная“ конкуренція стушевывалась передъ самыми отвратительными спекуляціями, колоссальными шантажами, финансовыми хищеніями и т. п. И всякій разъ революція разражалась благодѣтельной грозой, модифицируя неизмѣнный ростъ частнаго произвола, выработкой публично-правовыхъ нормъ, обезсиливавшихъ остатки абсолютизма, облегчавшихъ—in potentia—возможность осуществленія народнаго суверенитета. Эти публично-правовыя нормы оказывались неуничтожимы безъ остатка и сохранялись въ послѣдующей конституціи въ различныхъ видахъ общественнаго самоуправленія, самообложенія, контроля, болѣе или менѣе всеобщаго избирательнаго права и т. п. Но снова вступала въ свои права *эволюція*.

Пролетаріатъ тоже оказался вовлеченнымъ въ эту борьбу частно-хозяйственныхъ силъ; однако, онъ идетъ не тѣмъ путемъ, какъ буржуазія. Эта послѣдняя въ концѣ процесса соціальнаго дробленія имѣетъ объективную возможность осуществить нѣкоторую гармонизацію своихъ классовыхъ интересовъ. Такъ напримѣръ, нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что буржуазное миролюбіе приблизится къ идеалу мірового *федерализма* и осуществитъ въ извѣстной мѣрѣ національзацію важнѣйшихъ отраслей производства (т. е. такъ называемый „государственный соціализмъ“). Но даже и современное положеніе общей конкуренціи всѣхъ противъ всѣхъ является для буржуазіи праздникомъ жизни, по сравненію съ участью массъ пролетаризованнаго населенія.

Пролетаріатъ же можетъ только нѣсколько облегчить тягость своего положенія разумнымъ и энергичнымъ *приспособленіемъ* къ существующему порядку вещей. Средствами такого приспособленія являются: организованность, взаимопомощь и послѣдовательное поглощеніе избытка капиталистической прибыли какъ въ формѣ всевозможнаго страхованія, такъ и путемъ стачечныхъ требованій по-

вышенной платы. То же достигается и законодательной нормировкой рабочаго дня. Но на этомъ пути приспособленія, для него нѣтъ еще исхода изъ положенія эксплуатируемаго капиталомъ раба. И каждый шагъ ужасной „*эволюціи*“ только удаляетъ средній достатокъ пролетарія отъ средней *возможной* нормы благосостоянія, зависящей отъ данной производительности труда. „Федералистическое“ согласованіе частно-хозяйственныхъ силъ буржуазіи, только затрудняетъ успѣхъ массъ въ борьбѣ за ближайшія требованія и грозитъ удороженіемъ жизни по волѣ монополизаторовъ производства. Предлагаемое массамъ „синдикалистами“ федералистическое объединеніе пролетарскихъ частно-хозяйственныхъ группъ, или синдикатовъ, такъ же ни къ чему хорошему не приводитъ, такъ какъ объектъ пролетарской хозяйственной дѣятельности,—капиталистическая прибыль, находится не въ ихъ рукахъ, а въ банкахъ капиталистической буржуазіи. А главное, этотъ путь не ведетъ рабочій классъ къ эмансипаціи потому, что не этимъ путемъ ведетъ объективный процессъ развитія самое *производство*.

Этотъ процессъ носитъ особый поляризаціонный характеръ. Въ то время какъ капиталъ концентрируется въ рукахъ частныхъ лицъ и конкурирующихъ между собой компаній и акціонерныхъ обществъ, организуясь только нормировкой отдѣльныхъ соглашеній и кредитной системой, трудъ *соціализуется* во всѣхъ отношеніяхъ. Соціализація *труда*, какъ производительной силы, предопредѣляетъ собой путь развитія категоріи *производителей* отъ частно-хозяйственнаго правосознанія къ публично-правовымъ притязаніямъ, отъ конкуренціи къ общественной дѣятельности. Этотъ законъ развитія сознанія пролетаріата открывается научному наблюденію непосредственно, но рабочія массы проходятъ путь перерожденія своей идеологіи и воли *діалектически*.

Первоначально массы вовлекаются въ процессъ экономической борьбы и самоорганизаціи, ставя себѣ цѣлью ближайшія нужды повседневной жизни. При этомъ они заимствуютъ у буржуазіи свойственныя ей формы частно-хозяйственной борьбы и организаціи, вкладывая въ нихъ въ лучшемъ случаѣ субъективный смыслъ профессіональной и классовой солидарности. Но подъ субъективной иллюзорной идеологіей стачечной борьбы и синдикальнаго объединенія скрывается болѣе или менѣе организованная конкуренція профессіональныхъ и національныхъ группъ. Въ дальнѣйшемъ это противорѣчіе между субъективными стремленіями и объективнымъ со-

держаніемъ массового рабочаго движенія обостряется и приводитъ, въ моментъ разгара и крушенія массовыхъ стачекъ, къ жестокимъ столкновеніямъ между организованными стачечниками и штрейкбрехерами, на сторону которыхъ лицемѣрно становится буржуазная государственная власть. Въ такія моменты масса черезъ логическую антитезу особенно часто переходитъ отъ частно-правовыхъ притязаній къ ясно-выраженнымъ публично-правовымъ стремленіямъ и требованіямъ. И эти публично-правовыя стремленія ищутъ себѣ особыхъ орудій осуществленія. Борьба становится *классовой* и потому *политической*.

Но подъ политическимъ дѣйствіемъ не слѣдуетъ понимать всякое примѣненіе аппарата буржуазнаго государства. Такъ напримѣръ, въ томъ случаѣ, когда историческія условія дѣлаютъ государственную власть близкой къ пролетаріату—какъ мы это видимъ въ Австраліи,—орудіемъ приспособленія массы къ условіямъ буржуазнаго общества дѣлается подчасъ участіе въ политической власти, достигаемое и безъ революціонныхъ потрясеній. Несомнѣнно, однако, что между этимъ политическимъ оппортунизмомъ и политической революціонностью большая разница. Участіе во власти рабочихъ-оппортунистовъ еще не возвращаетъ этой власти ея публично-правового значенія и является въ сущности санкціей частно-хозяйственнаго произвола, слегка подслащеннаго малозначущей соціальной регламентаціей.

Такой путь приближенія къ власти буржуазнаго государства прошелъ недавно австралійскій пролетаріатъ [1]). Въ первый федеральный парламентъ Австралійскихъ Штатовъ, избранный въ маѣ 1901 года, прошло 8 рабочихъ представителей въ сенатъ и 16 въ палату депутатовъ, при соотвѣтственномъ общемъ числѣ членовъ въ 36 и 75. Въ слѣдующемъ же парламентѣ соотвѣтственныя числа рабочихъ депутатовъ достигли цифръ 14 и 23. И въ то же время на сторонѣ рабочихъ депутатовъ составилось *абсолютное большинство* примыкающихъ къ нимъ членовъ парламента. Такимъ образомъ, у власти стало министерство, санкціонированное рабочими представителями. Допустимъ, что такое положеніе дѣлъ совпало бы съ періодомъ ясно-выраженнаго стремленія пролетаріата къ соціализаціи производства. Рѣшилъ ли бы дѣло тотъ фактъ, что аппаратъ государственной власти находится въ рукахъ

---

[1]) Беремъ свѣдѣнія изъ статьи: „A colonial labour Party“, L.H. Brindley въ журн. „The Nev Ireland Review“, September, 1906.

пролетаріата?—Конечно, нѣтъ, потому что эта власть, не опираясь на народный суверенитетъ, не смогла бы устранить координированнаго произвола частно-хозяйственныхъ силъ. Задача австралійскаго пролетаріата ничѣмъ не отличалась бы отъ задачи пролетаріата вообще: узурпировать не классовую, а *суверенную* власть народа.

Другой примѣръ различія между *политиканствомъ и политикой* даетъ дѣятельность американскаго пролетаріата. Въ своей иллюзорной „классовой солидарности“ онъ обращается къ государственной власти съ требованіемъ ограничить притокъ въ страну чужеземныхъ пролетаріевъ, пополняющихъ ряды „штрейкбрехеровъ“. Несмотря на путь обращенія къ федеральной власти этотъ актъ пролетарской политики долженъ быть отнесенъ только къ частно-хозяйственной дѣятельности американскихъ организованныхъ массъ. И наоборотъ, борьба синдикатовъ противъ всѣхъ территоріальныхъ барьеровъ, политическихъ и таможенныхъ, существующихъ между Штатами и Канадой[1]), а равно и борьба противъ примѣняемыхъ къ пролетаріямъ законовъ: Intersstate Commerce-Law и Anti-Trust Law,[2])—несмотря на то, что ее тщетно стараются осуществить политически безсильные синдикаты, — есть проявленіе публичныхъ тенденцій въ массахъ, которыя стремятся къ устраненію всѣхъ преградъ съ пути проявленій единой пролетарской воли на всемъ материкѣ Сѣв. Америки.

И вотъ только въ объединяющей силѣ народныхъ движеній, которая создаетъ суверенитетъ народныхъ массъ, пролетаріатъ находитъ себѣ орудіе соціальной эмансипаціи. Такъ напримѣръ, послѣднее десятилѣтіе царствованія Наполеона III было полно вспышками классовой борьбы. Много разъ стачечное оспариваніе доли прибыли, натыкаясь на репрессіи властей превращалось въ попытки физическаго сопротивленія. Но эти вспышки были лишь эпизодами въ ходѣ медленнаго разложенія имперіи. И только тогда, когда національный подъемъ 1871 года разбудилъ титаническія силы суверенитета столичныхъ массъ, тогда пролетаріатъ нашелъ путь къ осуществленію своихъ стремленій. Онъ началъ съ того, что узурпировалъ въ Парижѣ эту суверенную власть въ лицѣ Коммуны. Затѣмъ при помощи орудія этой не государственной, но *суверенной*

---

[1]) „The American Labour Party“ I. A. Hobson въ журн. „Spe aker“ 12 мая 1906 года.

[2]) Законъ, карающій всякій сговоръ съ цѣлью задержать торговый обмѣнъ между штатами, и законъ противъ трэстовъ (синдикатовъ).

власти, онъ приступилъ къ соціальнымъ преобразованіямъ. Къ несчастію его, напоръ частно-хозяйственныхъ силъ цѣлой *страны* смелъ эту суверенную власть столицы.

Въ формѣ такого разрыва буржуазно-демократической эволюціи слѣдуетъ представить себѣ и грядущій подъемъ пролетаріата во имя соціальнаго переворота. За это говорятъ и нѣкоторыя черты современной классовой борьбы. Возьмемъ примѣръ той же Франціи.

Въ борьбѣ съ возрастающимъ могуществомъ капитала трудъ уже вооружился его же оружіемъ, организаціей частно-хозяйственныхъ единицъ, т. е. синдикатовъ по профессіямъ. Въ борьбѣ съ другими скрытыми силами капиталистическаго строя, какова, напримѣръ, конкуренція среди самихъ эксплуатируемыхъ массъ, онъ уже изжилъ всѣ средства частно-хозяйственной борьбы, но не только не притупилъ эти силы, а наоборотъ, обострилъ ихъ. Разочаровавшись въ этихъ средствахъ и поддаваясь игрѣ соціальныхъ страстей, онъ размѣниваетъ ихъ на методы болѣе острые по субъективному ощущенію, но безсильные на дѣлѣ, каковы: частно-хозяйственные захваты, тиранія синдикатовъ, экономическій терроръ. Это является знаменіемъ времени. Это свидѣтельствуетъ объ обостреніи классовыхъ противорѣчій и о подъемѣ субъективно-революціонной энергіи. Близокъ, повидимому, часъ „экспропріаціи экспропріаторовъ". Такъ же близокъ, какъ и часъ экспропріаціи феодаловъ близился вмѣстѣ съ повсемѣстными проявленіями „экономическаго террора крестьянъ, т. е. жакеріи, съ ихъ „захватами" съ ихъ „прямымъ дѣйствіемъ". Но такъ же, какъ и тогда, не эти вспышки индивидуальной и групповой революціонной воли обѣщаютъ принести переворотъ и освобожденіе. Все, и законы современнаго развитія и историческая аналогія,—говорятъ за то, что переворотъ совершится силами народнаго суверенитета. Но откуда ждать его появленія? Быть можетъ, отъ внѣшней національной опасности, подобной 1871 году? Быть можетъ, отъ колоссальныхъ политическихъ потрясеній, которыми, возможно, закончится эпоха колоніальнаго соперничества буржуазіи?...

Интересно вспомнить обстоятельства зарожденія суверенитета Великой революціи. Ему положили начало не ожесточенные старымъ феодальнымъ порядкомъ рабы средневѣковья, не революціонное чувство вскормило его, не соціальный умъ друзей народа преднамѣтилъ его,—его создали руки защитниковъ стараго строя въ формѣ *абсолютизма*. Далѣе, „просвѣтители" стремились сдѣлать его просвѣщеннымъ. Затѣмъ угнетаемый произволомъ народъ,

сдѣлалъ его, въ лицѣ послѣдняго Людовика, орудіемъ революціи. И рукой *короля революціи* народъ, нашедшій свой суверенитетъ, подписалъ актъ объ экспропріаціи феодальныхъ экспропріаторовъ.

Теперь на закатѣ дней третьей республики Клемансо и Бріаны хотятъ сдѣлать буржуазно-демократическій строй *соціально-просвѣщеннымъ*... И кто знаетъ, долго ли придется ждать того момента, когда пролетаріатъ сдѣлаетъ натискъ на эту буржуазную власть для того, чтобы, смѣстивъ ихъ, узурпировать суверенную власть народа подъ именемъ пролетарской диктатуры, и силой ея экспропріировать экспропріаторовъ и произвести соціализацію производства?

Только этотъ путь освѣщаютъ нами впереди маяки науки.

Оглавленіе.

Стр.

Предисловіе . . . . . 3.

Часть I. **Теоретики синдикализма.**

Гл. I. Ж. Сорель . . . . . 13.

„ II. Артуро Лабріола . . . . . 34.

„ III. Максимъ Лероа. . . . . 59.

„ IV. Популяризаторы и пропагандисты синдикализма.

а) Шарло Гіейссъ . . . . . 77.

б) Поль Делезаль . . . . . 80.

в) Гюберъ Лягарделль . . . . . 82.

г) Эмиль Пуже . . . . . 85.

д) Л. Ньель . . . . . 89.

е) „Синдикализмъ“ на востокѣ Европы . . . . . 93.

„ V. Основной методъ „сндикализма“ . . . 95.

Часть II. **Государство и произволъ.**

Гл. I. Постановка проблемы . . . . . 100.

„ II. Сущность суверенитета . . . . . 106.

„ III. Побѣды суверенитета . . . . . 113.

„ IV. Побѣды частнаго права . . . . . 122.

Часть III. **Сорокъ лѣтъ рабочаго движенія.**

Гл. I. Стачечная борьба . . . . . 132.

„ II. Прямое и политическое дѣйствіе . . 155.

„ III. Объединеніе и сектантство. . . . . 174.

Заключеніе . . . . . 187.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
BERKELEY

Return to desk from which borrowed.
This book is DUE on the last date stamped below.

27 Jul'53 WM

OCT 3 0 1953

22 MAR'62 JC

IN STACKS

MAR 8 1963

APR 1 6 1963

REC. CIR. AUG 2 9 '80

JAN 1 5 1991

AUTO DISC DEC 1 1 '90

LD 21-100m-7,'52 (A2528s16) 476

Y.C 86156

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C008711195

M278210

HD6477
S8

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

Изданія Петровской Библіотеки въ Москвѣ.

К. Каутскій. Аграрный вопросъ въ 2 ч., полный переводъ подъ ред. прив.-доц. *Н. А. Рожкова.* Ц. 1 р. 60 к.

Ш. Андлеръ. Историческое введеніе и комментарій къ коммунистическому манифесту К. Маркса и Ф. Энгельса, пер. съ франц. *А. В. Киссина.* Ц. 50 к.

П. Стрѣльскій. За или противъ насъ. Ц. 12 к.

В. Зомбартъ. Соціализмъ и соціальное движеніе. Съ предисл. *М. Туганъ-Барановскаго.* Ц. 1 р. 25 к.

К. Кульчицкій. Автономія и Федерація въ современныхъ конституціонныхъ государствахъ. Переводъ съ польскаго *А. Паткина,* съ дополненіями, измѣненіями и предисловіемъ автора спеціально для русскаго изданія. Ц. 75 к.

П. Стрѣльскій. Новая секта въ рядахъ соціалистовъ. Ц. 1 руб.

Складъ изданій — Москва, книжный магазинъ Петровской Библіотеки, Петровскія Линіи.

Тамъ же на складѣ: **Ж. Жорданскій.** Земскій либерализмъ. Очеркъ исторіи русскаго либеральнаго движенія. Изд. „*Библіотечка*". 2-ое изданіе, дополненное новой главой. Ц. 20 к.